



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Slav 9100.10 (1)



Harvard College Library

BOUGHT WITH INCOME

FROM THE REQUEST OF

HENRY LILLIE PIERCE,

OF BOSTON.

Under a vote of the President and Fellows,
October 24, 1898.

26 April 1899.

ДРЕВНИЕ И НЫНѢШНИЕ

БОЛГАРЕ

ВЪ

ПОЛИТИЧЕСКОМЪ, НАРОДОВИСНОМЪ,

ИСТОРИЧЕСКОМЪ И РЕЛИГИОЗНОМЪ ИХЪ ОТНОШЕНІИ

КЪ

РОССІЯНАМЪ.

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЯ ИЗЫСКАНІЯ

Юрія Венелина.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

Ивана Мольнаръ.

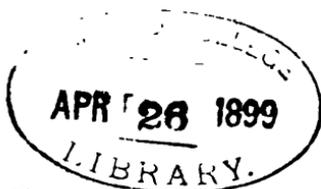


МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1856.

Slax 9100.10



Pierce fund

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цен-
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва.
Марта 5-го дня, 1856 года.

Ценсоръ И. Безсомыкинъ.

Печатано съ изданіи 1829 съ перелѣтками.



7

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ,
ГОСПОДИНУ ТАЙНОМУ СОВѢТНИКУ,
МИНИСТРУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,
СЕНАТОРУ,

ЧЛЕНУ СОВѢТА О ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ, ЧЛЕНУ
ГЛАВНАГО СОВѢТА ЖЕНСКИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ, ЧЛЕНУ
МѢСТНЫХЪ СОВѢТОВЪ ПРИ ВОСПИТАТЕЛЬНОМЪ ОБЩЕСТВѢ БЛА-
ГОРОДНЫХЪ ДѢВЦЪ И С. ПЕТЕРБУРГСКОМЪ АЛЕКСАНДРОВ-
СКОМЪ УЧИЛИЩѢ, ЧЛЕНУ СОВѢТА С. ПЕТЕРБУРГСКАГО УЧИЛИЩА
ОРДЕНА СВ. ЕКАТЕРИНЫ И ПАВЛОВСКАГО ИНСТИТУТА, ДѢЙ-
СТВИТЕЛЬНОМУ ЧЛЕНУ ИМПЕРАТОРСКАГО ЧЕЛОВѢКОЛЮ-
БИВАГО ОБЩЕСТВА, ПРЕДСѢДАТЕЛЮ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ
КОММИССИИ ,

ОРИДИНАРНОМУ АКАДЕМИКУ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ
НАУКЪ

И

РАЗНЫХЪ ОРДЕНОВЪ КАВАЛЕРУ,

АВРААМУ СЕРГІЕВИЧУ

НОРОВУ,

въ знакъ глубочайшаго почтенія

посвящаетъ

Иванъ Молнаръ.



Выходить въ свѣтъ второе изданіе сочиненія, конечно извѣстнаго всякому, кто принимаетъ къ сердцу вопросы славянской науки.

Еще девятнадцатилѣтнимъ юношей, Юрій Ивановичъ Венелвиъ упражнялъ себя въ исторической критикѣ, работая усердно въ библиотекѣ Львовскаго Университета и въ кучѣ выписокъ и замѣчаній, порожденныхъ изученіемъ источниковъ, останавливая свое чуткое вниманіе на тѣхъ сторонахъ, которыя казались темными, на тѣхъ выводахъ, которые для ученыхъ были спорными. Талантъ, начинавшій сознать свои силы, искалъ дороги новой, другими еще непроложенной, хотя бы трудной; жизнѣдѣтельность, закипавшая внутри, стремилась въ неравгданную даль; будущій ученый, имѣвшій указать пути многимъ другимъ, прежде всего самъ долженъ былъ обречь себя на судьбу странника. Обходя Венгрію, съ студенческой котомкой за плечами, юноша собиралъ свѣдѣнія у профессоровъ этого малаго міра Европы, соединявшаго въ своемъ просвѣщеніи отголоски столь многихъ разноплеменныхъ народовъ. Была мысль сѣсть на корабль въ Триестъ, хотѣлось видѣть Гре-

цію, объѣхать Архипелагъ: по обстоятельства 1821 года отвлекли его отъ одной классической страны, чтобы сберечь для другой, для той, которую самъ называлъ онъ классическою странною Славянства и для которой совершилъ впоследствии подвигъ, не столь нужный Греціи. Невольно повинувшись призванію судьбы, въ 1823 году двинулся Венелинъ, черезъ родныя вершины Карпатъ, на Черновцы, и, спустя нѣсколько дней, странника принялъ и радушно обласкалъ у себя Генераль-Губернаторъ И. Н. Инзовъ, незадолго передъ тѣмъ встрѣтившій такимъ же привѣтомъ знаменитаго поэта русскаго. Довольный скромнымъ мѣстомъ, послѣшно застѣлъ молодой ученый за свои любимыя разысканія: доселѣ сохранилась кипа бумагъ, составленныхъ имъ въ Кишиневѣ. Это большею частию выписки изъ греческихъ и римскихъ писателей, преимущественно средневѣковыхъ лѣтописцевъ, сличенія, переводы, замѣчанія. Дороговизна книгъ заставляла выписывать огромныя тирады, дороговизна бумаги — пользоваться самою плохою. Но уже здѣсь можемъ замѣтить, что главныя пуниты, привлекавшія вниманіе, были тѣ же самыя, которые затрогивались ученымъ прежде, а впоследствии поглотили всю его жизнедѣятельность. Въ самомъ дѣлѣ, Иванъ Никитичъ Инзовъ оставилъ по себѣ глубокое и благодарное воспоминаніе, какъ Попечитель поселенцевъ южнаго края Россіи; очень много Болгаръ жило въ Кишиневѣ; Венелинъ знакомился съ ними, собиралъ свѣдѣнія о краѣ и народѣ, задавалъ себѣ вопросы объ ихъ исторіи: такъ постепенно готовилось и опредѣлялось будущее великое дѣло.

VII

Лѣтомъ 1825 года началось новое странствованіе, во внутренность, къ сердцу Руси, гдѣ ожидалъ найти свое окончательное совершеніе слагавшійся умъ и характеръ Карпатскаго Славянина. Съ пятью рублями вошелъ онъ въ заставу: но онъ несъ для Московскаго Университета запасъ свѣдѣній, какимъ не всегда могутъ похвалиться питомцы, запасъ энергіи, который не всѣми одинаково бережется за стѣнами аудиторій. Венелинъ не растратилъ, а приумножилъ. Можно сказать навѣрное, что накопленная прежде сумма историческихъ, существенныхъ и вспомогательныхъ, знаній, не заставляла его особенно нуждаться въ лекціяхъ исторіи: для нихъ подъ рукою была бібліотека, былъ досугъ отъ официальныхъ занятій. Потому, нѣтъ ничего страннаго, если мы встрѣчаемъ Венелина на медицинскомъ факультетѣ, гдѣ ревностно расширялъ онъ свѣдѣнія, заготовленные въ Сегединѣ. Даже какъ будто переродился онъ: «я посвятилъ себя, говоритъ онъ, наукамъ болѣе благотворнымъ, чѣмъ Исторія и Метафизика, — наукамъ, кои привлекли все мое вниманіе и сдѣлались исключительнымъ предметомъ моихъ занятій.» Такъ думалъ онъ нѣкоторое время, такъ хотѣлъ убѣдить себя. Но науки, которымъ такъ горячо отдался онъ, нашли свое примѣненіе не со стороны врачебной, а съ той общей, хотя не менѣе существенной стороны, во сколько естествознаніе необходимо и плодотворно для исторіи. Онѣ-то подарили намъ тѣ прекрасныя страницы его сочиненій, на которыхъ столь рѣзко выдаются топографическія замѣчанія, при вопросахъ геологіи, физики, даже ботаники. Между

VIII

тѣмъ , студентъ медицинскаго факультета писалъ въ журналахъ разборы сочиненій , обличавшіе его обширныя познанія въ топографіи и исторіи южнаго Славянства , особенно Болгаріи , равно какъ Валахіи и Молдавіи. Выдержавъ окончательное испытаніе на званіе дѣкаря , онъ явился на поприщѣ литературы славянскимъ историкомъ , археологомъ , географомъ и этнографомъ ; вмѣстѣ съ окончаніемъ медицинскаго курса , онъ окончилъ печатаніе и перваго тома своихъ изслѣдованій : « Древніе и нынѣшніе Болгаре въ политическомъ , народописномъ , историческомъ и религіозномъ ихъ отношеніи къ Россіянамъ. Историко-критическія изысканія Юрія Венелина. Томъ I. Москва, въ Универс. Типогр., 1829.»

Обстоятельства изданія мы узнаемъ изъ предисловія , присоединеннаго тогда же сочинителемъ. Въ разговорахъ съ нѣкоторыми московскими учеными, Венелинъ касался иногда тѣхъ историческихъ замѣчаній , которыя хранились у него въ кучѣ выписокъ , по разнымъ спорнымъ вопросамъ славянской исторіи , и которыя самъ онъ называлъ *Архивомъ* , вовсе не имѣя въ виду когда либо напечатать ихъ. Между тѣмъ , М. П. Погодинъ обратилъ на нихъ серьезное вниманіе и лѣтомъ 1828 года убѣдилъ ученаго составить нѣчто цѣлое. Постоянно имѣя въ виду древнѣйшую исторію Руси , равно какъ прочихъ племенъ славянскихъ , но развлекаясь прежде многими частными вопросами, Венелинъ въ новомъ дѣлѣ , требовавшемъ порядка , естественнымъ образомъ остановился прежде всего на Болгарахъ , предварившихъ другія одноплемен-

ныя отрасли своимъ появленіемъ на поприщѣ исторіи, и особенно письменности. Мы знаемъ, что давно уже собиралъ онъ относящіеся сюда свѣдѣнія. Тѣмъ не менѣе, не легко было справиться съ планомъ и связью, при такой новости дѣла и при такомъ ревностномъ стремленіи рѣшать вопросы самыя запутанные и темныя. «Я зашелъ, говорилъ сочинитель, въ лѣсъ мнѣній и противорѣчій; увидѣлъ на каждомъ шагу затрудненіе. Теряясь въ многосложности труда и не довѣряя собственнымъ силамъ, я унывалъ и опять отказался отъ довершенія начатаго мною. Дѣло, можетъ быть, тѣмъ бы и кончилось, если бы тотъ же Г-нъ N. N. не побудилъ меня къ окончанію начатаго, принявъ даже и трудъ изданія на себя и издержки его на свой счетъ.» Въ такомъ видѣ и при такихъ обстоятельствахъ издавъ былъ томъ сочиненія, первый въ ряду предполагавшихся четырехъ или пяти. Не трудно, кажется, уразумѣть его настоящее значеніе, прочитавши хотя одно только предисловіе. Мы въ правѣ предположить (и даже не въ правѣ предполагать ничего другаго), что здѣсь много учености, судя по огромной начитанности сочинителя; много остроумія, судя по его неоспоримой даровитой природѣ; счастливо и удачно разрѣшены многія частности дѣла: но, конечно, много увлеченія, естественнаго на окольныхъ дорогахъ и мелкихъ тропинкахъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ недостатокъ общаго и полнаго историческаго воззрѣнія, равно какъ нѣсколько промаховъ, неизбѣжныхъ въ началѣ столь трудной работы. Довольно уже этой драгоценной откровенности автора, которая искупаетъ

и даетъ средства исправить или упорядочить всякую ошибку, всякое увлеченіе. Онъ самъ въ предисловіи разсказалъ намъ ходъ труда, признался въ своихъ затрудненіяхъ и замѣшательствахъ, откровенно обозначилъ недостатки, неровность слога, отсутствіе строгаго порядка, частыя повторенія. «Такимъ образомъ, говорилъ онъ, я самъ уже началъ рецензію моего сочиненія, указавъ на нѣкоторыя слабыя его стороны.» Издавая первый томъ, онъ прибавлялъ, что накопилось уже много другихъ, новыхъ замѣчаній; отпечатавъ, вскорѣ перешелъ его съ бѣлыми листами, чтобы вносить новое, дополнять, исправлять; черезъ нѣсколько времени былъ уже недоволенъ изданнымъ, близкимъ людямъ выражалъ желаніе во многомъ сдѣлать поправки, а черезъ нѣсколько лѣтъ даже печатно объявлялъ о томъ. Вотъ, на примѣръ, его отзывъ о той статьѣ перваго тома, въ которой доказывалъ онъ руссизмъ Аттилы, отзывъ, напечатанный спустя шесть лѣтъ: «я признаюсь, что эта статья одна изъ самыхъ слабыхъ въ моей книгѣ. . . Замѣчу еще, что въ I томѣ моихъ изысканій *очень многое* не вполне развито и что можно сказать еще *очень многое* въ оправданіе и объясненіе всего этого (О хар. нар. пѣс. у Слав. Задун., стр. 17—19).» Къ сожалѣнію, въ нашей литературѣ человѣку даровитому слѣдуетъ иногда подражать бездарнымъ, то есть говорить свысока, заданнымъ рѣзкимъ тономъ въ общихъ фразахъ прикрывать прорѣхи своего дѣла, тѣмъ самымъ не впуская сюда умничать (хотя бы загородилась дорога истинно-умнымъ), и, главное, скромно помалчивая о своихъ недостаткахъ, вы-

XI

пускать за собою стаю хвалебщиковъ , всегда готовыхъ дивиться вершинѣ, на которую имъ самимъ влѣзть не подъ силу. Это оправдалось въ дѣйствительности.

Появление книги встрѣчено было такимъ разнообразіемъ мнѣній, что было бы трудно, да и нѣтъ большой нужды, перечислять ихъ. Довольно замѣтить, что болѣе основательныя сужденія высказаны были: въ Литературной Газетѣ О. I. Бичуринымъ; въ Вѣстникѣ Европы Каченовскимъ; въ Атенеѣ Кубаревымъ; въ Московскомъ Вѣстникѣ М. П. Погодинымъ. Это была единственная книга, извѣстие о которой, послѣ Ориктогнозиі Фшера, сообщалось въ «Leipziger allgemeine Bücher-Kunde.» Оказалось даже нѣсколько пристрастныхъ приверженцевъ, на долго задивившихся «глубокомысленнымъ твореніемъ» Венелина; съ береговъ Днѣпра раздался голосъ, сравнившій автора съ Колумбомъ. Среди возгласовъ, доказавшихъ, что книга прочтена была охотно, хотя не совсѣмъ внимательно и не съ должной ученой оцѣнкой, послышалось въ тоже время много голосовъ недовольныхъ, возставшихъ противъ яркости или рѣзкости мнѣній; наконецъ нашлось даже нѣсколько горячихъ головъ и чувствительныхъ, благородныхъ сердецъ, старавшихся, въ доказательство терпимости мнѣній и оцѣнки личнаго увлеченія, распространить слухи о помѣшательствѣ автора: дальнѣйшее поведеніе ихъ спасено было тѣмъ, что обстоятельства наши не позволяли повторить исторіи Галилея. Какъ бы то ни было, нужно только жалѣть, что самъ Венелинъ не могъ въ достаточной мѣрѣ воспользо-

XII.

ваться замѣчаніями: пристрастные отзывы въ пользу сочиненія — не пользовали; безпристрастные ограничивались большею частію печатнымъ изложеніемъ содержанія книги; возражаніе имѣли на своей сторонѣ много разсудка, но не вездѣ отличили достаточно свѣдѣній или истинно-ученыхъ данныхъ, оживленныхъ проникательностію взгляда; изслѣдованія строгой науки были еще впереди. Главный выигрышъ для самого сочинителя состоялъ въ томъ, что сдѣланъ былъ имъ первый шагъ, обращено на него всеобщее вниманіе ученыхъ, получилъ онъ какъ бы нѣкоторое право дѣйствовать на проложенномъ пути, занялъ нѣкоторое положеніе въ ряду писателей. Обстоятельства имѣли расположиться такимъ образомъ, что этотъ первый изданный трудъ условилъ и вызвалъ почти всѣ послѣдующіе, опредѣлялъ всю жизнедѣятельность автора, указалъ ему путь, на которомъ стяжалъ онъ вполнѣдствіи безсмертную извѣстность. Но тогда не зналъ еще и не предъугадывалъ этого самъ Венелинъ; оставимъ и мы до времени эту сторону дѣла и воротимся къ судьбѣ изданнаго тома.

Со времени его выхода въ свѣтъ, не было строгаго ученаго, — какъ ни мало таковыхъ оказалось, — который, на поприщѣ изслѣдованія общеславянской и особенно болгарской исторіи, счелъ бы себя въ правѣ обойти указанія Венелина и не остановиться на нихъ со вниманіемъ, хотя бы для того, чтобы силою научнаго анализа опровергнуть или исправить; не было, надѣмся, исторически-образованнаго Славянина, хотя бы дѣйствовавшаго въ другихъ сферахъ изученія, который бы не про-

ХІІІ

челъ съ любопытствомъ книги «о древнихъ и новыхъ Болгарахъ», не принялъ многое къ свѣдѣнію, не сказалъ спасибо за указанія; не было, вѣроятно, у насъ историка-скороспѣлки, который бы не затронулъ книги съ какой либо общей стороны, и, не пускаясь далеко, въ самодовольствѣ не поглумился бы надъ преувеличеніями и увлеченіями; даже общая масса читающей публики на Руси унесла кое-какія общія черты Венелина и его труда въ оборотъ своего говора и журнальнаго толка. Доказательства всего скараннаго—въ памятникахъ послѣдней двадцатипятилѣтней письменности общеславянской и русской; доказательство еще нагляднѣе въ томъ, что давно уже разошлось первое изданіе, давно требовалось другое, нынѣ выходящее. Но, при всемъ томъ, взглянувши на упомянутую сферу обще-образованную, обще-пишущую по журналамъ и обще-читающую, можно бы подумать, что Венелинъ забыть съ своимъ трудомъ: это тѣмъ болѣе было бы странно, что книга «о древнихъ и новыхъ Болгарахъ» во многихъ отдѣлахъ своихъ читается довольно легко и сообщаетъ нетрудное знакомство съ народомъ, судьбы коего такъ важны, особенно въ виду современныхъ событій. И въ самомъ дѣлѣ, не забыть Венелинъ, а лучше спросимъ: сдѣлано ли послѣ него что либо замѣчательное въ томъ же родѣ? чѣмъ возбуждено любопытство читающихъ, чѣмъ вызваны отголоски повременныхъ изданій? Не забыто ли лучше самое дѣло, отчасти затронутое, отчасти созданное трудами незабвеннаго ученаго? Наконецъ, на поверхности обще-доступной русской литературы не цар-

ствоваля ли въ наше время совѣтъ иные интересы? Питая искреннее уваженіе къ послѣднимъ, позволимъ однако себѣ, при настоящемъ случаѣ, напомнить черты лица самого Венелина, въ высокой степени замѣчательнаго, равно какъ особенности дѣла его, не только близкаго къ сердцу всякаго Русскаго, но даже засѣяващаго великую ниву для всходовъ, въ которыхъ да позволено будетъ прозрѣвать значительный приплодъ будущей жатвы. Въ своемъ обзорѣ мы будемъ имѣть въ виду не однихъ ученыхъ, а большинство читающихъ и образованныхъ.

Всѣмъ извѣстно и тысячу разъ повторялось, что разбираемое сочиненіе Венелина, помимо главнаго хода дѣла, не вездѣ обрисовавшагося съ полной ясностью, содержитъ въ себѣ много отступленій, много увлеченій и даже преувеличеній. Этотъ характеръ дѣятельности имѣлъ свой плодотворный исходъ, его оправдавшій впоследствии, свое приложеніе внѣ книгъ и ученаго кабинета, о чемъ еще скажемъ ниже. Однако и въ сферѣ болѣе узкой, измѣряемой требованіями науки и ограниченной кабинетомъ и книгами, есть нѣсколько обстоятельствъ, весьма уважительныхъ и съ своей стороны оправдывающихъ Венелина. Заглянемъ въ его рабочую. Это не было сочиненіе, писанное на заданную тему, съ ограниченной и вполне определенной цѣлью: не много еще подобныхъ твореній насчитываетъ наука славянскихъ нарѣчій, немного еще нашлось для нея умовъ совершенно строгихъ, точныхъ и ясныхъ; область этого знанія, какъ и самая судьба племенъ славянскихъ, слишкомъ велика и обширна, чтобы

охватить ее однимъ опредѣленнымъ взглядомъ; слишкомъ глубоко уходитъ она своими корнями въ даль минувшаго и въ глубь всего существеннаго въ человѣческомъ мірѣ, чтобы можно было разомъ подняться на высоту общихъ выводовъ; наконецъ, слишкомъ тѣсно сплетается со всѣми вѣтвями современной исторіи, чтобы, говоря о ней, не затрогивать по неволѣ и того, и другаго, и третьяго. Миновать заразъ всѣ эти затрудненія,—значило бы только отказать отъ предмета и обратиться къ другому. Венелинъ самъ высказывалъ слабость силъ своихъ, приносилъ такимъ образомъ собственную личность въ жертву осуждающаго мнѣнія, но самому дѣлу отдалъ лепту, въ надеждѣ, что и она поможетъ жизни славянской, обходимой западными учеными, вдовствующей и ожидающей помощи отъ родныхъ, отъ руки близкой. Это былъ сборникъ матеріаловъ, въ разное время собранныхъ и разобранныхъ; авторъ старался привести ихъ въ порядокъ, но невольно увлекался тѣми мыслями, которыя мгновенно освѣщали для него тотъ или другой рядъ историческихъ свидѣтельствъ, ту или другую темную сторону запутаннаго дѣла. Такъ точно, нерѣдко, одна какая либо черта современной исторіи, одинъ случай, одно событіе поднимаетъ въ чуткой головѣ тысячи вопросовъ, и по всему славянскому Востоку и Югу Европы пробѣжитъ ваша мысль, на всемъ пространствѣ пробудитъ отголоски, освѣтитъ нѣсколько пунктовъ въ судьбѣ и назначеніи племенъ, вамъ родныхъ и вами изучаемыхъ, тамъ и сямъ ярко вспыхнетъ сознаниемъ, тамъ и сямъ озарится надеждой: и, въ

тоже время, очень возможно, вы обманетесь въ выводахъ, по крайности въ быстротѣ ихъ осуществленія и претворенія въ дѣйствительность, а строгій разсудокъ воротитъ васъ туда же, откуда вы вышли, чтобы перензлѣдовать данныя. Такія-то вспышки озарявшейся мысли были естественны въ трудѣ Венелина, по самому существу труда, и непрерывно увлекали подвижный до крайности умъ сочинителя, умъ, не спорившій съ страстнымъ сердцемъ: подчиненный неудержимому ихъ вліянію, Венелинъ шелъ дальше и дальше, то совершенно оживлялъ предъ своимъ взоромъ минувшее, то рисовалъ картины странъ, имъ видѣнныхъ, имъ изученныхъ, заговаривался съ представившимися лицами, запѣвалъ пѣсню; порою замѣчалъ онъ уклоненіе, не могъ не чувствовать, что отбился на рубежъ крайнихъ увлеченій, спѣшилъ воротиться къ строгому дѣлу: но, попавши однажды на извилистый путь, могъ воротиться только тѣмъ же, и не инымъ путемъ. Начиналось снова серьезное изслѣдованіе, раскрывались мельчайшія черты и подробности, а силы, привыкшія развлекаться, готовы были снова повторить тотъ же кругъ переходовъ и увлеченій. Мы видѣли, какъ авторъ порою, сознательно и бессознательно, терялся въ такой работѣ; онъ бросалъ начатый трудъ, и потомъ съ новой восторженной энергіей брался за перо. Нельзя не замѣтить, что все это значительно оправдывается положеніемъ самого дѣла. Разумѣется, судьбы Славянства, опредѣляясь въ дѣйствительности, твердо обозначутъ точки и стороны для научнаго постиженія; но, пока еще не вскрылись для взора всѣ

XVII

жилы и руды этой сокровищницы; пока не только еще не выработаны массы драгоценнаго металла на диво и на показъ всѣмъ, но и взоръ еще не у многихъ навѣкъ ихъ отыскивать и разомъ цѣнить: дотолѣ имѣютъ право всѣ увлеченія, обличающія не только полное сознаніе, но даже хотя бы инстинктивное представленіе важности дѣла; до тѣхъ поръ мы будемъ цѣнить и Венелина, и Коллара, и Челаковскаго, всѣхъ ученыхъ и поэтовъ славянскихъ, въ суммѣ ихъ увлеченій отличая мѣткія показанія сущности. А у Венелина есть эти крупныя зерна, подобранныя изъ исторіи, языка и быта. Не спѣшите называть ихъ парадоксами, соблазняясь примѣрами другихъ, рядомъ попавшихся увлеченій и преувеличеній: прежде поизучите, такъ, какъ Венелингъ, источники; воспитайте въ себѣ его воспримчивость къ отгадкѣ смысла и духа славянской древности, отзовется ли онъ въ строгомъ историческомъ показаніи, въ имени ли, пословицѣ или ходячемъ преданіи; воспитайте такую поэтическую душу, успѣвавшую порою захватывать сущность не сѣтями анализа, а воспримчивостію живаго чувства и пророчествомъ слова: тогда, быть можетъ, вы согласитесь съ Венелинымъ гораздо болѣе, чѣмъ предполагаете; а не согласитесь, опровергнете его тѣмъ же оружіемъ, — ваше и наше счастье, — получимъ новый и лучшій плодъ славянской науки. Но не беритесь за дѣло опроверженія, если намѣрены вы подбирать только обломки всеоружія западной учености или осколки какого ни будь ржавѣющаго желѣза ставить про-

тивъ стали искрометной. Тѣмъ не многимъ, коимъ удалось побороть выводы Венелина, поставивъ на мѣсто ихъ свои, яснѣйшіе, опредѣленнѣйшіе и точнѣйшіе, честь имъ и слава; но тѣхъ борцовъ, которые выходили на него безъ силы, съ одною лишь «ухваткою ученою, нѣмецкою,» пустилъ ихъ боецъ нашъ, какъ Кастрюка-Мастрюка.— Еще болѣе порывы его находятъ себѣ оправданіе въ личномъ характерѣ, крайне согласовавшемся съ неопредѣленнымъ и нестойкимъ положеніемъ дѣла. Загляните въ статьи, начиная съ самсй даже вишней стороны, — вы откроете черты лица своеобразнѣйшаго. Сочиненія, сохранившіяся въ бумагахъ, всѣ на бѣло, безъ большихъ поправокъ, не исключая и тѣхъ трудныхъ мѣстъ, гдѣ вставлены переводы съ другихъ, и особенно древнихъ, языковъ: это доказываетъ съ одной стороны значительное владѣніе приемами и средствами науки, съ другой стороны ясно, что авторъ не вездѣ владѣлъ собою на столько, чтобы возвращаться и передѣлывать; каждая такая статья, — порывъ; ему легче оборваться, перерваться, но не вернуться, чтобы перемарывать. Подобнымъ образомъ и въ языкѣ нѣтъ постоянной и непрерывной ровности; не мудрено: въ немъ и нельзя ожидать особенной отдѣлки, ибо извѣстнѣйшія сочиненія Венелина носятъ обыкновенно характеръ первоначальныхъ разысканій, и при томъ часто съ филологическими основами. За то слогу вылитъ весь въ одинъ образъ, — взглядывшіе въ него, взгляните въ Венелина. Тутъ не обработка внѣшняя, тутъ выработанный духъ, путемъ са-

мобытнаго развитія; развитіе, вы замѣчаете, шло не по тѣснымъ программамъ, не по узкимъ рамочкамъ, отмѣчено не нарѣзками, а вылилось въ цѣлый типъ, едва успѣвшій охватить всѣ выразительные переливы, всю подвижную физиономію; это быстрина, увлекающая не только бѣглыми и живыми изображеніями, но даже и тяжелыми массы филологическихъ разысканій; движеніе, восходящее до лиризма; частые образы и разливы въ сторону; наконецъ, похотливая почти шутливость, или лучше юморъ, въ вѣстахъ самыхъ важныхъ; нигдѣ не видно желанія высказаться или даже намекнуть на свое личное горе, не видно затаеннаго негодованія и злобы, при всемъ томъ, что жизнь автора вовсе не была сладка, и частныя письма его обличаютъ самыя драматическія движенія чувствъ. По образцу сѣверныхъ писателей и поэтовъ, могъ бы замучить васъ авторъ отголоскомъ собственнаго тяжелаго чувства: добродушный, онъ шутитъ съ вами. Однимъ словомъ, вездѣ природа югозападнаго Славянина. Самъ Венелинъ превосходно сознавалъ ее, въ ея различіи отъ природы Славянина сѣверовосточнаго: прочтите его разительную характеристику тѣхъ и другихъ племенныхъ вѣтвей въ сочиненіи «объ источникѣ народной поэзіи вообще и южнорусской въ особенности», или въ статьѣ «о спорѣ между Южанами и Сѣверянами.» Наши писатели, столь склонные къ характеристикѣ всякой замѣчательной личности и нерѣдко столь плохо понимающіе ея права въ окружающей дѣйствительности, не замедлили снабдить

Венелина (подобно какъ Гоголя) своими строгими замѣчаніями, такъ, что въ статьѣ «о нашествіи Западнскихъ Славянъ на Русь до Рюриковыхъ временъ», онъ долженъ былъ отвѣчать на упреки въ *мироселіи*: «я ни чуть не нахожу, говорилъ онъ, моего сочиненія игривымъ; если оно дѣйствительно такое, то объденить и называть оное Психологія и Физиологія. Если есть въ природѣ пасмурная душа, то должны быть и веселыя. . . . Игривость въ положеніи не поправится покажь только тѣмъ единственно, кои страдаютъ снливомъ или дряхлостію живота.» Источникъ этой игривости, быстроты, этого движенія, лежалъ не въ поверхностности, не въ поверхностномъ взглядѣ на вещи, а во внутреннемъ характерѣ и умѣ самого сочинителя; отсюда же, на половину, истекло и разнообразіе статей его. Правда, по всюду и всегда древнія судьбы Славянства, особенно Руси и Болгарь: но что дѣлать, если около ложилась Византийская путаница, да степь орды Азіатскихъ? Что дѣлать, если съ натурой нашего стараго казаккраишника, мчался Венелинъ по этимъ необозримымъ крайнамъ, влекомый порывомъ столь живымъ и естественнымъ, хотя бы до самозабвенія? Онъ начинаетъ обыкновенно отдѣльную статью свою со всѣми средствами ученыни, путемъ филологическимъ, въ предѣлахъ весьма точныхъ; но скоро увлекается одною, другою, третьей мыслию, идетъ за ними ко всѣмъ народамъ, во всѣ времена и эпохи; сначала рвется какъ потокъ, потомъ дѣлится на побочные рукава, даже желкіе

ручи, и прерываетъ статью, ослабить или надорвавшись. Большая часть сочиненій его безъ конца; напрасно улаживаютъ, что въ бушатахъ неопытскаго продолженія: на дѣлѣ его не оказывается, да и нельзя предположить когда либо. Не поставимъ этого въ упрекъ единству и цѣльности трудовъ: это единство существовало, но существовало именно въ особенностяхъ личныхъ и не столько, можетъ быть, коренилось на сознаніи научномъ, сколько на представленіяхъ поэтическихъ. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы понять, какимъ образомъ научное положеніе у Вепелина весьма часто переходило въ поэтическій образъ, нужно помнить, что авторъ имѣлъ глубоко-поэтическую южно-русскую натуру. Не говоря уже о тѣхъ увлекательныхъ описаніяхъ мѣстности, которыми вынесъ онъ въ послѣдующія статьи изъ своего путешествія, взгляните на тѣ страницы, въ которыхъ видите вы такъ часто человека-странника въ теченіе половины жизни, вдохновеннаго путешественника, глядѣшаго на страну и взоромъ ученаго естествовѣда, и еще болѣе взоромъ поэта, воспитаннаго въ лонѣ Карпатской природы. Такова статья его «о древнихъ жилищахъ русскаго народа», таково, по поводу замѣчаній «объ обрахъ», превосходное описаніе странъ Дуная, Карпатъ, Седмиградіи, Валахи; таковы истинно-поэтическія краски въ характеристикѣ «Южанъ и Сѣверянъ, въ спорѣ ихъ на счетъ Россизма», и т. д. Живость историческихъ его представленій доходила именно до поэтической яркости. «Я помню, говоритъ онъ (О характерѣ народныхъ пѣсенъ у Славянъ Заду-

найденъ, стр. 57 и дальше), что въ дѣтствѣ, про-
ходя исторію, я пожелалъ знать точно также и
древности Готевъ и Вандаловъ, какъ и Римскія:
это потому, что мнѣ показался очень интереснымъ
тотъ народъ, который завоевалъ отечество Virgi-
лія, Горация, Овидія, или, что важнѣе всего, оте-
чество храбраго Юлія Цесаря. Аннибала и очень
любилъ потому, что Аннибалъ былъ молодъ, и
храбръ, и уменъ, и такъ славно взялъ Сагунтъ.
Въ его походѣ изъ Испаніи черезъ Галлію въ Ита-
лію я не отлучался отъ него ни на шагъ, за то
и умѣлъ восхищаться всѣми затрудненіями, кото-
рыя онъ преодолевалъ въ своихъ переходахъ. Про-
ходя дальше Исторію, и полюбилъ и Аларика и
Радогостя, и Генсерика, но Аларика еще больше
отъ того, что онъ мнѣ, не знаю почему, показал-
ся также молодъ, какъ и Аннибалъ. Я имѣлъ лю-
бопытство просить учителя объяснить мнѣ, черезъ
какія горы и рѣки велъ Аларикъ свои полки подъ
Римъ? Такіе ли мечи были и у Готевъ, какъ и у
Римлянъ? На такомъ ли основаніи велъ полки Ала-
рикъ, какъ и Fabius cunctator или Julius Caesar,
т. е. какъ Диктаторъ или просто какъ Консулъ?
Просилъ показать мнѣ на ландкартѣ тотъ *Готв-*
скій или *Вандальскій Римъ*, изъ которыхъ выплыва-
ли эскадры Генсериковы, поработившія Испанію и
Африку; спросилъ, есть ли и у Готевъ Капитолій
такъ же, какъ и у Римлянъ, или есть ли у нихъ
свой Овидій, и будутъ ли мнѣ изъ него читать?
Сочинитель Некролога, помѣщеннаго въ Москов-
скія Вѣдомостяхъ 1839 года, рассказываетъ два

любопытныхъ случаевъ: «однажды вечеромъ, въ свое путешествіи въ Болгарію, сталъ онъ, отъ нечего дѣлать, описывать какой-то городъ, который сдѣлалъ на него сильное впечатлѣніе своимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ. Вдругъ, говоритъ онъ, перенесся я во время XIV или XIII вѣка, когда Турки осаждали этотъ городъ; на площади, передъ мощны окнами, представились мнѣ Турки того времени и толпа Болгаръ, и изъ моего описанія вышла первая глава романа». Въ другой разъ, «окончавъ труды свои, пошелъ онъ со мною въ Дѣвичій монастырь. Веселый разсказъ его, по обыкновенію, начался анекдотами, потомъ перешелъ къ воспоминаніямъ о дѣтствѣ, и, когда мы пришли на Дѣвичье поле, онъ былъ уже на полѣ исторіи. Тутъ, остановясь посреди поляны, разсказалъ онъ намъ разысканные имъ факты; указывалъ на тѣ стороны, откуда шли войска Самозванца и Жолкѣвскаго; перенесъ насъ въ Кремль, гдѣ въ это время шло постриженіе Василія Шуйскаго, и окончилъ такъ: что же оставалось дѣлать боярамъ? Войска Самозванца идутъ *оттуда*, войска Жолкѣвскаго стоятъ *тамъ* въ виду; они скорѣй къ нему на встрѣчу, вручаютъ Гетману, на Дѣвичьемъ полѣ, ключи Московскіе.» Трофей Карла Великаго и мирный вѣнокъ Лейбница отнимали у Венедина сонъ во время ночи и тревожили его въ часы дня. Въ наукѣ возставалъ онъ противу германской монополіи; на славянской землѣ воздвигнулъ грозный ликъ Волжскаго царя, Аттилы, который забавлялся трусостію Рима Восточнаго и грозилъ Западнему; онъ любовался этимъ ликомъ, съ особенной

любовью рисовать черты его. Былъ еще третий деятель исторія, питавшій поэтическое увлеченіе его ученымъ изысканіемъ,—Ю. Цесарь. Цесарь и Карлъ приводятъ всю Исторію къ Риму: нитъ противоборствуетъ Аттила, какъ представитель міра славянскаго. Какъ же не видѣть здѣсь, помимо науки, истинно-поэтическаго увлеченія, какъ не искать его въ личномъ характерѣ, и какъ не объяснить намъ многое и многое во всей дѣятельности!

Неужели послѣ этого мы, уже усѣбшіе ознакомиться съ приемами западной цивилизаціи, не отдадимъ нѣкотораго права увлеченіямъ подобной личности и не оправдаемъ ихъ въ наукѣ? Давайте намъ такихъ личностей побольше, ибо, помимо ихъ строгихъ изысканій, самыя черты обрисовавшагося сочинителя сообщаютъ намъ понятіе объ истинно-славянскомъ живомъ типѣ; мы даже готовы будемъ помириться съ мыслию, что до известной степени таковъ характеръ славянской науки, не подавляющій всѣхъ личныхъ особенностей дѣятеля, подобно бытовому устройству Славянъ, массою общинныхъ требованій не заслоняющему права лица самобытнаго. Остается только одно впечатлѣніе, непріятное для нѣкоторыхъ: рѣзкость противъ ученыхъ авторитетовъ, то есть нѣмецкихъ критиковъ и изслѣдователей, противъ которыхъ вѣчно ратовалъ Венелингъ; обстоятельство это многихъ обижало, обижаетъ и, можетъ быть, еще будетъ обижать: о вкусахъ спорить не должно.

И такъ книга «о древнихъ и новыхъ Болгарахъ» останется достояніемъ науки; если ученое изслѣдованіе шагнуло или шагнетъ далѣе, это не

погибает уважать и цѣнить сочиненіе, выразившее собою пройденную эпоху; за исключеніемъ опровергнутого и исправленнаго, останется всегда много дѣльнаго для поученія; кажущіеся парадоксы оправдаются, статья можетъ, новыми открытіями; парадоксы дѣйствительные вызовутъ истину непарадоксальную; всѣ умеченія легко примирятся съ наукой при созерцаніи оригинальнаго образа самого творца, а своей подвижной энергіей будутъ питать умъ, менѣе строгій и специальный, болѣе живой и легкой; много въ нихъ выиграетъ народное чувство читающаго Славянина, многое затронетъ его сердце за живое.

Но есть еще особенная сторона въ дѣлѣ Венелина: она разрываетъ узкія требованія книги и кабинетной учености, выводитъ насъ на просторъ живо-трепещущей дѣйствительности. Къ ней-то обратимся теперь. Такія натурки, какова была натура Венелина, требуютъ обыкновенно, чтобы неразбросаться, одной специальной области занятій, на которую можно было бы устремить всю силу таланта. Счастливая судьба дала ему такую область, — именно область исторіи, языка и быта Болгаръ; по всему замѣтно, что, со времени появленія первой книги, все живое сочувствіе автора преимущественно склонялось отсель къ тѣмъ вопросамъ и статьямъ, которые именно принадлежали помннутой области; все остальное, отсель появлявшееся въ печати изъ подъ пера его, хотя обличало по прежнему ученость, даровитость и остроуміе, но далеко уступало на степеніи живости, дѣйственности и плодотворности. И здѣсь не безъ выигрыша осталась наука, но

это была наука книжная, кабинетная: между тѣмъ, въ отношеніи къ Болгарамъ, для Венелина явилась возможность одной великой монографіи, монографіи, которую чертилъ онъ отселѣ же на бумагѣ, а въ сердцахъ и умахъ цѣлаго возраждавшагося племени, чертилъ не перомъ, а собственнымъ присутствіемъ и живымъ вліяніемъ своей личности, создалъ и завершилъ всю послѣднюю энергію своей пылкой дѣятельности. Ближайшее начало такому неожиданному обороту дѣла положено было все-таки опять разбираемой нами книгой: она открыла ему путь ученаго странствованія въ Болгарію при пособіи Императорской Россійской Академіи; она же привязала къ нему въ первые сердца избранныхъ Болгаръ, еще до личнаго знакомства и будущихъ близкихъ сношеній. Весною 1830 года отправился Венелинъ въ возжеланную страну классическихъ воспоминаній Славянства, и на первыхъ уже шагахъ получалъ много предвѣщаній и даже удостовѣреній во всей трудности, опасности и малоуспѣшности предпринятаго дѣла. Русскіе перебирались уже изъ-за границы послѣ знаменитой кампаніи. Изъ за Дуная продолжали тянуться болгарскіе переселенцы; значительная часть Предъ-балканья оустѣла въ слѣдствіе войны, заразы и выселковъ. Амнистія, объявленная Султаномъ, не успокоивала Христіанъ: они хорошо знали, что Турки не простятъ попытокъ возстанія и выраженаго сочувствія къ Русскимъ; тамъ и сямъ завязывались сильные распри, доходившія до кровопролитія. Въ скудномъ положеніи финансовъ, Турецкое правительство обложало купечество и зем-

ледѣльцевъ тяжкими податями; заврещеніе вывоза хлѣба изъ Молдавіи и Валахіи пало прямо на жителей внутреннихъ областей, у коихъ Турки отнимали послѣдній кусокъ хлѣба. Изъ бѣглецовъ, не хотѣвшихъ или неуспѣвшихъ воспользоваться переселеніемъ, образовались въ горахъ цѣлыя шайки: фирманъ Султана не въ состояніи былъ бы защитить отъ нихъ, не защитилъ бы и отъ Турокъ, которые въ ученомъ изыскателѣ должны были видѣть подозрительнаго лазутчика. Все, что было у Болгаръ дорогаго въ памятникахъ древности, особенно письменныхъ, отчасти сгнбло въ войну, отчасти растащено, развезено или разобрано вслѣдъ за выходцами и Духовенствомъ. Болѣе образованные Болгаре, которые могли бы быть руководителями, находились по городамъ Валахіи, Молдавіи, Бессарабіи, въ Германштадтѣ, въ Вѣнѣ, нѣкоторые даже въ Петербургѣ. Присоедините къ этому наконецъ то, что зачиналась уже холера и готовилась чума, опустошившая впоследствии всю Болгарію. При всѣхъ подобныхъ затрудненіяхъ, при всей краткости пребыванія своего за Дунаемъ и въ Валахіи, при болѣзни и неоднократной даже личной опасности, Венелинъ съ полною рѣшимостью и самоотверженіемъ совершилъ предпринятое дѣло, и совершилъ лучше и плодотворнѣе, чѣмъ кто либо смогъ бы на его мѣстѣ. Онъ вывезъ или снялъ достаточное количество рукописей, впоследствии изданныхъ; составилъ записки о встрѣчавшихся печатныхъ книгахъ; мѣрами крайняго усилія собралъ значительное число народныхъ пѣсень; овладѣлъ живымъ языкомъ и собралъ множество матерьяловъ

для его изученія, въ данныхъ ходячаго говора; на мѣстѣ повѣрилъ и подкрѣпилъ многіе ученые вопросы, бывшіе прежде для него догадками, на примѣръ касательно именъ всѣхъ членовъ Аттилина рода; болѣе же всего выиграло, кажется, яркое представленіе топографическихъ особенностей туземнаго быта. Извѣстно, на сколько успѣлъ Венелинъ распорядиться собранными матерьялами. Черезъ полтора года странствованія, онъ вернулся въ Москву и окончательно основался здѣсь. Не вдругъ завязались его живыя отношенія къ Болгарамъ. Во время путешествія, кое-гдѣ только испытывалъ онъ искреннее сочувствіе туземцевъ, простыхъ и необразованныхъ. Между тѣмъ, послѣ 1829 года, Болгаре мало по малу возвратились къ прежнимъ своимъ жилищамъ и занятіямъ; въ своемъ разбродѣ, по городамъ Южной Руси и Валахиі, познакомились они съ первымъ томомъ Изысканій Венелина. Трудно передать, до какой степени задѣты они были за живое, съ какою жадностью читали и вдумывались въ судьбы свои, съ какимъ радостнымъ чувствомъ признали подобающее себѣ мѣсто въ кругу семьи славянской, прежде отнятое у нихъ нѣкоторыми писателями, заклеянное именемъ Татарщины, а теперь очищенное и возвращенное Венелинымъ; нѣкоторые, хотя впрочемъ, немногіе, успѣли его видѣть лично, воодушевиться его увлеченіемъ, пересказать свой восторгъ соплеменникамъ. Одинъ изъ послѣдующихъ главнѣйшихъ дѣятелей болгарскаго образованія, В. Е. Априловъ, по возвращеніи изъ Константинополя въ 1831 году, случайно нашелъ книгу Венелина: «этотъ томъ,

говорить отъ (Депница новоб. образов.), возбуждавшій общій энтузіазмъ въ Славянахъ, поощрилъ перваго меня къ занятіямъ. Долго искалъ я автора въ Петербургѣ и Москвѣ, чтобы просить его продолжать свои изысканія, потому что его положенія были торжествомъ для всѣхъ Болгаръ. Они видѣли въ немъ того генія, который можетъ извлечь ихъ изъ невѣстности, ознакомить ихъ съ ихъ братьями, Русскими, и поставить ихъ наравнѣ съ просвѣщенными народами. . . . При первомъ извѣстїи, что я открываю мѣстопребываніе нашего Исторіографа, всѣ кинулись съ восторгомъ спрашивать объ немъ. Живущій въ Букарестѣ Г. Георгій Пѣшаковъ доставилъ мнѣ оду для отсылки Юрію Ивановичу.» Эту торжественную и восторженную оду желающіе могутъ найти во всѣхъ жизнеописаніяхъ Венелина. Въ 1831 году, покойный книгопродавецъ А. С. Ширяевъ получилъ изъ Букареста, отъ 30 Іюля, письмо Анастасія Стояновича-Кипиловскаго, замѣчательное во всѣхъ отношеніяхъ, такъ, что мы рѣшаемся привести его, не смотря на языкъ, затруднявшій Болгарина. «Почтенный Господинъ, А. С. Ширяевъ! Предъ нѣсколькими днями счастье имѣлъ прїять на рукахъ сочиненную Г. Ю. Венелинымъ книгу, подъ заглавіемъ «Др. и нын. Болгаре», которую шестой разъ нынѣ ненасытно прочитаю. Я Болгаринъ родомъ. Чувства мои относительно къ народу моему всѣмъ сходственны тѣмъ чувствамъ, отъ которыхъ преисполнена и душа достопочтеннаго писателя сей книги. Я не знаю отъ чего, однакожъ должно

признаться , что въ душѣ моей возгорѣлся такой же восторгъ , что даже могу смѣло сказать , сравнивается съ восторгомъ самого почтеннаго спсателя. Не могу объяснить Вамъ , сколько несчастнымъ почитаю себя , узнавъ , что мужъ сей , Г. Венелинъ , презимовалъ въ городѣ нашемъ , я же не имѣлъ счастья познакомиться съ нимъ. . . . Означенная книжка , т. е. первая часть , въ цѣломъ городѣ нашемъ одна для всѣхъ любопрочитателей нашихъ : потому прошу Вашу Милость благоволить первую почтою объявить мнѣ , отпечатаны ли и прочія части сего сочиненія , и послѣднюю цѣну каждой части , и слѣдовательно взнести Вамъ деньги на нѣсколько экземпляровъ. При томъ же теплѣ прошу изволить одолжить меня увѣдомленіемъ , гдѣ достопочтенный писатель , Г. Венелинъ , нынѣ находится , дабы могъ адресоваться къ нему благодарственнымъ посланіемъ , каковымъ долженствуетъ весь народъ отнестись къ сему безсмертному возобновителю , такъ сказать , болгарскаго существованія.» Венелинъ въ это время продолжалъ жадно заниматься исторіей , языкомъ , литературою Болгаръ , воскрешалъ свои воспоминанія и записки путешествія , но мало еще имѣлъ живыхъ связей съ покинутою страной. Въ 1834 году , среди занятій и отчетовъ для Академіи , онъ началъ печатать II томъ своихъ Историческихъ изысканій , подъ прежнимъ заглавіемъ ; но дѣятельность , успѣвшая уже склониться въ одну сторону , къ Болгарамъ , отбивала охоту отъ изслѣдованій , хотя близкихъ и родственныхъ , но все же постороннихъ , имѣвшихъ

предметомъ другія вѣтъ Славянства; при томъ же вѣдшій обстоятельства были слишкомъ тѣсны, горе закрадывалось глубоко въ душу: «мысль, что мои занятія, говоритъ онъ («о зародышѣ новой болг. литер.» 1838, стр. 24), не приведутъ меня ни къ чему, кромѣ убытковъ, заставила меня прекратить изданіе II тома и четвертый корректурный листъ бросить подъ столъ.» Напрасно Кипиловскій ожидалъ появленія его сочиненій, чтобы воспользоваться ими для предполагаемой исторіи Болгаръ; не дождавись, онъ уже рѣшился выдать послѣднюю и въ 1836 году, въ Февралѣ, написалъ о томъ новое объявленіе, въ которомъ останавливаютъ наше вниманіе слѣдующія строки (сообщаемъ въ переводѣ): «энтузіазмъ Венелина къ своему предмету такъ великъ, что, къ великому нашему стыду, не только доселѣ не сумѣли мы послѣдовать его примѣру, но даже не постарались, по крайней мѣрѣ, узнать и справиться, что съ нимъ сдѣлалось и по какой причинѣ не выходятъ въ свѣтъ остальные части его труда, узнать для того, что, если бы не имѣлъ онъ средствъ, то помочь бы ему, или купить у него трудъ его и напечатать. Эти слова, желательны, чтобы тронули сердце всякаго ученаго и богатаго Болгарина, если оно еще не окаменѣло.» Болгаре не теряя однако же времени: возбужденные до энтузіазма, они готовили необходимѣйшія сочиненія и учебныя руководства, обдумывали предстоящее дѣло образованія, и въ 1835 году плодомъ ихъ усилій, въ особенности усилій В. Апри-

мою и Н. Палагузова, являясь Габровское училище, начало, образец и разсадникъ послѣдующихъ другихъ. Поспѣшнѣо извѣстили Венелина обо всѣхъ успѣхахъ и начатомъ уже собираніи пѣсенъ: отъ 22 Мая 1836 года онъ получилъ письмо изъ Одессы, подписанное обоими незабвенными дѣятелями болгарскаго просвѣщенія. «На это письмо, говорить Венелинъ, я не рѣшался отвѣчать имъ потому, что не желалъ оторчить извѣстіемъ, что отъ обстоятельствъ я рѣшился не заниматься болѣе ихъ древностями.» Въ самомъ же дѣлѣ, какъ узнаемъ изъ другаго мѣста, послѣ неудачъ поѣздки, «благородныя чувствованія, изложенныя въ означенномъ письмѣ, неуспѣли изгладить въ немъ недоувѣрчивости къ готовности Болгаръ (изъ послѣдующаго письма къ Априлову).» Среди грустнаго настроенія души, онъ думалъ еще, что Пѣшаковъ, приславшій ему оду, «былъ одинъ Болгаринъ, который наконецъ захотѣлъ оцѣнить его слабое адвокатство въ пользу соотечественниковъ (оттуда же).» Юня 28, 1837 года, снова написано было Априловымъ письмо изъ Одессы; оно оканчивалось замѣчательными словами: «вы очень одолжите всѣхъ моихъ соотечественниковъ, если неперестанете трудиться въ пользу ихъ исторіи. Они помѣстятъ Васъ въ число своихъ благодѣтелей и потомство впишетъ Ваше имя въ храмъ безсмертія.» Благородныя чувства были слишкомъ явны и сильны, слова слишкомъ убѣдительно, чтобы послѣ нихъ задумываться и сомнѣваться. Венелинъ еще прежде, тотчасъ по возвращеніи изъ поѣздки, понималъ уже всю ея

недостаточность и желалъ пополнить недостающее постояннымъ и живымъ сношеніемъ съ туземцами. Съ этой стороны необыкновенно замѣчательно письмо его къ Г. Инзову, писанное въ 1832 году. «Само собою разумѣется», говоритъ онъ здѣсь, «что въ такой странѣ, въ какой нѣтъ ни туземныхъ ученыхъ, могшихъ облегчить меня своими многолѣтними наблюденіями, ни книгохранилищъ, въ коихъ бы можно было все обозрѣть, принужденъ будучи гоняться за всякою мелочью порознь, и все почти схватывая, такъ сказать, на лету, я, вопреки желанію и старанію моему, могъ и долженъ былъ много упустить изъ виду... По сему, по возвращеніи въ Москву, главнымъ моимъ желаніемъ и почти обязанностью было пріобрѣсти въ той странѣ просвѣщеннаго корреспондента, который бы, при востоянномъ вниманіи къ могущимъ встрѣтиться письменнымъ древностямъ Болгаръ, равно и къ нынѣшнему ихъ состоянію, какъ въ домашнемъ быту, такъ и въ нравственномъ отношеніи, сообщалъ бы мнѣ постепенно своя замѣчанія и пріобрѣтенія, для умноженія и упроченія моего собранія свѣдѣній.» Не нашедши такого надежнаго человека между самими Болгарами, Венелинъ обратилъ все свое вниманіе на Бессарабскія поселенія, появленіе коихъ составило замѣчательнѣйшую эпоху въ судьбѣ Болгарскаго народа. Онъ надѣялся «учредить подобную наблюдательную точку въ Болградѣ, какъ въ центрѣ, въ которомъ можно найти людей изъ разныхъ областей придунайской и забалканской Болгаріи, или, по крайней мѣрѣ, бывалыхъ и живыхъ въ тѣхъ мѣстахъ.» Съ этою цѣлію составилъ

онъ подробный проектъ дѣйствования, представивъ его начальству тамошняго Попечительнаго Комитета и изложивъ возможность организаціи особыхъ чиновниковъ, для наблюденія за всѣмъ ходомъ болгарскаго образованія, за развитіемъ языка, словесности, общежитія, для собиранія памятниковъ, составленія Музея, содѣйствія русскимъ ученымъ. Однимъ словомъ, это замѣчательнѣйшій документъ, какой только оставилъ Венелинъ на память своей проницательности въ судьбы исторіи, своей талантливости и энергіи. Къ сожалѣнію, онъ не возымѣлъ дѣйствія. «Такъ какъ я напрасно ожидаю,— говоритъ Венелинъ въ одномъ письмѣ къ Априлову,— не только поясненій, но даже и отвѣта. то на 48 страницъ я прекратилъ печатаніе II-го тома, и, въ справедливомъ негодованіи, чуть было рукопись не бросилъ въ огонь.» Теперь, послѣ помннутыхъ писемъ изъ Одессы, не оставалось желать ничего болѣе. Не медля нисколько, помѣстилъ онъ тотчасъ въ Московскомъ Наблюдателѣ 1837 года, въ сентябрьской первой книжкѣ (вышла она собственно уже въ 1838 году), прекрасную статью «*О зародышѣ новой болгарской литературы*», въ которой изложилъ вкратцѣ всю свою дѣятельность, исторію поѣздки, и то зачало новаго будущаго, которое открывалось въ перепискѣ съ Болгарами. Статья эта, съ прибавленіемъ *книжка первая*, въ 1838 году отпечатана была особо и разнеслась по всей Болгаріи. Въ Октябрѣ 1837 года спѣшилъ онъ отвѣчать Априлову длиннымъ письмомъ, любопытнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Здѣсь изложилъ онъ исторію своей поѣздки, описалъ всѣ затрудненія, высказалъ нѣсколько справедливыхъ и го-

рячихъ упрековъ, расположилъ весь планъ послѣдующей дѣятельности болгарскаго просвѣщенія, обозначилъ пункты будущей переписки, поручилъ отыскивать памятники по тѣмъ слѣдамъ, которые успѣлъ открыть въ своемъ путешествіи, однимъ словомъ — высказалъ все, что только могъ, для возбужденія дѣятельности. До какой степени дорожилъ онъ зачатымъ дѣломъ, мы можемъ замѣтить изъ одного, наивно и просто, высказаннаго желанія; благодаря за оду, присланную Пѣшаковымъ, онъ прибавляетъ: «но еще было бы пріятнѣе, если бы вмѣсто того прислалъ онъ мнѣ народную пѣсню.» Закинула дѣятельность; началась значительная переписка, въ которой, кромѣ Априлова и Палаузова, скоро приняли участіе и другіа лица; Венелинъ зналъ о всемъ, что только совершалось въ духовномъ развитіи Болгаръ; оживляемый притоками энергій, изливавшейся изъ души возраждаемыхъ, онъ отвѣчалъ на нее новыми запросами, новыми планами; отыскивались древніе памятники, собирались пѣсни, издавались книги, заводились училища, и все это, или прямо, или посредственно, имѣло постоянное отношеніе къ Венелину. Является на сцену дѣло развитія и просвѣщенія цѣлаго племени; въ него уходитъ вся личная дѣятельность Венелина. Кто захотѣлъ бы знать первую судьбу этого развитія, тотъ можетъ обратиться къ *«Денкиць ково-болгарскаго образованія»*, сочиненію В. Априлова, издаанному въ Одессѣ 1841 года; кто захотѣлъ бы вникнуть еще глубже, тому оставалось бы изучить подробнѣе поѣздку и переписку Венелина, чтобы потомъ сопоставить и связать одновременныя и послѣдующія явленія бол-

гарскаго образованія. — Тогда же , наконецъ , въ Болгаріи собрана была подписка на получение II-го тома, в авторь самъ довелъ печатаніе до шестнадцатаго листа. Замѣтно было по всему , онъ какъ бы молодѣлъ.

Однако прежняго горя и воспитанной имъ наклонности было достаточно для того, чтобы отравить въ самомъ началѣ обновившуюся дѣятельность и не дать вкусить достойныхъ плодовъ ея. Присоединилось и еще обстоятельство: казенное мѣсто было потеряно. Нѣсколько мѣсяцевъ за тѣмъ Венелинъ отдавался напряженнымъ занятіямъ, а жизни между тѣмъ грозило болѣе и болѣе разрушеніе. Самъ уже наконецъ , какъ врачъ , понявши свое положеніе , онъ отправился въ Университетскую клинику: тамъ не было мѣстовъ. По возвращеніи, на порогѣ своей комнаты , больной упалъ , пораженный ударомъ. Скоро подана была помощь, но не на долго. И. И. Молнаръ посвѣшилъ взять и отвезти его въ Павловскую больницу. Спустя нѣсколько часовъ, Юрій Ивановичъ скончался на рукахъ своего стараго друга и брата , передъ самой заутреней Свѣтлаго Воскресенія, 26 Марта 1839 года, спустя ровно 16 лѣтъ по прибытіи съ тѣмъ же сотоварищемъ въ Хотинъ. Марта 29, въ среду на Святой, происходило погребеніе; братья , знакомые , студенты и члены Историческаго Общества проводили тѣло въ Даниловъ монастырь, туда, гдѣ послѣ легъ Языковъ, Валуевъ и Гоголь.

И такъ вотъ какое дѣло совершено было Венелинымъ: дѣло почти безпримѣрное въ исторіи Славянства, чтобы усилія одного лица, при крайне скудныхъ средствахъ , могли привести съ собою

духовное возрожденіе пятимилліоннаго племенн. Тотъ не пойметъ никогда всей великости подвига, кто живую и дѣятельную сторону, нами очерченную, отрывать будетъ отъ сочиненій Велелина, и прежде всего отъ его книги о Болгарахъ. А если такъ, то мы имѣемъ въ книгѣ не одно ученое приобрѣтеніе, но главнымъ образомъ событіе всей современной исторіи Славянства. Потому-то не у однихъ ученыхъ должна она быть въ рукахъ: ею долженъ дорожить всякій образованный человѣкъ изъ Русскихъ и Болгаръ, связанныхъ отсюда не однимъ только ходомъ историческихъ событій, но даже сознаниемъ, наукой, современной письменностью и училищами Болгарин. Съ одной стороны, всѣ дѣла Велелина, отъ насъ и у насъ начавшіяся, съ другой все современное состояніе образованной и мыслящей Болгарин, — вотъ два звѣна, заковывающія для будущаго рядъ плодотворныхъ явленій. Ни-шунцій эти строки благодаритъ Бога и считаетъ себя вполне счастливымъ, если успѣлъ провести далѣе хотя одну изъ стезей, проложенныхъ Велелинымъ, въ изданіи или обработкѣ собранныхъ и открытыхъ имъ матеріаловъ; почитать себя счастливымъ, если, по долгу глубочайшаго уваженія къ покойному, этой статьёй напомнитъ и уяснитъ сколько ни будь ходъ и значеніе его подвига, совершеннаго для соотчичей и Болгаръ.

Какъ скоро печальная вѣсть о смерти Велелина разнеслась по Болгарин, туземцы поражены были глубокимъ горемъ. Тотъ самый Болгаринъ, который нѣкогда привѣтствовалъ достойнаго писателя торжественной одой, написалъ въ Букарестѣ 1839 года, Іюня 12, «Рыданіе на смерть-та Ю. И.

Венелина.» Память покойнаго осталась навсегда въ сердцахъ истинныхъ Болгаръ, какъ священная память благодѣтеля. Это первое имя, которое слышитъ ребенокъ, приходя въ болгарское училище; первое имя, которое везетъ съ собою юноша, вступившій образованія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи, везетъ какъ нѣкоторое право на дѣлежъ свѣдѣній, какъ знамя связи, скрѣпившій отнынѣ просвѣщеніе того и другаго племени. Великолѣпный памятникъ воздвигли Болгаре на могилѣ своего возродителя; каждый изъ нихъ, бывая въ Москвѣ, считаетъ долгомъ поклониться дорогому праху.

Дѣло Венелина оказалось истинно-великимъ: но не много блага удѣлило оно самому творцу при жизни его, не много и не достаточно озарило скромную и даже горькую участь его; съ другой стороны, обнаруживая въ жизни современной доселѣ продолжающееся влияние, не проведено оно было по всѣмъ путямъ, указаннымъ Венелинымъ, не всѣмъ и даже не многими воспринято для продолженія, а еще менѣе оцѣнено и почито. Русскіе и Болгаре въ долгу еще передъ памятью покойнаго и не могутъ не почувствовать внутренняго упрека, если положить руку на сердце. Одноплеменникъ нашъ, но ходомъ событій отчужденный, изъ за Карпатъ пришелъ онъ къ намъ, нося въ сердцѣ горячую любовь къ родной Руси, въ умѣ ревность по благѣ нашей мысли, въ глубинѣ души твердую вѣру въ величіе судебъ нашего предназначенія; до вѣрчиво, отъ имени нашего, обратился къ Болгарамъ, воссоздалъ и связалъ на долго духовный союзъ между ними и нами; на поприщѣ нашей литературы дѣйствовалъ, и дѣйствовалъ къ ея чести;

не много отъ насъ требовалъ, не много нашихъ издержекъ израсходовалъ, и оставилъ еще наследство мысли, возбужденности, даже бумагъ, еще не исчерпанныхъ въ своемъ содержаніи. Однако все-таки несправедливо было бы умолчать, что сочиненія Венелина печатались постоянно у насъ на Русѣ; уже по смерти его, собранныя и объясненныя имъ грамоты изданы нашей Академіей; въ Читеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, пока не прекратилось ихъ изданіе, помѣщаемо было много статей покойнаго; собранныя имъ болгарскія пѣсни недавно явились во Временникѣ, который и впередъ, чаятельно, дастъ мѣсто бумагамъ ученаго, если онѣ тщательно будутъ осмотрѣны и отобраны. При всемъ томъ, при всей важности вопросовъ, поднятыхъ Венелинымъ, они остаются для Русскихъ не единственными, не первостепенными: мы только забыли его дѣло и привели необходимость печатно напоминать объ немъ. Для Болгаръ же они все, и Болгаре не отвѣтили ожиданіямъ Венелина, въ такой мѣрѣ, въ какой имѣлъ право желать онъ при жизни и требовать, какъ награды, по смерти. Передъ самой поѣздкой въ Болгарію, написалъ онъ тѣ глубоко-трогательныя строки въ дневникѣ своемъ, которыя конечно извѣстны каждому по его жизнеописанію. Онъ страшился будущаго, «досадовалъ, что, бросивъ медицину и насущный хлѣбъ на время, пустился въ изысканія, конхъ конца предвидѣть невозможно и конъ въ сіе время столь мало цѣнятся.» Темное предчувствіе сбылось въ тяжесть предстоявшихъ ученому затрудненій, которыя отчасти уже перечисляли мы и которыя все-таки побѣдилъ Вене-

лнѣ. За Дунаемъ Болгаринѣ отбилъ у него Цароставникъ, пріобрѣтеніе котораго ласкало ученаго сладостнѣйшей надеждой; подобное же событіе случилось съ нимъ въ Варнѣ. Въ другихъ случаяхъ, по собственному признанію одного пѣсма, много вредила ему въ разысканіяхъ «врожденная Болгарамъ, сопряженная съ необразованностью, иѣкоторая недовѣрчивость. Я на опытъ узналъ, — говоритъ онъ, — что иные дѣйствительно отъ меня скрывали свои книги, коими, по неимѣнію печатныхъ, чрезвычайно дорожатъ. . . Дорожа своими книгами, не легко рѣшаются и за деньги уступить оныя; иные же, интересаны, за небольшую книжицу думаютъ составить свою фортуна (и это продолжается еще понынѣ).» Съ пѣсмами была таже судьба, опять, къ сожалѣнію, не устраненная доселѣ. «Всякой разъ, говоритъ онъ, когда я просилъ господъ Болгаръ продиктовать мнѣ пѣсню, они удивлялись, не понимая, къ чему это, наконецъ заключали, что въ этомъ таится что либо тайное, и зачастую отказывали. . . Одни подстрекали другихъ не давать мнѣ пѣсень, а другіе смотрѣли мнѣ въ карманъ». Потерявъ надежду получить отъ Болгаръ какія либо археологическія и историческія данныя, или даже достаточное количество пословицъ и пѣсень, путешественникъ сосредоточилъ все свое вниманіе и изученіе на митрополичьей бібліотекѣ Букареста, которой обязаны мы изданными въ послѣдствіи абтами и грамотами. Но и тутъ не переставала его преслѣдовать недовѣрчивость и подозрительность: «я былъ бы довольно счастливымъ», писалъ онъ изъ Валахіи, если бы не мѣшали моему спокойствію. Мнѣ кажется, что я между четырьмя

глазами. Это часто заставляет меня погружаться въ самыя печальныя догадки. Я теперь также несчастенъ, какъ Жанъ-Жакъ некогда въ Лондонѣ.» Такое положеніе, превышавшее силы души добродѣтельной, теплой и мягкой, развилось тѣмъ же психической болѣзью: Венелинъ вернулся въ Москву растерзанный. Долгое время не получалъ онъ отъ Болгаръ не только поддержки въ орудіяхъ вѣнскихъ, но даже и участія; тогда-то, подъ бременемъ бѣдности и безучастія, какивалъ онъ на Крымскій бродъ, въ бурю, въ дождь; стоять, бывало, тамъ часа два, не сводя глазъ съ воды, и мнѣ бывало жаль, повторялъ онъ, что природа отвѣчаетъ своею бурю моему чувству. Все это разведуще Болгаръ къ дѣлу своего образованія, такъ долго томившее Венелина въ беззавѣстности и одинокости, описалъ онъ живыми и мѣткими увреками въ одномъ письмѣ къ В. Е. Априлову. Наконецъ, дѣло приняло благой оборотъ, о которомъ говорили мы выше: честь его принадлежить нѣсколькимъ Болгарамъ, имена которыхъ должны остаться вѣчно незабвенными для Болгаръ; таковы были, главнымъ образомъ, В. Е. Априловъ, Н. С. Палаузовъ, А. С. Кирилловскій, Г. Ф. Пѣшаковъ. Но Венелинъ скоро скончался; ему послѣдовали Априловъ и Палаузовъ; Кирилловскій и Пѣшаковъ сошли съ поприща дѣйствія, оторванные отъ сношеній съ Русскими, забытые въ глуши Валахій, нецѣнные молодыми дѣтелями. Благодаря имъ, Венелинъ въ послѣдніе годы жизни видѣлъ нѣсколько отрадныхъ мгновеній; безъ нихъ, дѣло его забыто въ истинномъ смыслѣ или получило иной оборотъ. Новая болгарская письменность получила

вліянія изъ иныхъ цѣнтрѣвъ, вліянія разнородныя и расторгающія связь съ Русью: изъ Вѣны, Парижа, Букареста, Константинополя. Молодые образованные люди, нахватавшіе вершковъ Европезма, далеко не сравнялись со стариками въ горячей любви къ отечественному просвѣщенію, или, понавъ его ложно, наводняли доселѣ письменность неумными переводами и занятыми общими взглядами; а между тѣмъ, описаній мѣстности, быта, статистическихъ свѣдѣній о своемъ народѣ, хотя бы въ его современности, прѣсонь, пословиць, образцовъ народной рѣчи,—ничего этого не даютъ они или слишкомъ мало даютъ другимъ Славянамъ и ближе всего — самимъ себѣ. Что пользы въ ихъ чувствованіяхъ къ Венелину, когда они безплодны, не ведутъ къ дѣлу или ведутъ къ дѣлу иному? Что ему въ громкихъ и напыщенныхъ похвалахъ, въ названіи голубчика, которое иные Болгаре продають ему? Что ему въ великолѣпномъ памятникѣ, въ добавокъ не теперешними Болгарами воздвигнутомъ, ему, прожившему и умершему въ горькой бѣдности? А между тѣмъ никто изъ Болгаръ не позаботился даже хорошенько разобрать оставшіяся послѣ Венелина бумаги, при всей ихъ любопытности и важности; никто не позаботился издать ихъ, на мѣсто праздныхъ разглагольствій современной болгарской письменности, тогда какъ все дѣло въ средствахъ изданія; исключеніе только за тѣми «Критическими изслѣдованіями», которыя отпечатаны были въ 1849 году на иждивеніе И. Н. Денкоглу, благодаря неусыпнымъ стараніямъ И. И. Молнара и безкорыстной ревности одного московскаго ученаго Славяниста. Не говоря о другихъ

любопытныхъ бумагахъ, напомнимъ, что въ нихъ доселѣ лежитъ забытая и столь нужная Болгарамъ Грамматика языка ихъ, съ огромными усиліями составленная Венелинымъ, при цѣлой кипѣ предварительныхъ работъ, записокъ и замѣчаній, особенно важныхъ богатствомъ матерьяла. Судьба этого труда стоитъ вниманія. Изъ путешествія своего ученый привезъ много данныхъ языка: но сочинить изъ нихъ Грамматику — трудъ былъ не малый, требовавшій много времени, тогда какъ средства жизни добывались одними уроками и статьями; естественно, дѣлю подвигалось медленно. Однако въ 1835 году оно было кончено, и, для сбереженія тратъ пересылки, доставлено въ Академію съ молодымъ ученымъ К. Самъ авторъ относился объ Грамматикѣ такъ, что въ ней передано живое нынѣшнее болгарское нарѣчіе, что она писана для Русскихъ, а слѣдовательно для всякаго европейскаго филолога, и что потому самому, наконецъ, приняла она видъ не школьный, а академическій. Для того, чтобы оцѣнить ее, нужно принять къ свѣдѣнію нѣсколько обстоятельствъ. Во первыхъ, извѣстна мысль сочинителя, что Болгаре суть вѣтъ Руси и языкъ ихъ — нарѣчіе языка русскаго; во вторыхъ, во время краткой поѣздки, не могъ онъ изучить многихъ мѣстныхъ подрѣчій и говоровъ, а довѣряя современной ему письменности легко могъ составить объ языкѣ нѣкоторыя особыя, исключительныя понятія; въ третьихъ, онъ самъ придавалъ труду своему одно значеніе опыта. Тѣмъ не менѣе, опытъ Венелина выше опыта многихъ другихъ, и потому могъ бы быть весьма полезенъ Болгарамъ, если бы за разборъ и распо-

раженіе богатымъ матерьяломъ взялась рука чело-
вѣка знающаго, умѣющаго понимать особенности
взгляда Венелина и смыслъ употребленныхъ имъ
знаковъ. Въ Сентябрѣ 1835 года сочинитель по-
лучилъ изъ Академіи отзывъ А. Х. Востокова, ко-
торый, за указаніемъ мѣстъ сомнительныхъ, при-
бавлялъ: «не смотря, однакожь на сіе и на дру-
гія мѣста, въ которыхъ я не могу согласиться съ
Г. Венелинымъ, нахожу я въ Грамматикѣ его весь-
ма много дѣльнаго, и полагаю, что изданіе ея въ
свѣтъ принесетъ большую пользу языковѣднѣ сла-
вянскому.» Въ переговорахъ о печатаніи, которое
Венелинъ хотѣлъ вести самъ, прошло довольно
много времени; дѣло окончательно не состоялось
въ 1837 году, и съ тѣхъ поръ Болгаре не хотѣли
подумать или не додумались о немъ, принимая въ
свою писменность уродливыя показанія Миклоши-
ча, странности Цанковыхъ, едва ли объяснимыя въ
хорошую сторону, и тому подобныя, неудачныя
попытки. Но пусть все это такъ: хотѣ бы продол-
жалось дѣло Венелина въ томъ же духѣ и по тѣмъ
направленіямъ, какъ началъ онъ самъ, или какъ
поддержали современные ему дѣятели Болгаріи,—
и того ибѣтъ. Мало: не видится и не предвидится
участія къ такому дѣлу, кто бы ни началъ его. Не
пора ли опомниться и обозрѣться вокругъ болѣе
яснымъ и безпристрастнымъ взоромъ? Да послу-
жить настоящее изданіе памятникомъ для воспо-
минающихъ, зеркаломъ для обозрѣвающихся.

П. Безсоновъ.

1855 года,

Іюня 25.



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Выпуская въ свѣтъ вторымъ изданіемъ сочиненіе близкаго моего роднаго и друга Ю. И. Венелина, и предоставляя подробнѣе сказать, или, лучше, напомнить о немъ П. А. Безсонову, я съ своей стороны считаю долгомъ остановить вниманіе читателей на слѣдующихъ двухъ обстоятельствахъ.

Первое изданіе все разошлось. Между тѣмъ, сознательно или безсознательно, по любви къ вопросамъ, столь любопытнымъ, или изъ одной памяти объ имени Венелина и изъ желанія достать рѣдкую книгу, но только тамъ и сямъ слышались запросы на изслѣдованіе «о Болгарахъ.» При всѣхъ затруднявшихъ меня обстоятельствахъ, я успѣшилъ все-таки удовлетворить требованіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ уже прошло двадцать пять лѣтъ,

какъ имя Венелина и его книга , нынѣ вторично издаваемая , продолжаютъ неотразимо и впечатлительно дѣйствовать на умы Болгаръ , вызывая ихъ къ изученію прошедшаго , къ пониманію настоящаго , къ образованію и сознанию религиозной и племенной связи съ Русскими . Судя по тому , надѣюсь , что книгу посидѣшатъ приобрести съ одной стороны сами Болгаре , съ другой , и можетъ быть еще прежде , тѣ Русскіе , которые захотятъ подѣлиться съ ними благотворнымъ плодомъ , созрѣвшимъ на почвѣ Руси и въ ея сердцѣ Москвѣ ; потомъ найдутся вѣрно Русскіе , которые приобретутъ и для себя . Если же обманусь я , и требованія на книгу , прежде слышанныя , окажутся на дѣлѣ одной прихотью , я не буду жалѣть о совершенномъ предпріятіи : я исполнялъ долгъ любви и памяти къ покойному . Я вѣрю и убѣжденъ , что слова его не останутся безъ вліянія ; что два - три лишнихъ человѣка , имѣющихъ прочесть книгу , вознаграждены будутъ за вниманіе многими добрыми сѣменами умственнаго развитія ; что даже прихоть человѣка , остановившаго взоръ свой на сочиненіяхъ Венелина совершенно случайно , можетъ заронить въ его душу лишнюю мысль , заставить его подумать , потомъ вдуматься , а потомъ убѣдиться въ одной думѣ , разубѣдиться въ другой : и дѣйствіе

XLVII

окажется не лишнимъ, не бесполезнымъ. Есть въ-
рованія, есть мысли и убѣжденія, которыя не лег-
ко проникаютъ къ людямъ, ибо идутъ тихо, по
видимому въ убожествѣ и даже пренебреженіи; бо-
гатый и сильный остановится передъ ними развѣ
изъ одной прихоти, какъ передъ страннымъ или
странникомъ; но случается, что, остановившись, онъ
войдетъ въ ихъ положеніе или по крайности за-
тронется чувствомъ, побратается — хоть на время,
поколеблется въ величіи своей силы, своего богат-
ства, передъ лицомъ той жизни, которая шла скорб-
нымъ и труднымъ путемъ развитія; яркость преж-
нихъ убѣжденій его и привычекъ, быть можетъ
ложныхъ, потускнеть передъ строгою истиной, еди-
ной сильной, единой богатой, хотя бы наружность
ея не была обольстительна съ перваго взгляда.

Есть и другое обстоятельство: оно лежитъ у
меня на душѣ, хотя не разъ уже, писменно и
словесно, я объявлялъ о томъ. Со всѣмъ тщаніемъ
сбереженныя, хранятся у меня многія сочиненія
Венелина; не всѣ полныя, но еще неизвѣстныя и
не бывшія въ печати, не всѣ важныя, но еще не
уступающія многимъ современнымъ произведеніямъ
ученыхъ. Пытаюсь еще разъ съ именемъ покой-
наго напомнить о наслѣдствѣ его, оставленномъ
для Болгаръ и Русскихъ; подожду еще, не захо-
тятъ ли имъ воспользоваться наслѣдники; не при-

XLVIII

дутъ они,—я совершилъ все-таки долгъ душеприкащика.

Настоящія исправленія и дополненія, сравнительно съ прежнимъ изданіемъ, конечно, оцѣнены будутъ любителями науки и книжнаго дѣла.

Исаакъ Модмаръ.

1856 года,
Февраля 27 дня.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стран.</i>
Статья предварительная, П. А. Безсонова. V—XLIV	
Предисловіе, И. И. Молнара..... XLV—XLVIII	
I. Введеніе. Нынѣшнее состояніе болгарскаго народа. Жилища Болгарь. Масса ихъ или количественное отношеніе къ Туркамъ и прочимъ Славянскимъ племенамъ. Языкъ и сродство. Паденіе болгарскаго государства. Имя народа. Болгарская Іерархія. Религія, политическое состояніе, просвѣщеніе. Литтература. Характеристическія черты народа.....	1
II. Разборъ доказательствъ о татарскомъ происхожденіи Болгарь.....	23
III. О древнихъ жилищахъ Болгарь.....	61
IV. Опытъ опредѣленія времени ихъ выхода изъ Волжской страны къ Дунаю, и рѣшеніе затрудненій, происходящихъ при взглядѣ на сей переходъ.....	64
V. О Болгарахъ на Волгѣ, и объ ихъ переходѣ подъ именемъ Гунновъ (Аваровъ, Козарь) на Дунай.....	95
VI. Болгарія, держава между Дунаемъ и Волгою; состояніе ея въ правленіе Аттилы...	105
VII. Путевыя записки Византійскаго посольства ко двору Аттилы, писанныя секретаремъ онаго Прискомъ Риторомъ.....	111
Объяснительныя прибавленія.....	142

VIII.	Примѣненіе понятій, наложенныхъ въ пред- шествующихъ статьяхъ, къ понятіямъ о про- исхожденіи и жилищахъ древнихъ Россіанъ.	159
а)	Изысканія о происхожденіи Россіанъ.	—
б)	Объясненіе тѣснѣйшаго отношенія Бол- гаръ къ Россіанамъ.....	180
в)	Общее заключеніе.....	188
IX.	Военно-политическая роль, которую игра- ла Россія въ Европѣ въ правленіе Ати- лы, и перевѣсъ ея надъ прочими Госу- дарствами.....	199
X.	Объяснительныя дополненія.....	224

I.

ВВЕДЕНИЕ.

Прежде нежели приступимъ къ разсмотрѣнію исторической тяжбы Болгарь, мы должны нѣсколько познакомиться съ нынѣшнимъ ихъ состояніемъ, а послѣ уже слѣдовать за ними въ древность.

1) Болгаре.

Болгаре (нынѣшніе) — племя Славянское, одного рода со всѣми прочими: *Россіянами, Поллками, Чехами, Кроатами, Словенами, Сербами*, и проч.

2) Жилища Болгарь.

Жилища Болгарь, если исключить ихъ колоніи въ южной Россіи, находятся въ Турецкой Имперіи. — Трудность или нерадѣніе были причиною, что до сихъ поръ мы не могли имѣть полныхъ и вѣрныхъ какъ статистическихъ, такъ и *народомисныхъ* свѣдѣній о семъ Государствѣ. Все почти писанное объ ономъ до нынѣ, отнюдь не изображаетъ вполне всѣхъ характерическихъ чертъ сего политическаго тѣла; да и то большею частію составлено изъ поверхностныхъ извѣстій, касающихся почти исключительно до однихъ Турокъ, и анекдотовъ изъ серала, рынка, бань, кофейныхъ домовъ и проч.

Зная, что вся масса сей державы состоитъ изъ совершенно разнородныхъ частей, укрывляемыхъ между собою провинциальною политикою Порты, надлежало бы постараться изобразить взаимное отношеніе оныхъ между собою, что однако еще ни кѣмъ не исполнено. Главное искомое здѣсь понятіе—о населенности Турціи по количественной пропорціи каждаго изъ населяющихъ оную народовъ. Въ семъ отношеніи нѣкоторые стали было дѣлать опыты, которые однако основаны на догадкахъ. По сему и количество Болгаръ и пространство, ими занимаемое, было загадкою. Числою обыкновенно полагали ихъ до одного или $1\frac{1}{2}$ милліона, основываясь предположительно на пространствѣ земли, называемой *Болгарією*. И подъ этою вывѣскою таилось все понятіе нашей географической братьи о количествѣ сего народа, съсненокъ въ узкіе предѣлы небольшой страны! Нынѣ, по вѣрнымъ извѣстіямъ, если разобрать народонаселеніе каждой Турецкой области порознь, выйдетъ слѣдующее положительное свѣдѣніе:

Населеніе *Болгаріи* составляютъ:

- а) Главное *Болгаре*.
- б) Частное Турки, Волохи, Греки.

Населеніе *Румелии* составляютъ:

- а) Главное *Болгаре*.
- б) Частное Турки, Греки и проч.

Населеніе *Македоніи* составляютъ.

- а) Коренное *Болгаре*.
- б) Частное Турки, Греки.

Населеніе *Албаніи* составляютъ:

- а) Главное Скипетари, (Албанцы, Арнауты).
- б) Частное *Болгаре*.

Населеніе *Вессалии* составляютъ:

Волохи, Болгаре, Турки, Греки.

На сей разъ не могу сказать, до какой точки простирается Болгарскій народъ къ югу (въ Ливадіи), или простирается ли въ самомъ дѣлѣ. По крайней мѣрѣ известно, что въ прежнія времена она простиралась, въ сѣверъ съ Греками, до самой южной оконечности Морен, гдѣ слыши подѣ именемъ *Езеритосъ* и *Миленикосъ* (Const. de adm. imp. с. 50). Слѣды ихъ видѣть можно, кромѣ историческихъ свидѣтельствъ, и изъ Славянскихъ названій разныхъ мѣстъ какъ въ Ливадіи, такъ и въ Морен. Вообще Болгаре живутъ болѣе въ селеніяхъ, чѣмъ городахъ, которые преимущественно населены Имперскими привилегистами, предоставившими себѣ честь жить на счетъ чужихъ трудовъ, Турками, или даже Греками. Въ Болгаріи есть города, населенные и одними Болгарами. Впрочемъ они не совсѣмъ чужды и Румельскихъ и Македонскихъ городовъ. Такъ, на примѣръ, въ *Инджизъ*, подлѣ Константинополя, живутъ (какъ утверждаетъ одинъ Грекъ, въ своемъ *Resumé Géograph. de la Turquie. Paris 1826 стр. 504*) одни Болгаре, и занимаются приготовленіемъ толстыхъ суконъ; равно и въ *Болградѣ*, не подалеку отъ упомянутой столицы. Тотъ же Грекъ говоритъ (стр. 529), что три городка *Буюкъ-Бегикъ*, *Базаръ-Джеджида*, и *Сидеро-Калини*, лежащихъ у Контесскихъ и Салоникскихъ береговъ Архипелага, населены одними Болгарами, и проч. Многое еще объяснится въ подробѣйшемъ описаніи сихъ странъ.

Еще замѣтить, что въ VIII вѣкѣ сдѣлано было Имп. Іустиніаномъ II столь значительное переселеніе Болгаръ изъ Европейскихъ областей Имперіи въ Асатолію, что цѣлая область заселена была ими, которая

въ послѣдствіи доставляла Имперіи до 30,000 отборныхъ солдатъ. Не знаю, уцѣлѣло ли потомство сего обширнаго поселенія; но крайней мѣрѣ, до сихъ поръ никому, кажется, не вздумалось хотя нѣсколько о немъ поосвѣдомиться. Впрочемъ это не удивительно, если вспомнимъ, что не заботились извѣдать и о Болгарахъ Румельскихъ и Македонскихъ.

(Однако въ разсказа одного Болгарина я угадываю, что Румельцы имѣютъ объ Анатольскихъ своихъ единоплеменникахъ нѣкоторое свѣдѣніе. Одинъ литераторъ показывалъ мнѣ нѣсколько листовъ церковной книги, писанныхъ уставомъ и полууставомъ, и вывезенныхъ, по увѣренію его, въ Аталію. Впрочемъ это подлежитъ еще изысканію.)

Сверхъ сего извѣстно, что значительная часть Болгаръ поселилась въ разныхъ округахъ Новороссіи и Бессарабіи. Значительную часть населенности многлюднаго города Кишинева составляютъ сіи Задунайскіе выходцы, и занимаютъ часть города, называемую *Болгарією*. По Молдавіи, Валахіи и Трансильваніи много ихъ разбрелось семействами.

3) *Масса ихъ или количественное отношеніе.*

Изъ сего видно, что Болгаре въ Европѣ числомъ превосходятъ Турокъ, тѣмъ больше еще Грековъ, такъ что ихъ, по превосходству, можно признать за господствующій народъ въ Европейской Турціи.

Здѣсь замѣтить причину, почему при такомъ количествѣ Болгарскаго народа, имя Болгарин ограничено только въ предѣлахъ страны, и нынѣ извѣстной подъ симъ именемъ? Потому, что въ сей странѣ преимущественно Болгаре были самостоятельны; Ру-

мелія же или Фракія и Македонія, почти всегда принадлежавшія Имперіи, хотя и были населены Болгарами, но не могли быть переименованы въ такое имя, которое не принадлежало сему государству. Вообще и Имперскіе Болгаре, и сами Греки назывались Римлянами (*Romeoi*).

Не менѣе значительна масса Болгаръ и въ отношеніи къ прочимъ Славянскимъ племенамъ. Они еще нынѣ многочисленнѣе Сербовъ, Кроатовъ, Поляковъ и самихъ Чеховъ, кромѣ Россіянъ. Если бы сей народъ не понесъ значительныхъ потерь отъ долговременнаго желѣзнаго ига и убійственной политики Порты, отъ чумы; если бы сей народъ во всѣхъ странахъ, имъ обитаемыхъ, до нынѣ оставался господствующимъ, то за вѣрное можно предположить, что нынѣ могъ бы быть столь массивнымъ, столь же колоссальнымъ, какъ и Россіяне. — Сіе-то понятіе должно предохранять насъ отъ дурныхъ предположеній касательно бытія сего народа въ давно-прошедшія времена.

4. Языкъ и сродство.

Языкъ *Болгарскій* отличается отъ всѣхъ прочихъ сродственныхъ, какъ-то: отъ Сербскаго, Кроатскаго, Словенскаго, Русскаго и проч. и составляетъ совсѣмъ особое Славянское нарѣчіе. На сей языкъ Славянскіе литераторы столь же мало обращали вниманія, сколько и на самый народъ. Я написалъ подробный разборъ его по всѣмъ частямъ рѣчи. Вообще языкъ сей болѣе всего подходитъ къ Сербскому, и послѣ къ Мало-Россійскому. Сербы довольно хорошо понимаютъ Болгаръ, точно какъ Поляки или Кроаты

Чеховъ. Впрочемъ они говорятъ такъ скоро, что съ трудомъ поймешь въ разговоръ и слова, тождественныя съ Русскими.

5) Паденіе Болгарскаго Государства.

Государство сіе существовало съ древнѣйшихъ временъ и теряется въ хаосъ, такъ называемаго Скинскаго міра. Оно возвышалось и нисходило попеременно по всѣмъ степенямъ могущества, пока наконецъ, по общему ходу дѣль человеческихъ, не сокрушилось подъ ударами враговъ своихъ, и не потеряло политическое свое бытіе. Народъ однако не пересталъ существовать и до нынѣ. Мало свѣдѣній объ немъ имѣется теперь потому, что съ тѣхъ поръ, какъ государство сіе исчезло изъ среды Европейскихъ державъ, Турки заняли его мѣсто, и укрывали Болгаръ отъ взоровъ Европы. Конечно той же участи подвержены и Греки; но они, въ этомъ отношеніи, были счастливѣе; прошедшее ихъ существованіе безпрестанно отражалось въ воображеніи Европейцевъ посредствомъ спасенныхъ ими Греческихъ историческихъ памятниковъ. Въ огромныхъ кинахъ Византійскихъ лѣтописей Восточная Имперія изображена до мельчайшихъ подробностей. Сверхъ сего Греки, бывъ подъ властію Венеціанъ, прежде всѣхъ Турецкихъ подданныхъ причислись нѣсколько къ Европейской промышленности и образованности. Значительная часть ихъ, разсѣявшаяся по разнымъ странамъ Европы, присутствіемъ своимъ непрерывно напоминала о себѣ и несчастномъ своемъ отечествѣ; и вообще народъ Греческій столько знаменитъ, что нельзя позабыть его совершенно. Болгаре не имѣли тѣхъ выгодъ. Населяя самыя вну-

третья часть Европейской Турція (съ одной стороны они прикрываемы были Волохами, съ другой Сербамъ, съ запада Албанцамъ, съ юга, отъ Морехъ, Грекамъ) и укрывалась отъ писателей въ дельскахъ своихъ жилищахъ, преданы забвенію.

Въ этомъ отношеніи болѣе несчастливилось Сербамъ, ихъ сосѣдамъ, хотя они ихъ и малочисленнѣе. Это приписать должно ихъ сосѣдству съ Австрійскою Имперіей, а отчасти и съ Италіей, и пребыванію ихъ въ самой Венгріи въ значительномъ количествѣ. Сербы образованностию и просвѣщеніемъ почти опередили нынѣшнихъ Грековъ; ихъ юношество образуется въ разныхъ Академіяхъ Венгріи и училищахъ высшихъ наукъ; отличнѣйшее купечество Венгріи состоитъ болѣею частью изъ Сербовъ; нѣкоторые даже изъ среды ихъ распространяютъ кругъ своихъ коммерческихъ дѣйствій и на прочія Европейскія государства. Сербы служатъ Венгріи какъ въ военномъ, такъ и въ гражданскомъ званіи *). Россія и Австрія изъ среды ихъ многихъ отличнѣйшихъ Генераловъ. Наконецъ и возродившаяся у нихъ литература обратила на себя вниманіе Европейскихъ ученыхъ, и заслужила почетное мѣсто во всеобщей *Лэнкомисси* (*Логуоурафіа*). Впрочемъ всѣ сіи преимущества извѣстности заслужены одними Венгерскими Сербамъ, конхъ слава отражается и на ихъ Турецкихъ собратьевъ, живущихъ въ Сербіи. Но эти послѣдніе такіе же невѣжды, какъ и Болгаре. Однако и они дали о себѣ знать военнополитическимъ своимъ подвигомъ, подъ предводительствомъ *Георгія Петровича*, прозваннаго *Черныль*.

*) Это имѣ имѣвалось. Изд.

Болгаре не игляли подобнымъ о себѣ возвышенителей и, если бы ими ихъ не отзывалось громко и со ступоюмъ оружія въ Византійскихъ летописяхъ, то Европейцы забыли бы объ нихъ совершенно. Сей народъ лишился не только отечества, но и исторіи. До сихъ поръ еще никто не обработывалъ оной надлежащимъ образомъ. (Сочиненная *Ришелиз* и *Бисселелиз* кратка и недостаточна, ибо составлена не изъ собственныхъ его источниковъ, но изъ чужеземныхъ.) Чтобы возвратить нынѣшнему Болгарскому народу историческое его достоинство, надлежало бы насмотрѣться на живую картину прошедшаго его бытія, и тѣмъ обогородилось бы наше понятіе о немъ. Не стану приводить здѣсь доказательствъ Историческихъ, сколько важны и занимательны свѣдѣнія о семъ народѣ; скажу только, что Болгарія еще въ XIV столѣтіи, на примѣръ въ царствованіе Короля Александра, съ 1330—1354 года, играла довольно значительную роль. Тогда еще она владѣла, кромѣ собственно такъ называемой Болгаріи, отчасти Валахією и нѣкоторыми северными округами Романіи и Македоніи. Въ могущество не уступала тогдашней Имперіи Цареградской, и Короли ея придерживались своихъ претензій на обладаніе Грецією. Титуль Александра былъ: *Царь и Самодержецъ Всеболгарскій, Грегескій, Албанскій* и проч. Угодно же было судьбѣ, чтобы въ то самое время, когда Россіяне освобождались отъ ига Татаръ, ихъ близкіе собратья пали подъ ярмо Татаръ же Туркестанскихъ!! «Златовѣщанный левъ Болгаріи (гербъ ея) лежитъ», какъ выражается Рачъ, «распротертый на землѣ, удушенный Магометанизмомъ.» Дѣло въ томъ, что Туркестанъ поглотилъ три (и болѣе) независимыя Государства: 1-ое Имперію, которая въ по-

слѣднія времена походила болѣе на порядочное Княжество, и высокое значеніе слова *Имперіи* едва ли ей годилось; 2-ое, Славянское Королевство *Болгарію*; 3-е, сильное Княжество *Сербію* и *Кроацию*, и проч.

Между тѣмъ, какъ Европейскіе публицисты, челоуѣколюбивые политики, *охлали* надъ судьбою Грековъ; межъ тѣмъ, какъ вселенскіе летучіе листки испепрены именемъ *Фанаріотовъ*, *Суліотовъ*, *Идріотовъ*, *Еллиновъ* и проч.; между тѣмъ, какъ всякая политическая голова не преминула разсуждать о возрожденіи или нѣтъ Византійскаго орла... Болгаре не бывали и въ поминѣ, даже никакой Славянинъ не рыдалъ надъ тѣломъ зарѣзаннаго льва. Почему же такъ?.. Огромное его туловище заброшено въ Балканскихъ, Македонскихъ и Румельскихъ лѣсахъ; тамъ питается имъ чудовище другое, вышедше изъ пустынь Аравіи; перья же орла вѣтромъ разнесены по бѣлому свѣту.

И такъ паденіе Царства Болгаръ вмѣстѣ повлекло за собою и ихъ неизвѣстность.

Казалось, что война Россіянъ съ Турками въ Болгаріи какъ въ прошедшемъ, такъ и въ настоящемъ столѣтіи, подастъ поводъ къ обращенію особеннаго на сей народъ вниманія, и къ всторженію его изъ неизвѣстности. Это обстоятельство дѣлается еще тѣмъ важнѣе, что нашъ церковный, Священный языкъ, кромѣ многихъ другихъ обстоятельствъ Русской Исторіи, еще и до сихъ поръ считается загадочнымъ. Иные приняли оный за древній Моравскій, другіе за Сербскій, безъ убѣдительныхъ доказательствъ на то и на другое. Дагѣ Сербовъ (къ Востоку), по неизвѣстности Болгаръ, никто не смѣлъ шагнуть; и знаменитый даже Добровскій отважился въ Македонію не иначе, какъ подъ Сербскимъ козовомъ. Онъ принялъ языкъ Священнаго писанія,

хотя не совсемъ рѣшительно, .. 22. *Сербско-Болгаро-Македонскій*.
(См. его *Кирилла и Методія*, перев. М. Погодина, стр. 110.)

Не смотря на всю занимательность обширнаго Болгарскаго народа, нельзя не удивиться, что не только Карамзинъ никакого не обращалъ на нихъ вниманія, но и другіе новѣйшіе народописцы, при исчисленіи Славянскихъ племенъ, большею частью совсемъ не упоминаютъ о Болгаряхъ, живомъ нынѣшнемъ народѣ, между тѣмъ какъ исчисляютъ погребенныхъ Славянъ Почеранскихъ!! Пусть иностранцы, по невѣдѣнію ли, или по нерадѣнію, мало о нихъ заботятся, но тѣмъ непростительнѣе намъ забыть Болгаръ, изъ рукъ коихъ мы получили крещеніе, которые насъ научили писать, читать, на коихъ природномъ языкѣ совершается наше Богослуженіе, на коихъ языкѣ, большею частію, писали мы почти до временъ Ломоносова, коихъ колыбель сопряжена неразрывными узами съ колыбелью Русскаго народа, и проч. *Quod erit demonstrandum.*

б) *Имя народа.*

Собственное имя народа, т. е. то, которымъ онъ самъ себя называетъ, есть...., или спросите лучше всякаго Болгарина, кто онъ таковъ? Онъ отвѣтитъ вамъ: «*Азъ самъ Болгаринъ*» или во множественномъ: «*Мы смы Болгаре*. Карамзинъ, вѣрившій ихъ Татаризму, склонялъ неправильно *Болгары*, *Болгаровъ* и проч. Иные даже пишутъ *Булгары*, *Булгаръ* или *Булгаровъ*. Всякій согласится, что сіе имя должно склонять, какъ и Россіянинъ, Англичанинъ, Датчанинъ; и если нельзя говорить *Россіаны*, *Россіановъ*, то не менѣе и *Болгары*, *Болгаровъ*; деретъ уши не только Русскому Грамматикку, но и всякому Болгарскому поселянину. Несторъ склонялъ сіе имя правильно: *Болгаре*, *Болгаръ*. По чему же не слѣдовали ему наши писа-

тели? — Сообразно сему надо писать *Болгарія*, а не *Буларія*, какъ этому мы выучились было отъ иностранцевъ.

7) Болгарская Иерархія.

Болгарская Иерархія, во время самостоятельности своего отечества, находилась подъ управленіемъ собственнаго Патріарха, имѣвшаго пребываніе, то въ *Доростолѣ* или *Дристрѣ* (Силистріи), то въ *Охридѣ* или *Ахридѣ* въ Македоніи, или въ *Терновѣ*, т. е. сообразно политическимъ обстоятельствамъ. Онъ правилъ своею паствою независимо отъ Патріарховъ Восточной Имперіи; по сему и всю его Иерархію можно принимать за особенную церковь, т. е., по *Болгарскому* или *Славянскому* Богослуженію, за *Славянскую*, хотя она ни въ догматахъ, ниже въ обрядахъ своихъ, ничѣмъ не отличалась отъ собственно Греческой. Въ томъ же смыслѣ называется и Иерархія Антиохійскаго Патріаршества *Сирійскою Церковью*.

За паденіемъ государства долженъ былъ неминуемо послѣдовать и упадокъ Иерархіи. Въ XV столѣтіи, а именно около 1463 года, Болгарскіе Архиапстыри, пребывавшіе въ городѣ *Терновѣ*, именовались *Патріархами Терновскими и всея Болгаріи*; Архiepископъ же Ахридскій именовался *Архiepископомъ Ахридскимъ, Густиніанъ первой, и всея Болгаріи*.

(Въ XIV столѣтіи, во время существованія Болгарскаго государства, Россійское духовенство, безъ сомнѣнія, было коротко знакомо съ Болгарскимъ, отъ коего переходило много сочиненій на Русь. Тогда Болгарскій народъ, господствуя и въ Валахіи и въ Молдавіи, не былъ столь удаленъ отъ Рос-

сіять, а жить съ ними смежно, какъ мы увидимъ обстоятельство послѣ. Сверхъ многого другаго, занятаго Россіянами у него, было, кажется, обыкновеніе Русскихъ Архипастырей (въ Кіевѣ, Москвѣ и Львовѣ) прилагать къ своимъ титуламъ и *всехъ Россіи*, въ подражаніе Болгарскимъ, кои только одна, до Россіянъ, сіе имѣли обыкновеніе.)

По завоеваніи въ 1453 году Константинополя, и Цареградскій и Терновскій Патріархи очутились подъ однимъ правленіемъ. Порта, лишивъ Христіанъ собственнаго ихъ правленія, не лишила однако ихъ *духовнаго*; Патріарху Цареградскому вполне подтверждено его достоинство и власть въ управленіи. Однако не такъ обходилась она съ Болгарскимъ, коего, на первый случай, предоставила самому себѣ; власть его однакожь стала уменьшаться со дня на день, и Турки не иначе стали смотрѣть на него, какъ на простаго Архіерея, который, вопреки имъ, крѣпко придерживался своего титула. Словомъ, Греки довели до того, что Болгарскіе Патріархи унижены на степень Екзарховъ и подчинены Цареградскому Архипастырю, и тѣмъ отворенъ путь ихъ монахамъ на Болгарскія каѳедры.

И такъ нынѣ, при соединеніи двухъ Іерархій въ одну, оба разнородныя племена, и *Болгаре* и *Греки*, управляются вмѣстѣ однимъ духовнымъ начальствомъ, выбираемымъ изъ среды обоихъ народовъ. Македонскія или Румельскія Епархіи можно назвать и Болгарскими и Греческими; первая потому, что простой епархіальный народъ есть Болгаре, и Богослуженіе производится на Славянскомъ языкѣ; *посльдній* же, ибо главною частію управленія болѣе завѣдываютъ Греки. По недостатку подробнѣйшихъ оффиціальныхъ свѣдѣній объ Европейской Турціи, вообще, я не могъ

до сихъ поръ собрать въ подробности самыхъ точныхъ и опредѣленныхъ извѣстій о всѣхъ Епархіяхъ, въ предѣлахъ коихъ распространень Болгарскій народъ, ниже означить ихъ предѣловъ, и взаимныхъ ихъ между собою отношений. Главнѣйшія изъ нихъ суть:

Въ Болгаріи: 1) Митрополить въ *Терновъ*, именующійся и Екзархомъ всея Болгаріи, 2) Митрополить или Архіепископъ въ *Варнѣ*, 3) Архіем. въ *Симистріи*, 4) Архіепископовъ въ *Тридричѣ*, т. е. Соѳіи, 5) Епископъ *Ловичкій*, въ Ловчѣ или Ловичѣ зависить отъ Екзарха Терновскаго; *Замаковскій* (въ *Замаковѣ*) отъ Соѳійскаго.

Въ Македоніи: 1) въ *Изкопѣ* (Uskup, Scopia) Митрополить, 2) въ Салоникѣ Архіепископъ или Митрополить же, 3) въ *Верелѣ* Архіепископъ, 4) въ *Касторіи* Архіепископъ, 5) въ *Сересѣ* Архіепископъ, 6) въ *Кюпрелѣ* Епископъ, зависящій отъ Салоникскаго, 7) въ *Кюстендилѣ* Епископъ и проч.

Прежде были Архіепископскія Каѳедры и въ *Видинѣ* и въ *Охридѣ*; но нынѣ, по видимому, упразднены Портою. — Прочее можетъ намъ объяснить, и много пользы принести внимательное путешествіе по всей Европейской Турціи; тогда можно бы изложить главныя черты и Болгарской церковной Исторіи.

8) Религія, политическое состояніе, просвѣщеніе.

Болгаре большею частью Греческаго исповѣданія. — Какъ Турки составляютъ сами исключительно военный классъ, а по сему и дворянское, такъ сказать, сословіе, то Болгаре, въ отношеніи гражданска-

го ихъ бытія, представляютъ родъ мѣщанскаго сословія и вообще земледѣльческой классы. Хлѣбопашество, винодѣліе, садоводство, скотоводство, а преимущественно овцеводство есть исключительное ихъ занятіе.

Не имѣя ни правъ, ни законовъ отечественныхъ, Болгаре обезпеченіе жизни и собственности должны ожидать отъ свойствъ и характера областныхъ Пашей, или Комендантовъ крѣпостей. Посему участь гражданскаго ихъ бытія выставлена на произволъ военной необузданности ихъ побѣдителей. Сверхъ сего, врожденная Турецкой черни гордость и ненависть къ иноплеменикамъ и иновѣрцамъ бываетъ весьма часто причиною наглыхъ оскорбленій и дракъ.

Умственное состояніе Болгаръ соответствуетъ ихъ политическому. Будучи рабами, они погружены въ невѣжество, общее не только имъ, но и ихъ господамъ.— Можетъ быть, это зло предотвратила бы хорошо устроенная Іерархія, если уже Болгарамъ не дозволено имѣть собственныхъ высшихъ сословій; но и Іерархія, къ несчастію, въ плачевномъ положеніи. — При недостаткѣ училищъ для образованія юношества, опредѣляемаго для священнаго званія, бывшее духовенство, обыкновенно, на той же съ простымъ народомъ степени просвѣщенія. Сверхъ сего, политика Порты не позволяетъ Болгарамъ, какъ и прочимъ Христіанамъ, ни сооружать, ниже обновлять старыхъ церквей, въ чемъ просители могутъ усгѣть развѣ при большихъ пожертвованіяхъ. — Само собою разумѣется, что при невыгодныхъ обстоятельствахъ, недостатокъ въ церкви, или духовникъ, не одинъ Болгаринъ бросился въ объятія Исламизма. Сверхъ сего, Латинскіе монахи, привлекая Турецкихъ Христіанъ къ

Уніи, коснулись и Болгарь, между коими однако гораздо меньше Уніатовъ, чѣмъ между Греками, Армянами и Сербами.

9) Литература.

О Болгарской Литературѣ нечего и говорить, ибо она еще не возродилась.

Впрочемъ и между ними стали появляться любители просвѣщенія и письменности отечественной, на примѣръ, Гг. Йорданъ *Геновигъ* и Василій *Неновигъ*. Въ 1824 году изданъ въ *Брашовъ* (въ Кронштадтѣ, въ Трансильв.) Болгарскій *Букварь*, церковными буквами, и на Болгарскомъ языкѣ, — подъ заглавіемъ: *Букварь, съ размыкны поугеніл, собрани отъ Петра Беровица; за Болгарски-тъ оугумица. Напечатася съ помощьта Г. Антонова Иоанновига. Въ годъ 1824.* Я не видалъ ни одной Русской азбуки, которую бы можно сравнить съ достоинствомъ сей книжки, весьма поучительной; изложеніе статей ея ясно, слогъ пріятный, показывающій, что Болгарскій языкъ гибокъ для всякихъ оборотовъ; сія книжка въ 141 стран. Къ ней прибавлено объявленіе о подпискѣ на слѣдующія книги, которыя намѣревались издать:

1. *«Священное цѣлѣсобраніе, собрано отъ ветви-амъ и нови-амъ завѣтъ.»*

2. *«Лексиконъ малкій на 4 языци: Болгарски, Грегески, Влаиски и Россійски.»*

3. *«Грамматическа Етимологія на тѣже 4 языка.»*

4. *«Катихизисъ на наша православна апри.»*

5. *«Священнал Исторія за ради дѣла-тъ.»*

6. *«Грамматика Болгарска.»*

Успѣхъ сего предпріятія имъ еще неизвѣстенъ; а о прочемъ въ другой разъ.

10) *Характеристическія черты Болгаръ.*

«Болгаре», говоритъ одинъ Грекъ въ своемъ сочин. (Resumé Géorg. de la Turq. p. 404), «вообще роста высокаго, сложенія и силы атлетической, постоянны, трудолюбивы и неустрашимы. — Разгласили было, будто они негостепріимны; но я, напротивъ, могу увѣрить, что въ деревняхъ путешественникъ вездѣ принимаемъ съ отличною вѣжливостью и радушіемъ. Молодые дѣвушки выходятъ ему на встрѣчу, и бросая предъ нимъ разные цвѣты, приглашаютъ его остановиться въ пріятной хижинѣ ихъ родителей. Впрочемъ въ большихъ городахъ надобно прибѣгать къ гостиницамъ. — Турки не такъ гостепріимны, какъ Болгаре.» Притомъ они опрятны во всемъ ихъ домашнемъ быту. Вотъ нѣкоторыя черты нравственнаго и тѣлеснаго характера сего несчастнаго народа, нѣкогда благороднѣйшаго изъ всѣхъ Славянскихъ племенъ. — Я представилъ бы ихъ моимъ читателямъ въ видѣ болѣе пространномъ и живомъ, еслибы случилось имъ посѣтить всѣ сія области.

Начало Исторіи всякаго народа болѣе или менѣе темно. Тому доказательствомъ служатъ разныя Историческія изслѣдованія ученыхъ людей. Всякій просвѣщенный Историкъ старался проникнуть въ мрачную древность, чтобы отличить и оживить темную картину давнопрошедшаго бытія своихъ предковъ. Вотъ о чемъ заботится Историческая критика. Но взоръ

потемнотела - критика обыкновенно простирается почти только до первого летописателя, который, в свою очередь, и с своей точки, глядя в туманную дрезночь, без всяких вярных нособий, отличается лишь о видѣнномъ имъ. Положенію его, какъ зрѣмелла, бывасть всегда самое опасное, скольское. Счастье тотъ имъ, у него было здравое душевное зрѣніе, и кто могъ въ потемкахъ наблгнуть приидѣній. Во всякомъ однако случай, осяданиа летописца, касательно даинпроедникъ до него времени, суть большю частью предположителямъ, которыхъ отнюдь нельзя принимать за истину, не повѣривъ оныхъ прежде критикой. Посему, всякъ согласится, что и взоръ пермакъ летописателей была ограниченъ, и могъ простирается только на известное пространство, оиредѣленное естественностию. Посему, 1-е, отвергаются отличия тѣхъ, кои по своей летновѣрности, иривости воображенія или личности, говорятъ о тѣхъ временахъ, до коихъ они не могли проникнуть. 2-е, Отдаленнѣйшую точку, до коей досагало зрѣніе пермаго правдолюбиваго летописателя, нельзя признавать за первую эпоху бытія нашего либо народа, на прихѣрь, Русскаго сь 862 года. Вообще, въ объясненіи начала Истеріи того или другаго народа, надлежитъ поступать сь отиѣнною строгостию и оиотрицательностию не только въ источникахъ, но и въ самому себя; ибо а) ошибки летописцевъ, б) неправильное или неидантическое толкованіе ихъ иречсній, в) недоумкии между ими и нами, весьма много могутъ водать поводъ къ заблужденію и недѣлности.

Главное правило — ни я, ни ты, ни онъ не смѣй выдавать себя за пробирную палатку, въ коей должна-фать пришеваться истина, или оиредѣлители сте-

цели исторической. Эта часть принадлежит адекватному рассудку и естественности.

Сія мысль несколько родилась во книгъ при взгляде на древнюю Европейскую Исторію, которая почти вся (исключая Грецію и Италію) состоитъ изъ весьма загадочныхъ книгъ.

Всякій Европейецъ старался, болѣе или менѣе, рѣшить задачи въ Исторіи своего отечества; всаіи желалъ, болѣе или менѣе, прославить своихъ предковъ вѣдѣрчивыми описаніями ихъ дѣяній, или лучше, всякій желалъ прославиться греческою ихъ истиню. Но сему побудительному поводу, бросались изыскивать и начало своего собственнаго племени, и его происхожденіе. Отваживаясь на -легкіе за отдаленнѣйшую точку историческаго слѣда своихъ предковъ, многіе поспѣшили присвоить имъ названія помянутыхъ и совсѣмъ загадочныхъ народовъ: Шведы *Gothos*, Нѣмцы *Germanos*, Поляки *Sarmatos*, Венгры *Hungos* и Авары!

Между тѣмъ, при распространеніи въ Европѣ просвѣщенія и усовершенствованія Исторіи, стали являться затрудненія, объясненія, изысканія, предположенія, догадки, доказательства, опроверженія, сомнѣнія . . . Такъ родилась Историческая критика, и споры те прекращаются, то возобновляются и доходятъ.

Здѣсь замѣтимъ, что въ прошедшемъ столѣтіи не во всехъ частяхъ Европы равно занимались историческою критикою, которая требуетъ трудовъ, терпѣнія и постоянства. Нѣмцы преимущественно, по своему характеру, принялись за нее. Французамъ не шло дѣла терпѣнія для ея утомительной работы, и согласилась лучше вѣрить крикамъ съ сей стороны Рейна, что предки ихъ, Францы, были отличнѣе Датчанъ.

Между Палатами, которые стали было принимать за сіе занятіе, но голосъ ихъ былъ такъ слабъ, что нельзя было принять ихъ рѣшенія. Россіане еще не имѣли ни одного критика, который бы могъ засѣдать по всеобщему суду. Венгры имѣли отличныхъ изыскателей, но только для домашнихъ надобностей.

И такъ должно отдать полную справедливость и первенство, въ изыскательныхъ трудахъ, Таймскимъ племенамъ, какъ Датчанамъ, Шведамъ, Англичанамъ, но преимущественно Нѣмцамъ. Германія была верховнымъ и почти единственнымъ Историческимъ судилищемъ, предъ которое должно быть предстать весь древній Европейскій міръ до Карла Великаго, множество исчезнувшихъ народовъ оного, отъ которыхъ остались въ лѣтописяхъ только имена и ихъ имущество — слава. (Слава или хорошее имя о человѣкѣ составляетъ одну изъ лучшихъ частей его имущества, сказалъ какой-то философъ.)

Хотѣли узнать, кому принадлежитъ сіе наследство, и какъ Историческій Археологъ превратился въ аукціонный торгъ, на коемъ все почти, знаменитое въ Европейской древности, приписано Нѣмцамъ, безъ всякихъ ясныхъ на то документовъ. Такъ, наприхѣръ, Готы, Герулы, Келты, Маркоманы, Аламы, Франки, Ломбарды (иные даже покусались было и на Вандаляхъ); равно какъ Варлы, Россіане. Сверхъ сего были и такіе писатели, которые стали утверждать, что и Латыши, и Чухонцы отчасти Нѣмцамъ обязаны своимъ происхожденіемъ. (См. № III Матер. для Ист. Просв. въ Россіи, въ статьѣ о *Литовскихъ народахъ*.) Наконецъ права свои простерли и на Индію. Прочее же, по опредѣленію сего Археоло-

га, какъ бессмертные *Гулы*, *Асоры*, *Мюаре* и *Болгары*, отданы Татарамъ.

Я не знаю, какое участіе принимаютъ Калмыки, или Вухарцы и Башкирцы въ сеймъ, прасудженномъ нѣмъ Магдебургскими и Геттингенскими нѣхъ доброжелателями, наследственномъ правѣ; но крайней мѣрѣ, до сихъ поръ они не заботились объ ономъ. Однако между тѣмъ Французы и Россіане, не смотря на шлупое свое право объявлять и собственные свои доводы, подписались безпрекословно подъ Нѣмецкое свое происхождение. Не хочу быть адвокатомъ въ дѣлѣ обоихъ сихъ народовъ; но не могу не вознаться за истину въ пользу *здравой исторіи*; не могу здѣсь не замѣтить, что Славянской народъ обижень Арсонатомъ до чрезвычайности. — Объявить ли мени еретикомъ касательно его верховнаго рѣшенія, или нѣтъ, все равно; но я поспорю за удѣлъ, присужденный Татарамъ, кои въ ономъ отнюдь не нуждаются, ибо они слишкомъ уже богаты славою собственныхъ своихъ дѣяній.

Я не обвиняю почтенныхъ Германскихъ изыскателей въ покушеніи на честь Болгарскаго народа, о которомъ говорить здѣсь я наизрень, а напротивъ предполагаю въ нихъ желаніе принести пользу всеобщей Исторіи, которая во многихъ ея частяхъ была еще загадочною. Если они ошиблись, то это могло произойти отъ слабаго или несмотрительнаго соображенія судебныхъ обстоятельствъ.

Между тѣмъ, какъ Западъ Европы, послѣ нѣкоторыхъ изыскательныхъ трудовъ, нѣрѣдко заключавшихся въ простыхъ догадкахъ, показался многимъ показѣть довольно объясненнымъ, надлежало приняться и за Востокъ. Венгерцы, принадлежащіе къ

опону, затоновала было кое-что независимо отъ Изидонъ; но талновали о себѣ, не пасаясь чужаго племена. Долго ничто не смѣло тронуться за иранныи Востовъ, на коски нелькало много народовъ, много жестокалъ переворотовъ.

Напоночь молодой Шведъ, *Иоанн Турманнъ*, пероселавшийся въ Германію, рѣшился выступить изъ сіе сновльское поприще, и въ 1774 году надалъ свои *Unterfuchungcn über die Geschichte der östlichen eunoräischen Völker* (*Историческія изысканія о народахъ Восточной Европы, какъ-то: Болгары, Козары, Венгры, Волосы, Албанцы, и проч.*), которыхъ, крокъ двухъ послѣднихъ, приискалъ Татарское происхождение.

Въ кругу своихъ изысканій онъ встрѣтился съ послѣдователями Венгерцевъ, и сія-то встрѣча дала направление его изысканіямъ, параллельное Венгерскимъ. Вообще способъ Турманнова изысканія книгъ не правится. Надлежало врежде королю познакомиться съ книжными жителями восточной Европы, и потомъ преслѣдовать ихъ исторію обратно въ древность до тѣхъ поръ, пока можно было; тамъ надлежало остановиться и изыскать, откуда вышли сіи народы, и куда дѣвались, какъ исхода тѣ, которые поселились на томъ же пространствѣ до появленія на ономъ сихъ послѣднихъ? Рѣшеніе сихъ вопросовъ повело бы его къ важнымъ и болѣе естественнымъ открытіямъ, прѣтнвоположеннымъ тѣмъ, которыя онъ выводилъ, а именно:

Онъ началъ съ древнѣйшихъ временъ, съ давнишнихъ народовъ или ихъ иметъ, о коихъ не имѣтъ рѣшительнаго понятія, и перехода чрезъ новыя, безпрестанно появляющіяся племена, и потерпѣвъ въ сень лабиринтъ изъ виду прямую линію, ведущую на им-

и живущіе народы Востока, принужденъ былъ, для перехода къ онымъ, допустить, нестерпимое въ здравой Исторіи предположеніе *перемѣнъ изъ народа въ народъ*. Впрочемъ онъ подвизался прежде всѣхъ на семь поприщъ, и потому изысканій его перваго опыта отнюдь нельзя было принять безусловно за рвенія.

Сей-то опытъ принять былъ въ Германіи со всеобщими рукоплесканіями, и возбудилъ изыскательную дѣятельность и другихъ отличныхъ ученыхъ. Тогда-то Шлецеръ отважился въ походъ къ Сѣвернымъ народамъ. Сценою его подвиговъ были сѣверная Германія, Скандинавія и Россія. Перекричавъ всѣхъ громко и смѣло, онъ сдѣлался оракуломъ своихъ послѣдователей. Впрочемъ Шлецеръ вышелъ на Сѣверъ ученикомъ Тунманна, и состарился ученикомъ же, то есть, подписавшись подъ главный догматъ Тунманнова ученія, вѣрилъ Татаризму народовъ восточной Европы.— Въ изысканіяхъ же своихъ, касательно Сѣвера, а преимущественно Руси, онъ послѣдовалъ ученію Байера, которое болѣе развилъ и распространилъ, съ нѣкоторыми измѣненіями.

Между тѣмъ въ Германіи и Англіи образовалось общество ученѣйшихъ мужей для составленія Всемирной Исторіи по частямъ ея. Одинъ изъ членовъ онаго, Г. Енгель, принялся за Исторію Венгрии и прочихъ племенъ восточной Европы, между конки и Болгарь. Здѣсь-то онъ развилъ подробнѣе ученіе Тунманна, тоже съ нѣкоторыми прибавками.

Духъ обоихъ ученій и способъ изысканій Байеро-Шлецеровскаго и Тунманно-Енгелевскаго, совершенно сходны между собою; оба ученія привлекали къ себѣ множество послѣдователей; и такъ составились двѣ секты столь многочисленныя, что нынѣ сдѣлались уже

почти исключительное господствующими. Преподобный ученик о Востоке привалъ явотъ и учене сѣверныхъ невѣднителей, и на оборотъ. Изъ сего соединенія обнхъ сектъ составилось общее о Востоке и Оверъ Европы учене, или образъ мыслей, какъ бы Вселенскій, въ великой игрѣ отразившійся въ Исторіи Государства Россійскаго Н. М. Карамзина, и до нынѣ во-сподствующій.

Желаю рассмотреть учене о народахъ восточной Европы, итѣ надлежало бы войти въ составленіе отъ самыъ авторомъ онаго, Тунманномъ; но какъ оно повторено Енгелемъ и нѣсколько обстоятельнѣе, то я предпочелъ сего послѣдняго.—Зная характеръ молодого Тунманна, можно было надѣяться, что и онъ самъ оставилъ бы свои предложенія: онъ признавался, что готовъ отказаться отъ своихъ мнѣній, если окажутся новые сильнѣйшіе доводы; но къ несчастію смерть его похитила весьма рано — (на 30-мъ году жизни).



II.

РАЗБОРЪ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЪ О ТАТАРСКОМЪ ПРОИСХОЖДЕНІИ БОЛГАРЬ.

Упомянутые изыскатели и историки, по извѣстнымъ имъ причинамъ, приняли свое положеніе (*thesin*), что древніе Болгаре были Татаре, почти за доказанную истину; но какъ во временахъ Исторіи, болѣе извѣ-

столько, ницѣ не находили Татаръ подъ сими именами, а Славяны, то въ слѣдствіе онаго (положенія) допустили другое, что древніе Болгары происходили отъ Славянъ.

И такъ, сообразно съ сими двумя положеніями, весь споръ о семъ дѣлѣ раздѣляется на два отдѣленія.

1-ое. На разборъ доказательствъ, подтверждающихъ будто Татаризмъ древнихъ Болгаръ.

2-ое. На разборъ доказательствъ или пресumptивъ въ Славяны, и нѣчто вообще о теоріи и возможности ея онаго.

Мерсес. «Что Болгары были» говоритъ Бюхель (Ost. Allg. Welthist. XLIX. Th. pag. 282.) «дѣйствительно Татарскаго происхожденія, видно»

А) «Изъ Нестора, который выводитъ ихъ изъ земли Козарь.»

Вотъ что Несторъ сказалъ (по Кеннигсб. см. стр. 10): *Словенску же языкъ, яко же рекохомъ жиюущимъ на Дунаи, приидоша отъ Славъ, рекше отъ Козарь, рекоміи Болгаре, и съдоша по Дунаеви, и насильници Словеномъ бѣша.»*

Объяснимъ сіе мѣсто. Несторъ здѣсь говоритъ о *Словенскъ* опредѣленно, въ частности, а не о Славянахъ вообще; по сему имя *Словенъ* здѣсь является какъ видовое, принадлежащее одному только Славянскому племени, коему оно и нынѣ только и принадлежитъ. Это ясно видно изъ опредѣленнаго имъ явленія ихъ наименованіемъ *Дунай*. Но если бы означенный *Словенъ* придавалъ общее значеніе, былъ бы несправедливъ, ибо Славяне населяли не одну сторо-

му Дунайскому, но и до другихъ рѣкъ отъ Рейна и Эльдера, граничитъ Дакію, до Термоніа и Волги.

Впрочемъ *мысленно* на Дунае не сказано еще совершенно опредѣленно, ибо Дунай длиннѣе. Дунаею, вѣроятно извѣстно, что восточнѣе именованные славяне собственно такъ называемыхъ Словенъ, были страны, иногда называемыя *Noticum, Pannonia, Carnia*, и отчасти *Rhaetia*, а нынѣ *Austria, Stiria, Carinthia, Carniola*, Задунайская часть *Veneria, Croatia* *). Конечно Словене обитали по Дунаю отъ границъ Ваваріи до Бялграда или рѣки Дравы; въ Сербіи ихъ совсѣмъ уже не было, такъ какъ въ Болгаріи. Теперь понятно, гдѣ именно *мысленно* на Дунае.

И *наименованіе Словенъ* была. Извѣстно, что Болгаре въ Венгріи основали было сильную династію, оружіе коей, какъ увидимъ въ послѣдствіи, проникло далеко на Западъ. Конечно занятая Болгаріи въ Венгріи, преимущественно по сѣверную Дунаю, иста, до ихъ сюда прибытія, обитали были Римскіи колоніями, послѣ Готами, и отчасти Словенами же, отсюда вытѣсненными. Посему Венгрія понынѣ была собственно *Словенскій*, чрезъ которую протекалъ Дунай. Вотъ гдѣ именно *Болгаре Словенъ* *наименованіе* была.

Я привелъ это еще не въ отвѣтъ Бягло, но въ объясненіе Несторова мѣста, которое подтверждаетъ, что Болгаре не могли сжиматься съ Словенами въ Болгаріи; чтобъ отразить кривое толкованіе сего послѣдняго выраженія Несторова, въ которомъ, казалось бы, онъ Болгарь исключаетъ изъ числа Славянъ, если бы *Словене* онъ принималъ за родовое названіе,

* См. Извѣщенія Везевина о Словенахъ. *Изд.*

что однако неопредѣлено. Народъ, называющійся Болгаръ, могъ быть также иждошъ того огромнаго племени, коюго имени не знаемъ, и называющъ Славянами только по произволу, именовъ, передѣланнаго изъ иждоваго *Словене*.—Изъ Нестора выраженія кажутся только заключать, что Болгаре не *Словене*, точно такъ и Поляки, и Сербы не *Словене* же. (Одною Славяно.)

Но обратися къ Енгелю.

Какое слѣдствіе въ пользу Татаризма Болгаръ изъ того, что Несторъ ихъ выводитъ изъ земли Козаръ? Во-первыхъ, сей народъ (Козаре) не только Енгеля, но и прочіи изыскателямъ былъ горадо менше извѣстенъ, чѣмъ самые Болгаре, ибо не былъ столь замѣнитъ; во-вторыхъ, сей народъ давно исчезъ, давно уже нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ оного, кромѣ древнихъ лѣтописныхъ, весьма краткихъ, весьма неопредѣленныхъ. Вѣрныхъ свидѣній о немъ и по сію пору нельзя было добиться. И теперь еще одни думаютъ, что Козаре были Татаре, другіе, что Финны, третіе, что Славяне; но ни тѣ, ни другіе, ни третіе не представляютъ достаточныхъ доказательствъ. По сему, какъ можно выраженіемъ *пріеждоша оми Козаре* дать понятіе о Татаризмѣ Болгаръ? Какъ можно доказывать предположеніе предположеніемъ же? Сверхъ сего, *оми Козаре* не значитъ именно изъ самой Козаріи, изъ среды Козаръ; ибо оба народа, если они были различны, не могли населять одну и ту же страну, въ одно и то же время. *Оми Козаре* можно понимать изъ соседства Козаръ. Но положимъ, что Несторъ понималъ именно изъ Козаріи, то выраженія его, кажется, нельзя принять за самое правильное; ибо когда страна Козаріи стала быть извѣстною въ VIII и IX столѣтіи, тогда Болгаре уже давно были на Дунаѣ. И такъ, если Болгаре вы-

ими изъ самой этой Козаріи, то она тогда, когда въ ней жили Болгаре, была не Козаріей, а Болгаріей; поему надлежало сказать: *пріѣдоша изъ Болгаріи*, *ривужутся*, древняго ихъ отечества.

Впрочемъ, что Несторъ, писавшій о Болгаріи, наименовалъ Козарію, не большая ошибка; ибо имя древней Болгаріи, по выхodu ея сыновей, стало выходить изъ употребленія, и замѣнено Козаріей, но имени новыхъ поселенцевъ, и сіе названіе было извѣстно и Нестору. Онъ употребилъ оное единственно для указанія на страну, въ коей жили племена Болгаре, т. е. на Болгарію. Въ томъ именно смыслѣ именуемъ Молдавію и Валахію, говоря о происшествіяхъ, на пр. 900—920 годовъ, не смотря на то, что сіи имена введены въ употребленіе только съ XV столѣтія, и проч. Изъ сего видно, что Болгаре *пріѣдоша ома Козарь*, значить изъ древней Болгаріи; что не могло служить Енгелю отнюдь никакимъ доказательствомъ ихъ Татарства.

В) «Собственными именами ихъ древнихъ вождей звались по-Татарски, на прикѣръ: *Кубрама* (Греками иногда превращаемый въ *Кробамъ*), *Ватбалъ* (*Vatbalas*), *Комрагъ* (отъ коего Болгаре отчасти назывались и *Комрагалами*, откуда опять происходитъ скучное перенесеніе въ Нутригуровъ), *Аспаруагъ*, *Тербелъ* (*Terbels*), *Тьлемъ* (*Telctas*), *Балма* (*Balmas*, Греками часто превращаемый въ *Фаданисъ*), *Токма* (*Tokmas*), *Кампагалъ* *Самраданисъ* (Ханъ Кампа), *Цермагъ*; — сверхъ сего, имена знаменитыхъ Болгарскихъ мужей: *Бомла* (*Bomas*), *Хисама* (*Chigatus*), *Комартамисъ*, *Буліасъ* (*Bulias*), *Туркисъ*, и проч.»

То-то и бѣда, что сіи имена вождей произвѣли Енгелю по-Татарски; то-то и бѣда, что участь древ-

нахъ Болгаръ зависитъ отъ собственнаго слуха сочинителя! Такъ какъ вся важность сего втораго доказательства стала зависеть только отъ слуха, то я скажу смело и рѣшительно, что имена отнюдь не азвнать по Татарски, и — дѣло съ концомъ и великолѣпнѣе оканчиваеь, и все доказательство опровержено по достоинству.

Но прибавлю еще одно слово. Не стану распространяться объ испорченномъ слухѣ автора доказательства; скажу только, что онъ слышномъ иринуилъ одинъ изъ безпрестанному. . . . *славъ* . . . *славъ* въ Исторіи Россійской, Польской, Померанской, Чешской, Моравской, Сербской, Кроатской, Далматской и проч., такъ, что о Славанахъ не иначе дерзаетъ подумать, какъ только подъ фирмою *славовъ*. По этой-то причинѣ и древніе Болгаре показались ему не Славянами.

На сіе отвѣчаемъ: имена собственныя владѣтелей, въ началѣ Исторіи всѣхъ почти Славяноскихъ племенъ, не оканчиваются на *славъ*; это всякъ видѣть можетъ въ Исторіи Русской, Польской, Чешской, Померанской, почему же и не въ Болгарской? Въ послѣдствіи же и Болгаре игдали своихъ *славовъ*, какъ и прочіе ихъ соплеменники.

Но еще есть другая причина, по которой уноклуктыя Болгарскія имена прозвнѣли въ ушахъ извѣстителя по Татарски, а именно: съ извѣстнаго времени стали требовать отъ собственныхъ именъ Славянъ отчета въ ихъ этимологическомъ происхожденіи и значеніи, и если оправдывались онѣ имѣвшимися языкомъ, то удостоивали ихъ славянскаго происхожденія; въ противномъ случаѣ называли варварскими, а именно, *Татарскими*, *Скандинавскими*, какъ пошло по сосѣдству, и даже нашелся такой ученый, который толковалъ, что Владиміръ и Святославъ пере-

поверены изъ Скандинавскаго Валденри и Свена! Конечно, если продолжится подобная наискательная система, то эллитропы могут опасаться, чтобы имена Скандинавской славы не распростерли своего влияния и на прахъ покойнаго Тамерлана. Уже и такъ горе отъ ума!

Сколько въ Россіи, Богеміи, Моравіи, Славоніи еще и нынѣ найдете въ употребленіи собственныхъ названій, ничего незначающихъ и не имѣющихъ никакой связи съ дѣломъ? И въ древнія времена собственные имена рождались случайно, часто безъ всякаго значенія, было бы только слово, или звукъ, какъ знакъ указательный того или другаго лица. И нынѣ, развѣ нужна народу знать, что значить Миша, Григорій, Марія, Ваши, Грѣшна, Мама, и проч.?

Полагая, что вышеозначенныя Болгарскія имена совершенно ничего не означали; то какое слѣдуетъ мнѣно вывести въ доказательство имя Татарискаго? Сверхъ сего рождается еще вопросъ, въ такомъ ли видѣ оставили намъ Византійцы сіи имена, въ какомъ онѣ произносятся были тогдашнїи Болгарскїи народомъ? Вѣнъ согласится, что отвѣчать можно не иначе, какъ только отрицательно; ибо если они еще и въ послѣдствїи не знали имени Болгарскїа, умственно Флорентина, не зная значенїа и происхожденїа Грамматическое, то тѣмъ болѣе не могли они въ тѣ времена, когда были еще менѣе знакомы съ сими народомъ. И тѣмъ, именъ принадлежавшихъ наискательскъ на послѣдїа, иррациональныхъ, принять нельзя; а судить по звуку имя, худо тошкетному, судїи падаря. Это въ отношенїи къ слуху изыскателя.

Теперь о самыхъ именахъ. — Кто знаетъ лучше Татаръ, тѣмъ Г. Енгель, тотъ не найдетъ ни малѣй-

наго сходства сихъ спорныхъ именъ съ Татарскими. Я измучилъ было одного Татарскаго мурду въразъясненіемъ у него Татарскихъ именъ, и въ полученныхъ не нашелъ ни малѣйшаго сходства съ спорными Болгарскими. Впрочемъ некоторое созвучіе, иногда и весьма удачное, можно найти и между Арабскими и Нѣмецкими; какое же отсюда слѣдуетъ? Вотъ настоящія имена Венгровъ, кои весьма близко подходить къ Татарскимъ: Бартай, Кичинъ, Корай, и проч.

Но разберемъ спорныя по порядку.

а) *Ку-брамъ* звенитъ по Татарски?

б) *Ватвајас*, иначе *Вавіанис* *) есть исковерканный *Болмс*. И это Татарское имѣетъ происхожденіе?

в) *Комразъ*. *Lis renes indicem*, ибо потеряло свое значеніе грамматическое. Мнѣніе, что народъ по этому имени назывался отчасти *Комразалми* или *Комразуралми*, обветшала басня.

г) *Аспаруазъ*. Греки затемнили значеніе этого имени; однакоже оно звучитъ какъ у южныхъ Славянъ *саломъ*, *лагузъ*, *ляжюмъ*, *кельюмъ*, *кожузъ* и проч. Егдо.

д) *Тербель* (*Terbelis*). Почему его такъ назвали Болгаре, (?) объяснить тотъ, кто знаетъ, почему Поляки *Лезу*, *Крагу*, или *Докляку*, дали такіа имена и проч. Или не переименовали ли его Византійцы? или развѣ нѣтъ Славянскихъ словъ, которые бы именно такъ были похожи на *Тербель*?

е) *Тльлецъ*. Покорный слуга.

ж) *Болмс*. Бошня Греки, какъ уже Стритторъ замѣтилъ, превращали и въ *Шазма*, и умотребивъ нѣкого буквы *б*, коей не имѣють, равно какъ и *γ*а нѣкого *л*.

*) Vid. Memor. popul. in Bulg. pag. 457.

а) *Самарагоус* тоюе *Вална*. «Ханъ *Вална*» толкуеть князятель!

в) *Telorigus?* иначе: *Telorigus?*

1) *Voilus* и *Vulias*, или лучше *Воилас* (*Voilos*, *Voulas*, *Воилас*). *Всѣ*, наметомъ, одно и тоюе. Греки называли Болгарскихъ военачалниковъ *Voiladhs*, *Воладхс*, т. е. *Восоуды*, которме у Болгаръ дѣйствительно назывались снѣгъ именовъ; въ единственномъ же будетъ *Voilat*.

Впрочемъ былъ въ Болгаріи и особый классъ *Вельнонъ*, называвшійся: *Боллери* (читай *Боллри*), но Руски *Болре*. Греки ихъ называли *Vulias*, и *Volias*.

Между тѣмъ *Voilat* и *Voilalat* употребляли для означенія собственнаго имени *Воеласа*.

в) *Тарканы* и *Конартиканы*, титулы Болгарскихъ Царевичей, *Романа* и *Бориса Петровичей*. За вѣрность Греческой ихъ копировки нельзя ручаться.

Если же судить о сихъ именахъ вообще, то замѣтить, что Г. Енгель изъ длиннаго списка Болгарскихъ историческихъ лицъ, въ конхъ вездѣ видѣтъ ихъ Славянизмъ, не смотря на нѣкоторое намѣненіе подъ перомъ Греческимъ, выбралъ тѣ, котормя исковерканы болѣе всѣхъ, и носему сдѣланы невразумительными и необъяснимыми, но его мнѣнію, изъ Славянскаго языка.

Византійцы въ среднія и послѣднія времена Болгарской Исторіи уже нѣсколько поправильнѣе стали писать имена историческихъ лицъ сего народа. Но вышеозначенныя имена принадлежать древней эпохѣ Болгарской Исторіи, а именію той, когда ни Греки (писатели только) съ народомъ не были воротко знакомы, ни народъ самъ, будучи азычникомъ, писалъ не умѣлъ. Сие обстоятельство тѣмъ болѣе показалось

Еще не можно, что онъ намървался древннхъ Болгарь превратить въ Татарь. Но что онъ во всѣхъ отношеніяхъ не имѣлъ права коопуться сего доказательства, мы уже видѣли. Ибо: 1-е, Понятіе или сльдгманъ: имена неразумительныя, ergo Татарскія, ложныя. 2-е, Ихъ всего менѣе можно объяснить изъ Татарскаго языка. 3-е, Ихъ звонкость болѣе можно признать за Славянскую, чѣмъ за Татарскую. 4-е, Если бы даже и было между ними и Татарскими нѣкоторое случайное созвучіе, то изъ сего заключить еще не слѣдуетъ о народности. 5-е, Сн имена замѣнены Греческимъ черкомъ. 6-е, Мы смотря на сіе, многіа изъ нихъ очевидно суть Славянскія.

Здѣсь, не въ отвѣтъ изыскателю, прибавлю кое-что объ именахъ Славянскихъ вообще, и о Болгарскихъ въ частности. Это пригодится. Я замѣтилъ уже, что первый и самый простой способъ давать имена лицамъ, состоитъ въ выдумываніи словъ или звуковъ, совсемъ не относящихся къ словопроизводству, и совершенно неразумительныхъ. Тамъ водятся въ народѣ; на примѣръ, въ черни у Карпато-Россовъ (т. е. у Русиновъ, иначе, Русняковъ), гдѣ Герольдіа еще не въ модѣ, найдете имена: *Тева, Дельо, Шекмаръ, Руцакъ, Малайло, Бурумъ*, и проч., разжающіяся и исчезающія вмѣстѣ съ лицами, и ни изъ какого языка необъяснимыя. Подобное же можно найти и у другихъ Славянскихъ племенъ. Впрочемъ сей способъ не могъ остаться единственнымъ, ибо нельзя было обойтись безъ того, чтобы народъ не производилъ и именъ порядочныхъ и вразумительныхъ, и не ввелъ бы какой либо общей для оныхъ формулы. Никакой народъ не славился толкикомъ разнообразіемъ сихъ формулъ, какъ Славяне. Послѣ нихъ слѣдуютъ Греки в Римляне. Прочіе же народы, по бѣдности, или по негнбкости своего языка, не могли имѣть оныхъ. По сей-то причинѣ, на примѣръ, Нѣмцы, вромѣ множества непонятныхъ названій, должны были прии-

мать, для наименованія себя, имена существительнымъ всякаго рода вещей и животныхъ, и даже землевсныхъ мѣстъ, и прилагательныхъ, и изъ нихъ сложныя и, наконецъ, названія всякаго рода ремесленниковъ; на примѣръ: Нг. Fuchs, *Г-нъ Лиса*; Нг. Wolf, *Г-нъ Волкъ*; Нг. Bär, *Г-нъ Медвѣдь*; Нг. Nase, *Г. Залцъ*; Нг. Hahn, *Г. Пылухъ*; Нг. Thal, *Г. Долина*; Нг. Berg, *Г. Гора*; Нг. Bauer, *Г. Мужикъ*; Нг. Lengbein, *Г. Длинная кость*; Нг. Klopstock, *Г. Клепальная дубина*; Нг. Graukopf, *Г-нъ Сѣдая голова*; Нг. Weiss, Schwarz, Roth, *Г. Бѣлый, Черный, Красный*; Нг. Becker, Müller, Schneider, Drechsler, *Г. Хальбникъ, Мельникъ, Портной, Токаръ*; Нг. von Schwarzburg, von Grüenthal, von Liechtenstein, *Г-нъ изъ Шварцбургъ, Г-нъ изъ Грелентала, Г-нъ изъ Лихтенштейна* и проч. Даже есть Нг. Engelmann, *Г-нъ Ангельскій человекъ*; Нг. Hofmann, *Г-нъ Придворный человекъ* и другіе всякаго рода человекъ, и проч. и проч. Вообще, знающіе Нѣмецкій языкъ могутъ насчитать тысячи подобныхъ примѣровъ при чтеніи Нѣмецкихъ фамильныхъ именъ. И почтенное имя нашего изыскателя значить *Ангелъ* (Engel); напротивъ, былъ извѣстный герой, сподвижникъ Фридриха II, *Мантефель*. Посему, какъ въ Нѣмецкихъ обществахъ именуютъ лица по ихъ фамильнымъ названіямъ (какъ и у прочихъ Европейцевъ), то не рѣдко затрудняются или совѣстятся именовать лица, имѣющія не совсѣмъ блестящее прозвище, въ ихъ присутствіи. Подобнымъ образомъ встрѣчаются *Г. Гора съ Горой, Лиса съ Пылухомъ*, и проч.

Французы не совсѣмъ послѣдуютъ Нѣмцамъ. Они болѣею частію имѣютъ названія (если исключить владѣльцевъ, именующихся по названіямъ своихъ земель), не имѣющія никакого грамматическаго значенія, и составленныя машинально и произвольно изъ буквъ, вышло бы только слово или звукъ; всякъ пишется, какъ ему угодно, или какъ угодно было его родоначальнику. Въ примѣръ приведу нѣсколько фамилій изъ списка Парижскаго купечества за 1820 годъ: *Chatel, Chatelain, Chatelanat, Chatelet, Chatelin, Chatellain, Chatelle, Chatelet, Chatenay, Chatenet*; или *Girard, Girardin,*

Girardaut, Girault, Giraud, Girof, Girod, Girodet и проч. Впрочем, есть у них и названія грамматическія: *Mrs le Blanc, le Noire, le Rouge, le Marchand* и проч., коихъ однако къ невразумительнымъ можно отнести какъ 5 къ 100.

Венгерцы (природные Маляры), подобно Нѣмцамъ, принимаютъ имена нѣкоторыхъ животныхъ и даже вещей; *Farkas* Волкъ, *Medve* Медвѣдь, *Szekér* Повозка и проч. Но этихъ не такъ много. Притомъ, они употребляютъ и прилагательныя для означенія фамилій: *Fekete* Черный, *Fejér* Бѣлый, *Sárga* Желтый, *Veres* (перешъ) Красный, *Nagy* (надъ) Великій, *Vastag* Толстый, *Kicsiny*, *Kis* (кничень, кишъ) Малый и проч. Кроме сихъ, также носятъ названія иностранныхъ народовъ: *Báro Oross* (Баронъ Россіянинъ), *Báro Horváth*, Бар. Кроатъ; *Német* Г. Нѣмецъ, *Ráts* Сербъ, *Olass* Итальянецъ, *Oláh* Волохъ, *Török* Турокъ, *Görög* Грекъ, *Örmény* Армянинъ. Но болѣе всего употребительны имена, образуемыя изъ названій мѣстъ, селеній, городовъ, прибавленіемъ къ онимъ буквы *i*, которая соответствуетъ Славянскому *скій*, напр., *Buda*—*Budai*, *Eszterház*—*Eszterházi*, *Szétsény* (Сѣчень)—*Szétényi*, *Radvány*—*Radványi*, *Rákótz* (Раковецъ)—*Rákótsy*, *Gara*—*Garai* и проч. И имена ремесленниковъ.

Славяне, въ свою очередь, по свойству своего языка и гибкости онаго, имѣли ту выгоду, что, имѣя у себя особыя формулы, могли удержаться отъ присвоенія себѣ именъ вещей и животныхъ, имъ не принадлежащихъ. Первое ихъ обыкновеніе было давать имена лицамъ сообразно съ ихъ характеромъ, нравами, дѣяніями, образомъ жизни, или тѣлеснымъ качествамъ и проч. Въ семъ отношеніи имена бывали: 1-е Сложныя: *Рашиборъ*, *Людомилъ*, *Богумилъ*, *Доброходъ*, *Сивоусъ*, *Долорукъ*, *Бѣлобродъ*, *Падибродъ*, *Святбой*, *Радюсть*, и проч. 2-е Прилагательныя: *Мстивою*, *Боривою*, *Ярой* и проч. 3) Нѣкоторыя изъ сложныхъ сдѣлались образцомъ и для другихъ; одно, кончащееся на *славъ*, подало поводъ къ образованію многихъ другихъ, такъ-что все прилагали къ *славъ*, что только было угодно: *Вратиславъ*, *Болеславъ*, *Влчеславъ*, *Швславъ*, *Святославъ*,

Вериславъ, Братиславъ, Владиславъ, Ярославъ, Держиславъ, Предиславъ, Прикиславъ, и проч. Такъ же и кончаціяся на, *миръ: Владимиръ* у Россовъ, Болгаръ и Померанцевъ, *Яромиръ, Везимиръ* у Померанцевъ, *Казимиръ* у Поляковъ, *Драгомиръ, Тихомиръ, Добромиръ, Стратимиръ, Радимиръ* у Болгаръ, *Строммиръ, Властимиръ* у Сербовъ и Кроатовъ и проч. Такъ составлялись имена у всѣхъ Славянскихъ племенъ.

Теперь взглянемъ на особыя формулы, свойственныя нѣкоторымъ Славянскимъ племенамъ порознь. 1-е) Окончаніе имъ свойственно весьма многимъ именамъ Славянскимъ: начальникъ, чиновникъ, странникъ и проч. По сему образцу производятся и имена собственные лицъ, или отъ понятныхъ или отъ непонятныхъ именъ: *Шевчикъ, Крафчикъ, Томечикъ* и проч. и проч. Сверхъ сего, сюда принадлежатъ и уменьшительныя: *Мисаликъ* отъ *Михалъ*, *Ерикъ* отъ *арый* или *Ерый* (Jery), *Томошикъ*, и проч. Имена подобныхъ кончаній весьма употребительны между *Словаками* въ Венгріи и отчасти въ Моравіи. Здѣсь же и въ Богеміи они весьма часто превращаются въ *акъ: Калачекъ, Ховалекъ, Воронекъ* и проч. Къ нимъ можно причислить и окончанія на *акъ: Новакъ, Чернякъ, Познякъ*, и проч. Сія формулы преимущественно принадлежатъ Славянамъ въ Германіи, Силезіи, Богеміи, Моравіи, Западной Венгріи. — 2-е) На *ецъ: Воронецъ, Маринецъ, Иванчинецъ, Перевалишинецъ, Прачинецъ*, и проч. у тѣхъ же Славянъ. — 3-е) Образующыя изъ названій мѣстъ окончаніемъ *скій: Волховскій, Влажскій, Бѣлгородскій* и проч. Сей способъ вошелъ въ употребленіе исключительно у Поляковъ; впрочемъ встрѣчаются подобныя имена и у прочихъ Славянъ, кромѣ Болгаръ, Сербовъ и Кроатовъ. — 4-е) На *ко*, уменьшительныя: у Малороссовъ и отчасти у Сербовъ, на пр., *Живко, Славко, Стойко, Лобко, Бранко* и проч. 5-е) *Отцименныя* (patronymica), производимыя отъ именъ родителей, прибавленіемъ: а) *Ичь* или *оичь*, *евичъ: Живковичъ, Стойковичъ, Лобковичъ, Гражалковичъ, Бранковичъ, Даниловичъ, Атанасевичъ, Славичъ, Савичъ* и проч. Это есть общая формула у Сербовъ и Кроатовъ, какъ *скій* у Поляковъ. Впрочемъ она такъ

же отчасти свойственна и Болгарамъ, Малороссамъ и Полякамъ. б) Образованіемъ прилагательныхъ притяжательныхъ, имѣющихъ значеніе родительнаго падежа. Это есть окончаніе на *овъ, евъ*, (ова, ово, ева, ево) отъ именъ мужскаго рода, и *инъ* (ина, ино) отъ женскаго рода: *Петръ-Петровъ*, *Михаилъ-Миханловъ*, *воинъ-Воиновъ*, *Таця-Тацынъ*, *Епракся-Епраксынъ*, *Баба-Бабинъ*. Сообразно снмъ прозведены названія и отъ прочихъ именъ не только вещей и животныхъ, но и отъ именъ, которыя по какой либо формулѣ были уже образованы, и даже отъ названій мѣстностей. Сей способъ образованія именъ теперь принадлежитъ исключительно Россіянамъ. Нѣкогда снъ былъ въ употребленіи и у Померанцевъ. Остатки сихъ именъ и нынѣ еще тамъ находится въ довольномъ количествѣ, носимыя отмечившимся лицами. — Подобнымъ образомъ производимы были и имена городовъ, селеній, проч., на *овъ, инъ* (городъ), *ово, ино* (селеніе). Географическая карта Померанія и теперь изобилуетъ *овами* и *инами*: *Буковъ*, *Волховъ*, *Щетинъ* (Stettin), *Зевринъ* (Schwerin), *Берлинъ*, *Деминъ*, *Волинъ*, *Теплинъ* и проч. и проч. Между тѣмъ какъ сн *отцеименныя* сдѣлались Фамильными, введены въ Русскомъ языкѣ вышеприведенныя на *овичъ*, которыя тоже указываютъ на происхожденіе лицъ; *ичъ* собственно значить тоже, что *овъ*. *Воинъ-Воиновъ* сынъ Воина, *Воиновичъ* сынъ Воинова. Имена на *овичъ* внѣ Россіи суть имена только *фамильныя*; въ Россіи же они только *отцеименныя*, и составляютъ *второе* имя лица, а *третье* фамильное. Обыкновеніе называться тремя именами существуетъ издавна, какъ извѣстно, въ одной только Россіи; въ другихъ государствахъ Европы этого не было. Изъ древнихъ народовъ одни Римляне имѣли тоже обыкновеніе. (Греки хотя и имѣли въ своемъ языкѣ отцеименныя, но назывались только однимъ, и иногда двумя именами.) Сходство этого обычая у Римлянъ и Россіянъ столь разительное, что я не могу удержаться здѣсь отъ краткаго сравненія между ими.

У Римлянъ были прозванія, взятые отъ разныхъ вещей,

животныхъ, прилагательныхъ, и даже глаголовъ, которыя имѣли свои обыкновенныя Латинскія окончанія, или получали новыя: *Lupus, Verres*; или сicer горохъ, *Cicero Горошекъ, tuberc* горбъ, *Tubero* Горбачъ, *nasus* носъ, *Naso* Носанъ и пр.; или *Crassus, Brutus, Rufus, Minutus, Fulvus, Quintus, Sextus, Septimus, Octavus, Maximus, Flavius* и проч. И такъ, если, на примѣръ, фамильное имя семейства было *Rufus* (рыжій), отецъ семейства назывался *Octavius-Rufus*, сынъ его *Maximus-Rufus*; то отцепенное сына дѣлалось поставленіемъ имени *Octavius* въ родит. падежѣ съ окончаніемъ на *ius*, сообразно съ склоненіемъ мѣстоименій *nullus, ullus, alter* и проч. (поэтому частица *ius* тоже, что въ Русскомъ *оуб* или *оуби*); и такъ, *Maximus Octavius Rufus*, по-Русски Максимъ Октавоубичъ Руубъ, сынъ его *Curtus Maximus Rufus*, Куртъ Максимубичъ Руубъ, внукъ его, на пр., *Quintus Curtius Rufus* и т. д. Впрочемъ, *ius* дѣлались и фамильными, точно какъ и въ Русскомъ; *Sextus Acilius Fabius, Tullus Hostilius Flaminius*, такъ сказать: Секстъ Ацилиубъ сынъ Фабіубъ, Туллъ Гостилиубъ сынъ Фламиніубъ; или иначе, Секстъ Ацилиубичъ Фабіубъ, Туллъ Гостилиубичъ Фламиніубъ. Такъ и отъ женскихъ, но только на *ius*, (имѣ и по Русски): *Antonia Antoninus* (Антонинъ), *Saburnia Saturninus* (Сатурнинъ), *Sabinia Sabininus* (Сабининъ) *Messala Messalinus* (Мессалинъ), и проч. Вообще, *ius* исключительно господствовало въ Римѣ, какъ *оуб* въ Россіи; и всегда Римлянина узнавали по его имени, какъ нынѣ Россіянина. Въ Римскихъ обществахъ также противно было законамъ учтивости и этикета именовать присутствующихъ по ихъ фамиліямъ, какъ и въ собраніяхъ Московскихъ или Петербургскихъ; на примѣръ, никтобъ ни за что не согласился назвать знаменитаго стряпчаго въ глаза *Цицероубомъ*, вмѣсто *Маркѣ Туллиубъ*, если не хотѣлъ получить въ отвѣтъ, о tempoга, о moга! или отправиться на събзжую. Въ письмахъ обыкновенно ставили *Marce Tulli!* «Маркъ Туллиубъ!», а не *Monsieur* или *Mess Cicero!*

6-е) У Болгаръ было прекрасное обыкновеніе да-

вать имена лицамъ по душевнымъ и тѣлеснымъ ихъ качествамъ. Сія имена производились какъ изъ именъ существ. и прилагательныхъ, такъ и изъ глаголовъ, и даже изъ нарѣчій, и оканчивались на *ань*, или *янь*: *Боянь*, *Пружань*, *Карань*, *Тьлань*, *Душань*, *Миловань*, *Добровань*, *Дрожань*, *Бранковань*, *Столянъ*, *Золань*, *Радовань*, *Асянь*, *Дьянь* или *Дьялянь*, *Чижмань*, *Кавкань* или *Кокань*, *Розновань*, и проч. и проч. (Всѣ они суть историческія лица.) Сія формула изъ всѣхъ Славянскихъ племенъ принадлежала преимущественно Болгарамъ, и нѣсколько и Сербамъ, у коихъ тоже нѣкоторые изъ сихъ именъ были въ употребленіи. Впрочемъ, и Русскому языку не чужды сей даръ образованія характерическихъ *существительныхъ*, но только не на *ань*, а на *унь*: *бѣзунь*, *скакунь*, *воорунь*, *болтунь*, *шалунь*, *крикунь* и проч. (а нѣки и по другому, на *акъ*, *икъ*, *ецъ* и проч.) Не смотря на сіе, есть и въ Русскомъ: *бульнь*, *великань*, *врублянъ*, и т. д.; еще больше изъ многихъ Русскихъ фамильныхъ названій: *Ръзанова*, *Друзанова*, *Жаданова*, *Черепанова*, *Лобанова*, *Рубана*, и проч. видно, что нѣкогда и Русскимъ не была чужда подобная формула.

Вообще, у Славянскихъ племенъ въ произведеніи именъ царствовала нѣкоторая мода. Были эпохи, что однѣ формулы выходили изъ употребленія при появленіи новыхъ. Во всей Помераніи и Балтійской Украинѣ *слаговъ* не менѣе было какъ и въ Россіи. Эпоха ихъ началась съ X столѣтія, въ то самое время, какъ и въ Россіи. До того у Померанцевъ царствовало преимущественно окончаніе *икъ* да *юсть*, если слѣдять оное съ X вѣка обратно въ древность, на примѣръ: *Генерикъ*, *Фредерикъ*, *Гунерикъ*, *Аларикъ*, *Генсерикъ*, *Рерикъ*, *Ерикъ*; послѣднее уменьш. отъ *Ерый* (*Jery*); такъ произносили, и еще произносятъ Германскіе Славяне слово *лрый*; у Поляковъ сіе имя произносится *Jerg'eu* (*Ержей*), у Словаковъ

въ Венгріи *Jiry* (*Жирѣ*), у Россійъ *Jurik*. Послѣ принятія Христіанства, приняли оно въ значеніи *Георгія*. — Еще и другіе виды были сего слова: *Яровой*, *Яровидъ*, *Яромиръ*, *Ярославъ*, или *Еровой*, *Еровидъ* и проч. — Замѣтимъ, что *Ерикъ* (*Ericus*, *Erich*) перешло отъ знаменитыхъ нѣкогда Балгійцевъ и къ ихъ сосѣдамъ, Датчанамъ и Шведамъ, точно какъ и нѣкоторыя другія, однако нѣсколько переложенныя: *Володимиръ* (*Voldemar*), *Всеволодъ* (*Wesswald*, *Oswald*), *Яромиръ* (*Jaromar*), *Вячеславъ* (*Wenceslaus*, *Wenzel*); такъ и *Henrik*, *Frederik*, тоже, по видимому, измѣненныя, ибо въ чистотѣ ихъ можно сомнѣваться и проч. — Возвратимся къ Энгелю.

В) «Ихъ Короли, въ древнѣйшихъ Византійскихъ извѣстіяхъ, когда Болгаре не нарежъшались еще съ Славянами и Волохами, называются *Ханами* или *Хазанами*. Такъ называетъ ихъ, у Стриттера, Кодицъ и Теофилактъ.» Метог. Popul. II pag. 499.

Это самый щекотливый доводъ въ полемикѣ Гг. Енгеля и Тунманна. — Разсмотримъ прежде составныя его части.

1-е) «*Ханами или Хазанами.*» Это голое предположеніе, которое прежде надлежало доказать для того, чтобы годилось въ доказательство. Отнюдь нельзя сказать рѣшительно, одно ли и тоже было Ханъ и Хаганъ.

2-е) «*Когда Болгаре не слѣшались еще съ Славянами и Волохами.*» Темно и неопредѣленно. Гдѣ съ Славянами? Кажется, должно понимать: съ Словенами въ Венгріи. И такъ, древнѣйшіе Византійцы до тѣхъ поръ только называли Болгарскихъ Королей Хаганами, пока они не смѣшались съ Словенами? — Словенская земля къ Востоку, собственно, ограничивалась Дунаемъ. Мы видѣли, и еще увидимъ обстоятельнѣе, что восточную Венгрію (до Дуная) Болгаре наследовали отъ Римлянъ и Готовъ, и за Дунай

собственныхъ жилищъ не переносили. Въ Болгаріи же, Валахіи, Молдавіи, никакихъ Словенъ не было. Гдѣ же было, и могло ли произойти сіе смѣшеніе? Очевидно, что сіе смѣшеніе лучше должно принять за сосѣдство. И сіе-то сосѣдство было причиною, что Византіицы перестали Государей новыхъ пришельцовъ называть *Хаганами*? Но, если Византіицы перестали ихъ именовать Хаганами потому только, что Болгаре въ Венгріи граничили или, допустимъ, смѣшались съ Словенами, то почему они перестали ихъ такъ называть въ Молдавіи, Валахіи, Болгаріи, гдѣ они совершенно были чисты отъ Словенъ? Еще: если сосѣдство или, положимъ, нѣкоторое смѣшеніе съ Славянами имѣло вліяніе на существованіе *Хагановъ*, то имъ никогда не существовать было, ибо не избѣгнуть было сосѣдства съ другими Славянами. Болгаре, прежде нежели перешли въ Валахію, Венгрію и за Дунай, жили въ южной Россіи, а потомъ, древнѣе, и въ восточной, и на Волгѣ, т. е. въ сосѣдствѣ или даже въ смѣси съ Россійскими Славянами. Почему же это обстоятельство, еще до появленія Болгаръ на Дунаѣ, не воспрепятствовало употребленію слова *Хаганъ*? Или, скажу больше, почему Болгаре уже на Волгѣ, а не за Дунаемъ, не превратились въ Славянъ?

3-е) «*Въ древнѣйшихъ Византійскихъ извѣстіяхъ.*» Объяснимъ сіе въ обоихъ смыслахъ, буквальномъ и логическомъ. а) Древнѣйшія извѣстія о Болгарахъ начинаются съ половины VII столѣтія, т. е. съ тѣхъ поръ, когда имя *Болгаръ* стало входить въ общее употребленіе. Посему, если дѣло идетъ буквально о Болгарахъ, то Византіицы ихъ Королей отнюдь не называли *Хаганами*; сіе имя они прилагали въ началѣ VII, въ ис-

ходъ VI столѣтій, Аварскимъ Повелителямъ, а тамъ немножко далѣе Кутригурамъ, а тамъ опять *Гуннамъ*. б) Но, если *Гунновъ*, *Кутригуровъ*, *Аваровъ* принимать за народъ, тождественный съ Болгарами, какъ уже это дѣлалъ и самъ Енгель, то сіи имена, какъ исчезающія, нельзя иначе принять, какъ за произвольныя и введенныя одними только писателями; по сему, и бывшее у нихъ слово *Хаванъ*, какъ тоже исчезающее, должно признать за произвольное, завсѣдшее отъ однихъ писателей, и собственно не принадлежащее народу. И такъ, *существованіе сего* имени неизвѣстнаго происхожденія, никакъ не можетъ давать понятія о народности или племенности, т. е. о Татаризмѣ народа.

Но, если по нарицательнымъ названіямъ Государей позволительно заключать о племенности или происхожденіи народа, то въ этомъ случаѣ надлежитъ знать, такъ ли именно Болгаре называли своихъ Государей, т. е. *Хаванамъ* ли или *Ханамъ*; надлежитъ услышать это слово изъ устъ самаго народа, а не изъ-подъ пера Греческаго. Чтобы *Хаванъ* было настоящее имя, сомнительно; но крайней мѣрѣ знаемъ, что Византийцы пишутъ оное и *Каванъ*, *Кевенъ*. Но, положимъ, что это было дѣйствительно *Ханъ*, передѣлаанный Греками въ *Хаванъ*, и что сіе слово Татарское, то изъ сего также можно заключить о Татаризмѣ Болгаръ, какъ о Латинизмѣ Россіянъ изъ слова *Императоръ*, или о Славянизмѣ Мадяровъ изъ слова *Király* (*Кираль*) Король. Но *Хаванъ*, *Каванъ* принято изыскателями за *Ханъ* по поводу, 1-е, нѣкотораго созвучія, 2-е, по поводу предположенія, что Болгаре были Татары; ergo Хаванъ значитъ Ханъ. Но, Милостивый Государь, вѣдь вы доказываете предпо-

ложене: *Болгаре были Татары*; тоже предположеніе, только въ другихъ словахъ: *Хазаны знаютъ Ханъ*; слѣдовательно — не значить ли это доказывать *idem per idem*, подтверждать положеніе нигъ же самимъ? Это ли значить доказывать?

Гораздо пристойнѣе было бы узнать то имя, которое у Византійцевъ сдѣлалось Каганомъ или Хаганомъ, и поводъ перехода его къ нимъ, если не они сами выдумали оное. Трудно, думаю, добиться сего имени; по крайней мѣрѣ, можно предположить, что оно, по общей Болгарской формулѣ для названій, оканчивалось дѣйствительно на *анъ*, тѣмъ болѣе, что такъ образуемы были и титула или имена чиновъ, какъ на призмѣрѣ: *Bolias Tarkan* (*Болларинъ Турканъ*), титулъ Болгарскаго Царевича, и другія имена Грамматическія. Впрочемъ, Болгаре своихъ Государей именовали *Князьями*, а въ послѣдствіи и *Царями*. Сіе послѣднее слово передѣляли изъ *Цезарь* своимъ скорымъ выговоромъ въ *Царь*. Въ послѣдствіи, оно, съ многими другими, отъ Болгаръ перенято и Россіянами, кромѣ конхъ ни у одного изъ прочихъ Славянскихъ племенъ не было въ употребленіи.

Но слово *Князь*, какъ Славянское, было общимъ у всѣхъ племенъ сего народа. Многіе старались объяснить происхожденіе онаго. Большая часть изыскателей какъ бы съ достовѣрностію утверждали, что оно есть сокращенное *Комлязь*, что означаетъ будто всадника или ратника, имѣвшаго преимущество ѣздить въ походѣ верхомъ. (Смотри: о Древност. Русск. Успенскаго. стр. 225) «Слово *Князь* родилось едвали не отъ *комля*, хотя многіе ученые производятъ его отъ Восточнаго (?) имени *Хазанъ* и Нѣмецкаго *König*», говоритъ Карамзинъ, томъ I стр. 75. Но какое отноше-

ше отъ всадника къ Государю? Сверхъ сего, сомнительно, чтобы сіе слово происходило прямо отъ *коня*. По правилу словопроизводства какого бы то ни было Славянскаго нарѣчія, одни только слѣдующіи могутъ быть образованы: *Конярь, Конякъ, Конювь, Конникъ, Коникъ, Коникекъ, Конявъ*, или, если даже и сократить, будетъ: *Княрь, Княкъ, Княвъ*; и проч.

Хотя впрочемъ *Князь* или *Конязь* не происходятъ непосредственно отъ *коня*, однако *конь* есть очевидно его корень. Но какъ отъ него произвести это имя? — Слѣдующимъ образомъ. а) Слово женское *Княгиня*, производимое отъ мужскаго, супружескаго, не можетъ быть произведено этимологически отъ *Князь*; въ немъ именно видно, что имя, изъ коего оно образовано, кончилось на *ъ*, посему и было: *Княвъ*; отсюда *Княгиня*. Производимое же отъ *Князь* есть *Княжна*. б) Сего именно окончанія на *ъ* требуетъ производство слова *Князь* или *Княжь*. Это окончаніе на *ъ* показываетъ родительный падежь, или прилагательное притяжательное отъ имени, которое должно было кончиться на *ъ*: *сражь* или *сражій* отъ *сравъ*; а *Княжій*, или *Княжь* отъ *Княвъ*. Но какъ *Княжь* склонять было неудобно, и трудно выговаривать: *Княжя, Княжю*, и сбивались на выговоръ болѣе удобный: *Князя, Князю*, то и въ именительномъ *Княжь* замѣнено словомъ *Князь*. Но что *Князь* есть собственно *Княжь*, подтверждаетъ слово *Княжна*, и *Княжь*, и нынѣ еще иногда появляющійся въ газетныхъ объявленіяхъ и проч. И такъ, повторимъ вкратцѣ; родители: *Княвъ* и *Княгиня*; дѣти ихъ: *Княжь* и *Княжна*. Ерго, *Княвъ* могло быть и *Конявъ*, т. е. кому какъ угодно было произносить. Посему, *Князь* дѣйствительно, хотя не непосредственно, могло происходить

отъ *коня*, въ своемъ этимологическомъ отношеніи. Что бы сіе имя означало само собою Государа, нельзя допустить по низкому его происхожденію.

Предлагаю слѣдующее предположеніе *). *Конягъ* или *Княгъ* было имя собственное или прозвище лица, до незапамятныхъ временъ, достигшаго верховной власти, подобно Цесарю, и славившагося могуществомъ во всемъ Славянскомъ мірѣ. По видимому имя его сохранилось въ памяти потомства, какъ и Юлія Цесаря. Впрочемъ, имя *Коняга* самаго прекратилось, но сохранилось въ его сыновьяхъ и прочихъ потомкахъ, которые прослыли *Князьями*, т. е. *Княжьиими*, т. е. *Княжескими* сыновьями, наследниками *Коняга*, т. е. *Коняговскими*, точно какъ и наследники Карла В. *Каролингскими*. *Князь*, отценненное, сдѣлалось въ послѣдствіи нарицательнымъ той власти, которую имѣли верховные правители. И такъ, знаменитый *Конягъ* у Славянъ поминается только въ своихъ потомкахъ, — но самъ онъ существуетъ у Нѣмецкихъ племенъ. Кто не знаетъ слова *König*? Какъ сіе имя отъ Славянъ перешло къ Нѣмцамъ, всякъ догадается, кто вспомнить, что къ симъ же Нѣмцамъ перешелъ и знаменитый Италіанецъ *Caesar*, превратившійся, по Греческому правописанію (*Каісар*), въ *Kaiser*, и къ Славянамъ (*Болгарамъ* и *Россамъ*) подъ сокращеннымъ именемъ *Царь*; — кто вспомнить, что западные Славяне такія же образомъ увѣковѣчили у себя имя Карла Великаго (*Carolus*), называя своихъ Государей его именемъ: *Король*, *Краль*. — До 800 году по Р. Х. Сѣверъ покрытъ былъ тьмою. Впродолженіе этого мрачнаго

*) Другое, удачное и гениальное объясненіе названіи **Князь* и *Воля* см. въ Журн. Телескопъ, N. 13, 1832 г. Изд.

временн, Олверъ очень могъ имѣть своихъ Каравъ,
Цесарей, Аидебаловъ, Александровъ Македонскихъ;
Килъзъ, можетъ быть, принадлежалъ къ ихъ числу
и былъ увѣковѣченъ какъ Цесарь и Карлъ Великій.
(*Довадка.*)

Теперь *ad rem*. Въ словѣ *Килъзъ* окончаніе *ъ*, въ
этимологическомъ отношеніи, есть то же, что и *оуъ*, на
приимѣръ *Мисамловъ*; ergo и *Килъзъ* и *Мисамловъ*,
отцеименныя. Я забылъ выше замѣтить, что у Бол-
гаръ окончаніе *анъ* служило и въ значеніи отцеимен-
ныхъ: на приимѣръ отецъ *Мило*, сынъ *Милосанъ*,
отецъ *Бранко*, сынъ *Бранкованъ* и проч. Можетъ
статься, что они кромѣ *Килъзъ* употребляли надравле
и *Килванъ* или *Клванъ*. Карпато-Россы въ Мармарош-
скомъ Графствѣ, у коихъ слово Князь вышло изъ
употребленія, Княгиню однако удержали, но называ-
ютъ ее только *Клвиней* и *Кевиней*, что у Грековъ
могло быть *Хаванъ*, *Каванъ*. По крайней мѣрѣ не ви-
жу ничего, чтобы могло противорѣчить сему предпо-
ложенію. Если же слова *Килванъ*, вмѣсто *Килъзъ*, у Бол-
гаръ не было, то Византійцы своего *Хавана* передѣляли
изъ какого либо собственнаго имени, тѣмъ болѣе, что
анъ было господствующее окончаніе народныхъ Бол-
гарскихъ именъ. Еще и теперь можно найти имена,
Хавану созвучныя: *Кожанъ* у Карпато-Россовъ *Ко-
жановичъ*, у Поляковъ *Кожановскій*, у Сербовъ *Ко-
канъ* или *Кожановичъ*. Въ росписи Болгарскихъ именъ,
у Стриттера, нахожу двухъ Вельможъ *Кавканосъ*,
одинъ Дометіянъ *Кавканъ* (*Δομετιανος ὁ Καυκανος*)
около 1015 года, а другой *Кавканъ* былъ Воеводой
войска у Короля *Дълана* или *Тълана* (*Deleanus*),
1040. Исторія мало сохранила намъ древнихъ Бол-
гарскихъ именъ. Въроатно одно изъ нихъ, принад-

лежавшее какому либо изъ ихъ Князей, Греки при-
 приняли за нарицательное власти, — былъ ли то *Као-
 канъ*, или *Коканъ*, или *Кованъ*, или другой похожій
 на это, все равно. Довольно закънуть еще то, что и
 самое маловажное обстоятельство могло быть къ сему
 поводомъ. Кто бы подумалъ, что въ Германіи Импе-
 ратора будутъ называть Каизеромъ потому, что одна
 Римлянка (мать *Юлія*, прозваннаго *Caesar*, а *caedo*
скажу, рѣжу, какъ бы—*Выстъенцею*) не могла родить
 безъ хирургической операціи! Впрочемъ Византійцы
 до тѣхъ поръ только называли ихъ Каганами, по-
 ка не узнали настоящаго названія какъ народа, такъ
 и Государя, коего въ послѣдствіи переводили *Архон-
 томъ*. Что Византійцы дѣйствительно могли принять
 собственное имя какого либо Болгарскаго Воеводы или
 Князя въ значеніи Государя, тому доказательствомъ
 могутъ служить приведенные уже мною примѣры.
 Замѣтнѣе еще, что Турки долго называли Серб-
 скихъ Князей *Волковичами*, потому только, что
 знакомство ихъ съ Сербами началось во время кня-
 женія *Волковица*; такъ *Черновичъ* значило Князя Кат-
 тарскаго и Далматскаго, *Карловичъ* Дурацскаго. Какъ
 бы то ни было, но слова *Chaganus*, *Kaganus*, *Kegenes*,
 ни въ какомъ отношеніи нельзя приводить въ дока-
 зательство Татаризма Болгарь.

Г) «Обычаи ихъ Государей: *дѣлать жертвопри-
 ношенія животными, омыять ноги въ моръ, со-
 держать многихъ наложницъ, быть принимаему
 войсками своими при радостныхъ восклицаніяхъ* ¹,
 суть Татаро-восточные.»

¹ Vid. Stritter. II. p. 554.

Сие доказательство такъ маловажно, что даже не стоитъ вниманія. Будто бы подобныхъ нравовъ и обыкновений не было у Славянскихъ племенъ! Кто не знаетъ, что Балтійскіе Славяне приносили на жертву своему *Тригласу*, *Радостю*, или *Водану* не только животныхъ, но даже и людей? Или, кто не знаетъ, что Россіяне, по выходѣ изъ Днѣпра въ Черное море на одномъ изъ острововъ онаго, имѣли обыкновеніе приносить жертву изъ животныхъ богу, по видному, моря или погоды? Кто не знаетъ, что Владимиръ Великій, до своего обращенія, имѣлъ множество наложницъ? Сверхъ сего, если выикнете въ Исторію и прочіихъ Славянскихъ странъ, найдете довольно примѣровъ, что Князья содержали отличные гаремы. Впрочемъ, о многоженствѣ Татаръ можемъ говорить, кажется, только со времени ихъ Магометанства, который далъ имъ понятіе и позволеніе учредить гаремы. До сей эпохи мы не можемъ знать ничего объ образѣ жизни Татаръ касательно сего обычая; по крайней мѣрѣ, нельзя полагать, чтобы, при кочевой жизни, они таскали съ собою многихъ женъ. Войска привѣтствовали своихъ Государей крикомъ и стукомъ оружія и въ Европейскихъ странахъ, etc.

Д) «Имя *Бесерменовъ*, въ Русской Лѣтописи предлагаемое Болгарамъ, у Турокъ означаетъ ихъ народное названіе.»

Чтобы понять смыслъ Русской Лѣтописи, замѣчу слѣдующее. Слово *Болгаре* было собственнымъ именемъ Болгаръ Задунайскихъ, т. е. сей народъ самъ себя такъ называлъ и по сію пору называетъ. Эти настоящіе Болгаре уже съ V столѣтія проживаютъ на Дунаѣ. Русскій Лѣтописецъ мало говорилъ о сихъ Болгарахъ, да и то сокращенно изъ Византійцевъ

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ Волгарь называетъ *Бесер-
ленами* (бусурманами), говорятъ, притомъ нѣсколь-
ко подробнѣе, о Болгарахъ Волжскихъ. Они принад-
лежатъ къ XI и XII столѣтіямъ, и никакого отноше-
нія не имѣютъ къ Болгарамъ Задунайскимъ. Волж-
скіе Болгаре были дѣйствительно Татаре, а вѣрою
Магометане (XI, XII, XIII столѣт. и проч.), какъ
и прочіе ихъ единоплеменники. Народное ихъ назва-
ніе неизвѣстно; по крайней мѣрѣ, навѣрно было Та-
тарское, которое, можетъ быть, существуетъ и до
сихъ поръ. Болгарами же себя они не называли, ибо
не были самъ народомъ, а однимъ вѣтъ Татарскихъ
племенъ; но Болгарами ихъ называли только Россіа-
не, или лучше, Русскій летописецъ, потому - что они
заняли, послѣ выхода настоящихъ Болгаръ за Ду-
най, сію древнюю Болгарію, или еще лучше; пото-
му - что населяли древній знаменитый на Волгѣ го-
родъ *Болгары*.

И такъ, *Болгаре* на Дунаѣ означаютъ настоящій
народъ, *Болгаре* на Волгѣ—только горожанъ, како-
го бы они рода ни были. Въ томъ точно смыслѣ впо-
странцы до недавнихъ временъ Россіанъ называли
Московитянами (Римъ — *Римляне*, *Ассиряне* и
проч.); въ томъ же значеніи Волжскихъ Болгаръ на-
зываютъ и Арабскіе писатели; но когда упоминаютъ
о Дунайскихъ, тогда разумѣется уже о настоящемъ
народѣ. Что Волжскіе Татаре, обитатели города Бол-
гаръ, никогда не назывались *Болгарями*, неоспоримое
доказательство въ томъ, что нынѣ сего имени нѣтъ ни-
малѣйшаго слѣда между Татаро-Турецкими племена-
ми. Между тѣмъ извѣстно, что собственное народное
имя, такъ сказать, впечатлѣнное въ существо самаго
народа, исчезнуть не можетъ, развѣ вмѣстѣ съ на-

родомъ. Мы надѣмся, что оно сохранилось и донынѣ въ одномъ изъ Славянскихъ племенъ, коему только и принадлежало. Посему, говоря о Волгарахъ Волжскихъ XI и послѣдующихъ столѣтій, говорится о Татарахъ. Было ли *Бесерменны* ихъ собственное названіе, какъ Несторъ ихъ будто называетъ, неизвѣстно. Если Турки (родомъ Татары) дѣйствительно называютъ себя, какъ Енгель утверждаетъ, *Бесерменами*, то можно предположить, что это было народное названіе Татаръ города *Болгарь*.

Карпато-Росси (т. е. Русины) еще и теперь называютъ *бусурмаками* иноплемениковъ и вообще всѣхъ иноверцевъ. Въ томъ значеніи употребляется сіе слово Русскими и въ Галлиціи и въ Россіи; равно и природными Венграми (Малярами): *Eszékertény*, *Besermény*. Мнѣ кажется, что и въ Лѣтописи сіе слово употреблено въ томъ же смыслѣ. Не знаю, принадлежитъ ли оно Нестору или егъ комментатору XIV или XV столѣтія, многое отъ себя вставившему. Въ заключеніе напомню только, чтобы изыскатели, при открытіи извѣстій объ имени *Болгарь*, обращали строгое вниманіе, о *какихъ Болгарахъ именно говорится*, и опредѣлительно различали значеніе сего имени, по приведеннымъ уже мною понятіямъ.

Итакъ, можно ли заключать съ народа, жившаго въ Волжской странѣ въ XII, XIII и проч. столѣтіяхъ, не называвшаго себя Болгарами, о происхожденіи того народа, который уже съ 400 году оставилъ сію страну, или лучше сказать, распространилъ свое владычество далеко къ Югу? Или, можно ли сказать, что сіи были Татарами потому, что въ послѣдствіи ихъ жилища заняты были Татарами, слышшими у Русскихъ Болгарами по имени города Болгаръ?

Разсмотрѣвъ и разобравъ вкратцѣ многія доказательства Татаризма древнихъ Болгаръ, надлежитъ возвратитъ исторіи истинное положеніе, что *древніе*

Болгаре были не Татарское или Турецкое, но настоящее Славянское племл. Разобранныя мною доказательства могли служить только возраженіями противъ сего положенія, а не доказательствами исторической истины; но мы уже видѣли, сколь онѣ слабы и маловажны.

Тенерь обратимся къ тѣмъ доводамъ, на которыхъ Енгель основываетъ второй догматъ своего ученія, т. е. *превращеніе Болгарь-Татаръ въ Болгарь-Славянъ.*

Второе. «Если кто привыкъ заключать» такъ начинается Г. Енгель свою Болгарскую Исторію (Allg. Weltbist. 49. Th. pag. 293.) «изъ того, до чего одинъ народъ доведенъ дѣйствіемъ времени, событій, войны, истребленіемъ кореннаго племени, климата, сѣвѣніемъ съ другими, дѣйствіемъ торговли, литературы, религій, подражаніемъ сосѣдамъ, и вліаніемъ другихъ обстоятельствъ послѣдующихъ временъ, о томъ, чѣмъ онъ былъ въ древнія времена, — тотъ древнихъ Болгаръ назоветъ Славянскимъ народомъ.»

«*Сербы можетъ понимать Болгарина, говорить Франць, и такъ они одново, т. е. Славянскаго происхожденія.* Галеотъ Марцій (Galeottus Martius), въ своихъ драгоценныхъ Запискахъ объ изреченіяхъ и дѣянїяхъ *Матепя Корвина, Короля Венгерскаго, говоритъ именно (cap. 28. pag. 267): Матепій весьма хорошо понимаетъ Болгарскій языкъ, на которомъ Турки писали* (тогда, т. е. около 1458—1490, въ царствованіе сего Короля) *свои дипломы* *)», ибо онъ

*) Т. е. государственные акты, грамоты, дипломатическія сно-

те же языки принадлежат отъ Славянскаго языка, который столь обширенъ, что заключаетъ въ себя различныя нарѣчія или діалекты. Но сей-то привилъ Митовъ весьма удобно разговаривалъ съ Чехами, Поляками, Россіанами (обитающими въ Венгріи, изъ коихъ нѣтъ при себѣ орядъ въ родѣ гвардіи), Далматами; Болгарами и Сербами. Сие же самое сродство Славянскихъ нарѣчій съ Болгарскими подтверждаетъ и Бонфинъ, Венг. писатель, современникъ Матвѣя Корвина.»

«Однако приведенными выше доводами мы доказали» заключаетъ Г. Енгель «что Болгаре въ старину были Татарами, суть даже одного происхожденія съ Турками.

Нѣтъ. Мы видѣли, по приведеннымъ съ нашей стороны доводамъ, что Г. Енгель отнюдь не доказалъ своего положенія, и что, посему, Болгаре, не будучи Татарами, а Славянами, должны были обойтись безъ превращенія въ то, чѣмъ они были сами собою. Слѣдственно, нѣкоторымъ образомъ показалось бы найшимъ опровергать подробно сей второй догматъ Тунманно-Енгелевскаго ученія. Однако, слѣдующія причины побудили меня продолжать мой разборъ. 1-е, Енгель неотступно настаиваетъ на превращеніе Болгаръ. Es muss also ein Haupt-thema der Bulgarischen Geschichte seyn, der *Slavenisirung* oder *Slawischwerdung* der Bulgarischen Nation nachzuspüren (См. Gesch. der Bulg. pag. 292.), т. е. «Итакъ, главное», говоритъ онъ, «положеніе Болгарской Исторіи есть опредѣленіе *ославленія* (превращенія) Болгарскаго народа.» Сіе повторяетъ онъ и во многихъ другихъ мѣстахъ своей Болгарской Исторіи, будто показывающихъ совершающееся превращеніе; 2-е, сверхъ сихъ мѣстъ, дѣйствительно неоспо-

шенія съ Королями Венгерскими, Господарями Трансильваніи, Молдавіи, Валахін, Сербіи и пр.

исходить, Енгель уже въ первомъ періодѣ своего вступле-
 нія дѣйствующія причины *срѣлки*, *событій*, *войн* и проч.
 выставляется за доказательства. Тѣ и другія служатъ основною
 вообще принятаго догмата, мимо опровергаемаго. 3-е, система
 подобнаго превращенія Нѣмецкими учеными введена не толь-
 ко въ Исторію Болгаръ, но и другихъ Европейскихъ народовъ,
 на примѣръ Россіанъ и Французовъ. И тѣ и другіе, говорятъ
 сіи ученые, вереродились въ себя изъ Нѣмцевъ. Посему, по-
 дробный разборъ превращенія вообще, и его теоріи, можетъ
 быть полезенъ, даже необходимъ не только для Исторіи прои-
 схождения Болгаръ, но и Россіанъ, Французовъ, и вообще для
 объясненія Европейской Исторіи первыхъ восьми вѣковъ. Въ
 чемъ убѣдимся ниже. 4-е, я предполагаю, что Русскіе чи-
 татели по любознательности прочтуть нѣчто о тѣхъ странныхъ
 понятіяхъ, на которыхъ заграничные Историки, преимущест-
 венно Нѣмцы, основывали свои изслѣдованія, и которыми, къ
 несчастью, обманулся и Карамзинъ.

Сперва замѣтить надобно, что въ первомъ періодѣ
 сего вступленія Енгель, соединилъ довольно невня-
 тнымъ образомъ два, себѣ противорѣчащія, понятія:
 а) что *древніе Болгаре были Славяне*, ибо такъ онъ
 заставляетъ заключать своихъ противниковъ; б) что
древніе Болгаре были Татаре, какъ онъ самъ ду-
 маеть, что показываютъ исчисленныя имъ будто при-
 чины превращенія. Это дѣлаетъ весь періодъ его не-
 яснымъ. Конечно надлежало Историкю, для большей
 ясности, высказать оба понятія отдѣльно. Смыслъ
 Енгелевыхъ словъ есть: заключаютъ, что древніе Бол-
 гаре были Славяне; но мы, зная, что они были Тата-
 ре, утверждаемъ, что они только превратились въ Сла-
 вянъ дѣйствіемъ времени, событій, войны, и проч.

Оспориваемое Г. Енгелемъ заключеніе не прои-
 ходитъ, какъ онъ утверждаетъ, отъ привычки заклю-
 чать, но предписывается здравымъ разумомъ и есте-

способности. Самъ Историкъ заключаетъ о своей сѣ-
братіи вѣрно слѣдующимъ образомъ: если нынѣшніе
Дачеры суть Нѣмцы, то и древніе были Нѣмцами
же: если нынѣшніе Греки — Греки, то и древніе бы-
ли тѣмъ же народомъ. По этому же самому праву и
Ранъ, или кто имъ былъ, Павелъ ли, Петръ ли, дол-
женъ былъ признать древнихъ Болгаръ за Славянъ,
т. е. племя Славянское. Сіе-то положеніе надлежало
Енгелю прежде опровергнуть, чтобы дать послѣ мѣ-
сто своимъ доказательствамъ превращенія. Но онъ рѣ-
шился забвнуть борьбы съ нимъ, прилепвъ къ не-
му свои будто превращающія причины и выставивъ
его же противъ своихъ противниковъ! Какая увертка!

Болгаре уже съ половины IX столѣтія, то есть,
со времени ихъ крещенія (около 863—867 г.), слыли
племенимъ Славянскимъ. Съ тѣхъ поръ уже нельзя
въ нихъ найти никакихъ слѣдовъ Татаризма; въ этомъ
признался бы и самъ Тунманъ и самъ Енгель. Св.
Писаніе и Литургія по сему случаю переведены для
нихъ на извѣстномъ нарѣчій Славянскаго языка. Если
же Болгаре хотя и частью были тогда еще Татара-
ми, то безъ сомнѣнія послѣдовалъ бы переводъ и на
ихъ языкъ; но о Татарскомъ переводѣ Св. Писанія
для Болгаръ отъ роду ничего не слышали ни Греки,
ни кто-либо другой изъ ихъ сосѣдей. Слѣдовательно,
превращеніе ихъ должно было произойти до ихъ кре-
щенія, т. е. до 863 года. Начаться же должно бы-
ло оно только съ того времени, съ коего Болгаре,
по смыслу Историка, переименовались съ Славянами.
Сіе сѣмненіе съ Славянами, по Енгелю, началось въ
880 году, именно когда *Аспарухъ*, Государь Болгар-
скій, переправился чрезъ Дунай въ Болгарію, и под-
чинилъ себѣ какихъ-то тамошнихъ Славянъ. См. allg.

Welthist. 49. Th. pag. 318. Итакъ, вся эпоха превращенія Татаръ въ Славянъ съ 680 по 863 годъ, состоитъ изъ 183 лѣтъ. Впродолженіе сего-то времени превращающія причины Г. Енгеля должны были довершить волшебное дѣйствіе *Metamorphoseos* Татаръ въ Славянъ! Вотъ онъ по порядку:

а) «*Дѣйствіе времени.*» Точно, на весь физическій и нравственный міръ дѣйствуетъ время, или, лучше сказать, дѣйствуютъ событія или явленія, конхъ весь рядъ именуемъ временемъ. Но сила его не простирается столь далеко, чтобы могла производить такіа перерожденія. Сколькимъ превратностямъ, коликому числу дѣйствующихъ причинъ подверженъ былъ Греческій народъ впродолженіе слишкомъ 2,000 лѣтъ! Сколько смести долженъ былъ онъ внутреннихъ переворотовъ, сколько чуждыхъ владычествъ, сколько смѣшеній, съ Персами, Македонянами, Римлянами, Латинцами, Франками, Венеціанами, Славянами и, наконецъ, впродолженіе 400 лѣтъ, съ Турками, — и все тотъ же Греческій народъ! Чтò же могло произвести въ немъ толикое пространство времени, толикій рядъ дѣйствующихъ причинъ? Только измѣненіе въ языкъ, которое дѣлается тогда только ощутительнымъ, когда возмешь оба конца 2,000-наго пространства, и сравнишь оныя, т. е. сравнишь языкъ *Гомера* или *Демосвена* съ языкомъ нынѣшнихъ Грековъ. Однако, все языкъ одинъ и тотъ же (я говорю объ языкъ, ибо подъ превращеніемъ его и можно только представлять превращеніе Татаръ въ Славянъ).

Какая же разница между дѣйствіемъ 2,000-наго и 183 лѣтнаго времени? Какая разница между сими понятіями? Древній Греческій языкъ измѣнился въ нынѣшній впродолженіе 2,000 лѣтъ, а Татарскій (си-

sum tepeatis amici), не скажу, изменился, но совершенно превратился въ Славянской продолженіе 163 лѣтъ! Греческій языкъ не превратился въ другой, будучи почти непрерывно подъ игомъ, скланиваясь съ иноплемениками, а Татарскій превратился въ совершенно другой, будучи господствующимъ! — Eheu! praeclearum veritatis documentum — absurdum! Къ счастью, сказанное на счетъ Грековъ годится и на счетъ всякаго другаго народа. Въ семъ отношеніи, если признать дѣйствіе времени и къ Болгарамъ, то не иное что выйдти можетъ, какъ только какое-либо измѣненіе въ Болгарскомъ нарѣчій Славянскаго языка, аналогически съ Греческимъ.

Опровергнувъ вообще такое дѣйствіе времени, мы приступимъ теперь, хотя это уже и лишнее, къ опроверженію порока въсѣхъ причинъ, которыя Егдаль исчислялъ.

б) «Событія, война.» (1)

в) «Истребленіе кореннаго племени.» — Что это значитъ? Истреблены ли иныя Татары — Болгары, всегда господствуя? Кѣмъ же истреблены? Какъ можно согласить два понятія: истреблены и превратились въ другой народъ? Но положимъ, что сочинитель подъ истребленіемъ подразумѣвалъ перерожденіе, превращеніе въ Славянъ. Если такъ, то какъ могъ онъ сіе положеніе, которое надобно было именно доказывать, выставлять за доказательство, предлагать произведеніе (effectus) вмѣсто причины (causa)? Не значить ли это говорить слѣдующимъ образомъ: Болгары превратились въ Славянъ, ибо Болгары превратились въ Славянъ? Какая логика!

г) «Климатъ». Вотъ новость! Татары превратились въ Славянъ въ продолженіе 163 лѣтъ, потому что переселились въ страну, болѣе теплую! Искренно по-

жалеть можно, что многие изъ единомыслинники, Турки, вышедшіе изъ Татаріи въ претензую Грецію, выродженіе болѣе 600 лѣтъ, не оправдали сего сочизна Нѣмецкаго ученаго превращеніемъ себя въ что-либо, положитъ, въ Граквъ!

е) «Смѣшеніе съ друзьями.» Здѣсь-то, здѣсь-то и заключается историческая мистификація многихъ изыскателей! Здѣсь-то и всѣ предѣлы теоріи Превращенія — въ смѣшеніи съ друзьями! Какъ легко обработать, что два, три народа перетасовались между собою, и, о диво! исчезли изъ сей кутерьмы, а осталась одна, нерѣдко совершенно новая! Такъ, на прикѣрѣ, говорятъ, Татаре смѣшались съ Славянами, — и родились Болгаре. Шведы смѣшались съ Славянами, — и родились Россіане! *Тамсонъ* говоритъ за достоверное, что даже изъ смѣшенія Славянъ, Чухонцевъ, Готовъ, произошелъ совершенно новый народъ и языкъ, Латышскій. Онъ даже сдѣлалъ химическое разложеніе сего слѣтка, и (см. III N Матеріаловъ для Исторіи просвѣщенія въ Россіи) представилъ количественную таблицу составныхъ началъ онаго, и проч. Но скоро ли перестанутъ фкусничать? Слава Богу уже слишкомъ 1,000 лѣтъ тому назадъ, какъ водворилась въ Европу здравая Исторія; 1,000 лѣтъ прошло, выродженіе кончъ между Европейскими народами, не смотря на ихъ смѣшенія между собою, не было подобнаго превращенія, какія мерещутся писателямъ въ темныхъ столбцахъ Европейской Исторіи.

Но, если сіе зависѣло отъ смѣшенія, то почему подобные Татаре - Турки, завоевавшіе Болгарію около 1380 года, и пребывающіе въ оной дондѣсь въ совершенной сѣснѣ съ Славянами, выродженіе гольнаго времени не превратились въ Славянъ? Слѣ-

жу больше. Почему *Венгры*, народъ дѣйствительно Татарскаго происхожденія, самъ собою не многочисленный, живя въ Венгрии уже слишкомъ 900 лѣтъ въ совершенной связи съ Славянами, и подвергаясь всѣмъ почти дѣйствующимъ причинамъ, исчисленнымъ Г. Енгелемъ, не только что не превратился въ Славякъ, но напротивъ вродоженіе толкаго времени удержалъ за собою всѣ принадлежности своей народности?

Ж) «*Дѣйствіе торговли, литературы, ремизн.*»
 Ба! ба! Развѣ Латыши и Чухонцы перестали быть Латышами же и Чухонцами оттого, что вродоженіе 500 лѣтъ во всѣхъ ихъ странъ была и литература и взрваніе и торговля иноплеменная, Нѣмецкая? Известные жители Краина и Карніоліи, *Словене*, со временъ Августа Имп. до нынѣшнихъ временъ, вродоженіе 1800 лѣтъ, не смотря на всѣ старанія Римскаго, Италианскаго и Нѣмецкаго правительствъ, не смотря на всѣ тѣ обстоятельства, которыя представлять можетъ иго иноплеменниковъ (чужой языкъ, чужая вѣра, чужое Богослуженіе, чужая литература, чужая торговля), по сію пору остались Славянами. Ни одна изъ Римскихъ колоній въ Дакии, Галліи и Испаніи, не только что не лишилась своей народности, но еще и распространилась. Въ XIII столѣтіи выведенная въ Трансильванію Саксонская небольшая колонія, вопреки всѣмъ условіямъ теоріи превращенія, не истребилась и по сію пору, но нынѣ еще раздѣлилась на значительные округа.

Вообще, *языкъ и народность* можетъ сохраниться, и дѣйствительно сохраняется, не только въ небольшихъ колоніяхъ, но и въ отдѣльныхъ семействахъ, совершенно обруженныхъ иноплеменниками, если толь-

ко сіи семейства не стануть съ ними смѣшиваться кровною связію. *Языкѣ* и *народность* сихъ семействъ, при упомянутомъ условіи, сохраняется не только въ продолженіе 163-хъ, но и 263 и 363 лѣтъ. Живыми доказательствами этому послужать Армянскія семейства, проживающія съ давнихъ временъ въ Россіи, Польшѣ, Венгріи. Наиболѣе же въ сей послѣдней и Трансильваніи можно отыскать семейства, которыя, по городскимъ свидѣтельствамъ, проживая въ томъ или въ другомъ городѣ по 300 лѣтъ, не позабыли и понынѣ Армянскаго своего языка.

Слѣдовательно, и подумать не позволительно было о превращеніи Болгарь. Ибо, повторяю: 1-е) Смежные ихъ сосѣди, Византіицы, отъ роду о семъ ничего не знали; выдуманное же упомянутыми учеными превращеніе, вопреки здравому разуму и всѣмъ Византіицамъ, вводитъ въ Исторію галиматію. 2-е) Многочисленный Болгарскій народъ долженъ былъ своею массою заглушить поселенное будто у Балканскихъ горъ въ царствованіе Иракліа какое-то Славянское племя; и если бы оны были Татарскаго происхожденія, то побѣжденные Славяне должны бы были напротивъ отатариться. 3-е) Болгаре не могли смѣшаться на всѣхъ мѣстахъ занимаемаго ими пространства съ предполагаемыми Славянами. Если же отъ смѣшенія должно было произойти превращеніе, то несмѣшанныя области Болгарь должны были остаться въ мнимомъ ихъ Татаризмѣ и до нынѣшняго времени, чего однако никогда не бывало. Еще болѣе: самъ Г. Енгель, въ своей Исторіи Болгаринъ, стр. 317, говоритъ, что завоевавшіе Мизию Болгаре пересѣлили *Северяны* (Severier) изъ ея вѣрствостей Варды, въ коихъ сами какъ превалили отататься, дагѣе къ Югу; а *прогія Славянскія племена* про-

гнали къ Юго-востоку, въ границы Аваріи. И такъ, по словамъ самаго Историка, свѣщенія отъ Славянами не было даже и въ самой Болгаріи.—Какъ же могло произойти превращеніе? О диво! 4-ое) Мы увидимъ ниже, что въ Болгаріи или во Фракіи до ирришествія Болгаръ отнюдь не было никакихъ Славянъ, какъ полагали Тунманнъ, Енгель и прочіе; въ качествѣ Славянъ, въ сію страну вошли одни только *Болгаре*. Какъ и во чтѣ должны были они превращаться?

Для предотвращенія недоумѣнія читателей между мною и моими противниками, замѣчу слѣдующее. Имя *Словене* (*Словенцы*, *Словами*, одно и то же, какъ и Россіане, Русскіе, Русаки) принадлежало всегда исключительно одному Славянскому племени, а именно, какъ я уже и выше замѣтилъ, Паннонцамъ и Италя-Украинцамъ; прочія же имъ никогда не назывались. Иноплеменники произносили сіе имя на своемъ языкѣ *Zsłavoſi*, *Slavi*, *Slavini*. Довольно страннымъ образомъ они распространили оное, въ своемъ воображеніи, и на прочія сродныя съ Словенами племена, такъ-что имя Словене, собственно видовое, стало дѣлаться и родовымъ. Въ Европѣ и по сію пору пишутъ сіе названіе только по Латинскому правописанію: *de Slaven*, *les Slavons* или *Slaves*; но никогда не означаютъ, о чемъ говорятъ, о видѣ ли, или о цѣломъ родѣ. Сія неопредѣленность понятія причиняла вообще въ Европейской Исторіи чрезвычайную путаницу. Употребленіе видового имени вмѣсто родового подало многымъ поводъ думать, будто назрѣла дѣйствительно всѣ виды сего обширнаго рода назывались симъ именемъ, чтѣ, однако, несправедливо. Сія-то ошибка породила и многія другія, между прочимъ покровительствовала понятію о Татаризмѣ Болгаръ, о Скандинавизмѣ Россіянъ и проч.

Однако Русскія глгописи не подражали Трекамъ и Ринлянамъ, а писали сіе имя, какъ налѣжить, *Словене*, чего до появили всѣ наши толкователи. Съ нѣкотораго однако времени

и въ Россіи нѣмцы писатели, между прочими и Карамзинъ, волеи *Славяны* въ Русскій языкъ, такъ однако, что и по сію пору нѣмцы пишутъ *Словены*, а другіе *Славяны*, но и тѣ и другіе въ одномъ значеніи, т. е. сами не знаютъ, подобно иностранцамъ, въ языкѣ.

Но пора говорить вѣстиѣе. Прошу имя *Словены* возвратити племеню, коему оно принадлежитъ исключительно, употребити его въ видовомъ значеніи; но такъ какъ обидѣо имени всѣхъ племенъ никто не знаетъ, то, вмѣсто онаго, можно допустить введенное уже: *Славяны*. Въ такихъ значеніяхъ впредъ я и буду употреблять сіи названія.

И такъ, говоря, что въ Мизіи до пришествія Болгаръ не было Славянъ, я хотѣлъ сказать ни Сербовъ, ни Кроатовъ, тѣмъ менѣе Словенъ, т. е. никакого другаго Славянскаго вида или племеню, кромѣ Болгаръ; *Спермы* же въ окрестностяхъ Варны, и другіе въ тѣхъ мѣстахъ¹ предполагаемые Славяны были настоящіе Болгары же, туда переселившіеся еще до времени Аспаруха, какъ увидимъ ниже.

И такъ, разобравъ подробно и доказательства Татарскаго Болгаръ и понятія объ ихъ превращеніи, повторю мое положеніе, какъ аксіому или истину, что *Болгары были Славянскими племенами не только въ IX вѣкѣ, но и въ VIII, VII, VI, V, IV, III, II, I и такъ далѣе до самой отдаленной древности.* Въ заключеніе, замѣтити нужно, что объ сіи спорныя статьи: *доказательства Татаризма, и доказательства превращенія Болгаръ,* зависятъ взаимно одна отъ другой. Если Болгары, какъ доказано, не были Татарами, то имъ и не нужно было превращаться въ Славянъ; и на оборотъ: если Болгары не могли превратиться въ Татарами, то стало бытъ и первоначально были Славянами.

III.

О ДРЕВНИХЪ ЖИЛИЩАХЪ БОЛГАРЬ.

По всѣмъ лѣтописямъ видно, что Болгаре появились на Югѣ съ сѣверныхъ береговъ Азовскаго моря, то есть, изъ страны Волжской, или иначе, изъ древней Болгаріи. То же самое утверждаетъ Несторъ, выводя ихъ изъ Козарин, какъ мы видѣли выше (стр. 26). Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Это подтверждаетъ еще слѣдующее сужденіе. Болгаре, составляя часть Славянскаго міра, должны были жить въ соприкосновеніи съ онымъ, а именно въ сосѣдствѣ съ Славяно-Россами; посему, они находились въ сосѣдственной съ Русью странѣ Волжской. Напротивъ, нельзя допустить, чтобы они жили гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ безъ всякаго соприкосновенія съ Славянами. Хотя впрочемъ не слишкомъ благоразумно было бы коптѣть надъ происхожденіемъ имени какаго-либо народа, однако начало Болгарскаго имени столь очевидно, что нельзя не упомянуть объ ономъ.

Имя *Болгарь* произошло отъ знаменитѣйшаго въ ихъ жилищахъ предмета, рѣки *Волги*. Это положеніе не заключаетъ въ себѣ никакого противорѣчія и, напротивъ, подтверждается многими подобными примѣрами изъ прочаго Славянскаго міра. Кто не знаетъ, что Германскіе Украинцы назывались *Полабамъ*, потому-что жили на обѣихъ сторонахъ рѣки *Лавы* (нынѣ *Эльбы*)? Такъ, знаменитые *Ободрицы*—отъ рѣки *Одры* (*Одѣра*). Кто не знаетъ, что Моравяне и вся Моравія получила названіе отъ рѣки своей *Моравы*? Большая часть Славянскихъ племенъ въ обширной Германіи называлась по именамъ рѣкъ, или обитаемыхъ. Подобные примѣры есть и въ Россіи: *Сум-*

ны, *Влѣтѣмъ*. Кто не знаетъ, что часть Воложскаго народа прослыла *Молдосанами*, и страна ихъ, впоследствии распространившаяся, *Молдавіею*, по имени рѣчки *Молдосы*, вытекающей изъ Карпатскихъ горъ къ Востоку? Очевидно, что и знаменитая Волга должна была получить подобную же почесть.... Славяне въ странахъ, сѣю орошаемыхъ, сдѣлались *Волгарами*. Впрочемъ, какъ *Волгары* превратились въ *Болгары*, нетрудно понять; ибо 1-е, различіе между *в* и *б* небольшое, 2-е, можетъ быть, Волга въ древнія времена называлась *Болгою*, или, можетъ быть, сами Болгары ее такъ называли. Между тѣмъ, замѣтивъ, что не только Византіяны, но и Paulus Diaconus in Gest. Longob. называетъ ихъ *Вулгарами*. Такъ ли или иначе, все равно для сущности дѣла.

Допадка. Впрочемъ, нынѣшніе Болгары называютъ себя *Болгарами*, а не *Волгарами*. Это педагогамъ показалось бы нѣкоторымъ затрудненіемъ. Въ предотвращеніе сего, я добиваюсь стариннаго имени Волги слѣдующимъ образомъ *). Въ Русскихъ фамильныхъ названіяхъ нерѣдко удается открыть старинныя, и вмѣстѣ вышедшія изъ употребленія Русскія имена; такъ, на примѣръ, изъ имени *Корсакова* узнаемъ, что наши предки коренныхъ жителей Курландіи называли *Корсаками*. Окончаніе *акъ* означало жителя или уроженца той или другой страны или мѣста; *Русакъ*, *Поллакъ*, *Литвакъ*, *Сибирякъ*, *Остякъ*, *Трусакъ*, *Тверякъ*, *Землякъ*, *Дильпьякъ*, отъ Русь, Пове, Сибирь и проч.; посему, и *Корсакъ* отъ страны, которую Русскіе некогда называли, какъ извѣстно изъ Нестора, *Корсюю*. Изъ имени же *Булакова* видно, что сюда же относятся и *Булакъ*, произведенное отъ *Була*; чѣмъ явно есть Волга. Итакъ, не называли ли древніе Россіане или, положимъ, сами Болгары сѣю рѣку *Булою* или *Болюю*? По край-

*) См. примѣчаніе стр. 44.

ной мѣрѣ, на это указываетъ, 1-е, уменьшное фамильное названіе, 2-е, то, что и кыпчакскіе Болгаре пишутъ б, а не в.

Кстати. Волгу *Волною* именовали назревые только одни Славяне; Татарскія племена называли ее *Амелемъ*, *Этелемъ*, *Эмидемъ*. Теперь спрашиваемъ: Если древніе Болгаре были Татарами, то какъ могли бы они прозваться *Волгарями* отъ такого имени сей рѣки, коего Татаре не имѣли? Или: зная мѣстопробываніе Болгаръ и происхожденіе этого имени, можемъ и мы подумать, что древніе Болгаре были Татарами?

Итакъ, древнѣйшія жилища Болгаръ видны въ обширной странѣ Приволжской; посему, это первыя ихъ обиталища, о коихъ знаемъ. Изъяснять или догадываться, жили ли они здѣсь всегда, или пришли сюда откуда-либо, было бы безуспѣшно и бесполезно, или лучше сказать, невозможно. Вообще, понятія о жилищахъ Болгаръ зависятъ отъ понятія о географическомъ положеніи всей Славянской массы. Все, что говорено о переселеніи Славянъ вообще изъ Азіи въ Европу и объ эпохѣ онаго, суть однѣ только догадки, не заслуживающія никакого вниманія. Тождество основы Славянскаго языка съ основою прочихъ Европейскихъ, выводимое изъ сравненія съ совсѣмъ другою основою, общею Азійскимъ языкамъ, а наиболѣе близкое сродство Славянскаго съ Латышско-Латинскимъ, явно показываетъ, что главные народы Европы происходятъ изъ общаго источника, равно какъ и народы Татаро-Монгольскаго міра изъ своего другаго *). Посему, если Латыны или Греки или даже Нѣмцы суть древніе обитатели Ев-

2

*) Подробное сравненіе этихъ языковъ, сдѣланное Венелъскимъ, напечатано въ «Ученіяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1846—1847, годъ второй, № IV.» *Изд.*

реши, то ничто совершенно не гнѣваетъ и Славянамъ, по тому же праву, быть старожилами сей же части міра. Но, если захотѣлось бы кому дѣйствительно говорить о пришествіи Славянъ изъ Азии, то говорить объ этомъ можно бы только въ той главѣ, въ которой будетъ намѣкаться о пришествіи оттуда же всѣхъ вообще Европейскихъ народовъ. Это впрочемъ такъ далеко, что никакой взоръ наблюдателя туда не въ состояніи проникнуть. Посему, и Болгаре жили, или должны были жить, въ соприкосновеніи съ Европейскою массою, именно съ своими собратіями, Славянскими племенами, и эти жилища ихъ были на Волгѣ со временъ, незапамятныхъ для Исторіи.



IV.

Опытъ опредѣленія времени выхода Болгаръ изъ Волжской страны къ Дунаю, и рѣшеніе затрудненій, происходящихъ при взглядѣ на сѣй переходъ.

Переходъ сей занимателенъ, потому-что, если и не принадлежитъ къ Исторіи Русскаго народа непосредственно, однако принадлежитъ къ Исторіи Русской страны, чрезъ которую былъ совершенъ. Сверхъ сего, объясненіе некоторыхъ важныхъ историческихъ задачъ, касательно народовъ, появившихся поперекъ и исчезающихъ въ восточной Европѣ, имѣетъ къ Русскимъ племенамъ ближайшее отношеніе.

Выходъ и переходъ Болгаръ съ Волги къ Дунаю весьма тѣсенъ, ибо сосѣдъ неописать современ-

ныи Византійцями. Въ исходѣ только V и началѣ VI вѣк., т. е. около 490—505 годовъ, въ царствованіе Имп. Анастасія, упоминается о Болгарахъ въ первый разъ, а именно тогда уже, когда они, проживая на Дунаѣ, дѣлали первыя нападенія въ Мизію и Фракію. Итакъ, для большей ясности, здѣсь положимъ два понятія: а) бытіе Болгаръ на Волгѣ и б) бытіе ихъ около 490 года на Дунаѣ. Посему, предметомъ нашего вниманія будетъ третье, среднее понятіе, связывающее оба приведенныя, то есть в) бытіе Болгаръ въ дорогѣ съ Волги къ Дунаю, т. е. *ихъ переходъ*.

Византійцы, говоря о *пришествіи* Болгаръ, а по нашему, объ ихъ переходѣ, знаютъ, какъ мы уже видѣли, что они пришли отъ Азовскаго моря, или изъ-за Азовскаго озера, но не сказываютъ, когда именно. Около 495 года, они сдѣлали нападеніе на самую Фракію. Анастасій велѣлъ выстроить знаменитую стѣну для удержанія ихъ. Посему, сей годъ есть время нападенія на Имперію, а не ихъ прихода. Они могли жить долго на Дунаѣ еще до сего нападенія. Впрочемъ, Византійцы отнюдь не могли назначать именнаго года ихъ пришествія; ибо а) они не знали того, б) переселенія одного цѣлаго народа изъ отдаленной страны нельзя было означать однимъ годомъ. Подобное переселеніе могло случиться не иначе, какъ продолженіе многихъ лѣтъ до упомянутаго года, положимъ, съ 400 или 440 года.

Смотря съ сей точки на переходъ Болгаръ, можно бы это дѣло почти такъ оставить, если бы особыя, въ лѣтописяхъ встрѣчающіяся, явленія тому не мѣшали. А именно: сообразно съ извѣстіями разныхъ Византійскихъ лѣтописей, въ сіе же время, тѣмъ же путемъ, изъ той же страны, откуда вышли Болгаре, вышло, гово-

рять, и множество другихъ народовъ: *Массазетамъ*, *Угургурамъ*, *Кутургурамъ* или *Кутригурамъ*, *Саеирамъ*, *Ефталитамъ*, *Акаширамъ* или *Акацирамъ*, *Сарагурамъ*, *Кидаритамъ*, *Урогамъ*, *Асарамъ*, *Гунногурамъ*, и почти всѣ подъ общимъ и страннымъ именемъ *Гунновъ*. Что это значить? Появленіе Гунновъ въ южной Россіи и Молдавіи начинается съ 380 года. Съ 400-го они зашли въ Валахію и, обошедъ Трансильванію, къ рѣкѣ *Тисѣ* въ Венгрію. Въ сихъ мѣстахъ поселились уже въ V столѣтіи. Такимъ образомъ встрѣчаются здѣсь слѣдующія

Затрудненія.

1. Болгаре въ своихъ Волжскихъ жилищахъ составляли преграду между Европой и Азіей. Если они тамъ оставались еще до 420 или 440 года, то откуда могло взяться толикое число народовъ (коихъ приходъ, по смыслу Византійскихъ лѣтописей, выводится съ Волги, съ границъ Азіи) на Дунай уже около 380 или 400 года? Или Болгарамъ не бывать было около 400 года на Волгѣ, или, въ противномъ случаѣ, симъ народамъ на Дунай.

2. Положимъ, что Болгаре туда же направили путь свой, и тамъ же поселились, гдѣ сіи народы; то возможно ли объяснить, какимъ образомъ двѣ области, Молдавія и Валагія и Венгрія, могли въ себѣ помѣстить толикое число народовъ, да сверхъ нихъ и Болгарь?

3. Составляли ли всѣ сіи имена столько же особенныхъ народовъ, и какъ можно объяснить, чтобы столько различныхъ народовъ могли стремиться къ одной цѣли, въ одинъ малый уголокъ Европы?

4. Имя Гунновъ столь громко въ лѣтописныхъ

листкахъ! Какой Историкъ не знаетъ Гунновъ? Что же за народъ были Гунны? Мы знаемъ, какъ и всякъ другой, что они были отличные рубаки, наездники, имѣли хоронихъ лошадей; знаемъ, что дрались тамъ и тамъ, знаемъ даже нѣсколько чертъ ихъ характера народнаго, и нѣсколько обычаевъ... Но не то; я спрашиваю, къ какому племени рода человеческого они принадлежали?

5. Гунны были народъ могущественный, многолюдный; и Греція, и Италия, и Германія, и Франція, и Персія, и Вандальское царство въ Африкѣ испытали его оружіе. Вдругъ сей народъ, вѣсть съ прочими вышеупомянутыми, пропалъ безъ вѣсти съ лица земли, или лучше сказать, изъ Лѣтописей. Можно ли допустить это? Куда онъ дѣвался? То же надобно сказать и о Кутригурахъ, Аварахъ, Козарахъ, видахъ его. Слава Богу, съ 1,000 году, не только ни одинъ посредственный народъ, но даже посредственными колоніи, подвергавшіяся разнымъ переворотамъ, внѣшнимъ и внутреннимъ, не только не исчезли, но даже и умножились, усилились. Чему есть множество примѣровъ. Но какими образомъ изъ всѣхъ тѣхъ племенъ остались, и по сію пору здравствуютъ, одни только Болгаре?

Отъ сево происходять сіи затрудненія? Отвѣчать на упомянутые вопросы положительно нельзя; ибо рѣшеніе ихъ не было бы сообразно съ здравымъ разсудкомъ, а по сему, и съ здоровою Исторіей. Мы рассмотримъ критически, небыло ли какого недоумѣнія между лѣтописцами и нами, толкователями. Вся бѣда происходить очевидно отъ упомянутыхъ именъ народныхъ. «Столь обширное и неопредѣленное значеніе имѣеть у Византіяцевъ имя Гунновъ», говоритъ Стриттеръ, «что, кажется, они сами не знали, кому хотѣли прилагать

ное. Vid. Mesh. Popul. in Summ. Hunnicor. pag. 451. По-сему, нужно разрѣшить именно сіе недоумѣніе между самими Византійскими писателями, коихъ было очень много, съ 380 или 400 года до позднѣйшихъ временъ. Вотъ тѣ, которые упоминали хотя вкратцѣ о нашихъ спорныхъ народахъ: *Прискъ Риторъ*, *Проконій*, (секретарь Велизарія), *Менандръ Протекторъ*, *Аваділ*, *Феофилактъ Симокатта*, *Феофанъ Византійскій*, *Анастасій Библиотскаръ*, *Сосинитель Паскалькой Лѣтописи*, *Константинъ Базилородный*, *Безымянный его Продолжатель*, *Левъ Грамматикъ*, *Никифоръ Патріархъ*, *Феофанъ Исаакій*, *Суда*, *Зонара*, *Симеонъ Логовета*, *Георгій монахъ*, *Георгій Накимиръ*, *Константинъ Манассій*, *Георгій Стикелль*, *Кодинъ* и проч. Изъ сихъ писателей тѣхъ только должно принимать въ свидѣтели о спорныхъ народахъ, которые жили въ ихъ время, то есть до VI, VII столѣтія (эпохи, въ которую имена сіи исчезли); прочихъ же Византійцевъ IX, X или XI столѣтій можно принять только или за переписчиковъ, или повторителей извѣстій о сихъ давнобывшихъ народахъ, изъ прежнихъ современныхъ писателей. (Нѣ сожалѣнію, должно сказать здѣсь, что у меня не было довольно источниковъ, изъ коихъ могъ бы опредѣлить время жизни упомянутыхъ Лѣтописцевъ; буду говорить о нихъ однакожъ по старшинству.)

Вотъ странное раздѣленіе Волжскихъ пришельцовъ у разныхъ писателей, изъ котораго ясно увидѣть можно пелѣности, происшедшія изъ разныхъ именъ одного и тогоже народа у разныхъ писателей.

Въ IV столѣтіи. Гунны, при первомъ приближеніи къ югу, стали быть извѣстными у писателей подъ однимъ именемъ *Гунновъ* (*Ouvvoi*), какъ у *Олимпіодора*,

Евнанил, Теофанъ Визант., Анастасія, и Сократисъ Пассалы. Летописи. См. Мат. Рор. I. pag. 460.

Во V столѣтїи. Когда сїи Гунны поселились въ Молдавіи, Валахіи, Венгріи, сдѣлались болѣе извѣстными, встревожили, подѣ начальствомъ храбраго своего Короля *Аттилы*, большую часть Европы, тяжело налегли на Восточную Имперію, тогда Византїи вступили съ ними въ сношенїя. Въ посольствѣ ихъ при *Аттилѣ*, въ южной Венгріи, находился и *Прискъ Ризморъ*. Онъ познакомился нѣсколько съ сими народами, и оставилъ о немъ любопытныя извѣстія въ своемъ сочиненїи. Народъ сей занималъ жилища весьма обширныя съ Дуная обратно до самаго Дона, или даже Волги; но *Прискъ*, не имѣя о немъ достаточныхъ географическихъ свѣдѣній, раздѣлялъ его произвольно на частныя названїя: на *Гунновъ, Савиросъ, Унногуровъ, Саразуровъ, Уровосъ, Акатиросъ* (конхъ называетъ и *Акатирами* и *Катзирами*) и *Кидаритосъ*.

Во VI столѣтїи. Плодовитый повѣствователь о военныхъ событіяхъ въ царствованїе Іустинїана Великаго, секретарь безсмертнаго Велизарїа, *Прокопїй*, оставилъ много подробностей о Гунвахъ, преимущественно же перешедшихъ чрезъ Дунай и вступившихъ въ зависимость отъ Имперїи; о внутреннемъ же положенїи Гуннской державы свѣдѣнїя его были ограниченныя. Онъ подраздѣляетъ сей народъ, отчасти иначе нежели *Прискъ*, на *Ефталитосъ* (близкѣ Гунновъ), *Кутургуровъ, Утургуровъ, Савиросъ Киммерійскїихъ* въ Крыму, *Массавитосъ* на Днѣстрѣ и около Днѣпра, *Азіискїихъ* на Дону, и *Восторскїихъ* около города Востора. Изъ несогласїя сихъ обомъ писателей, касательно именъ, явно видно, что онѣ сотворены произвольно или самими по извѣстнымъ имъ причинамъ или

вожатіамъ. Названія, приведенныя Прискомъ, не встрѣчаются, исключая двухъ, ни у одного изъ послѣдующихъ писателей, и прекратились съ его живанію. Польза извѣстій обоихъ сихъ писателей сдѣлается важнѣе, если критическимъ разборомъ ихъ сочиненій отыщутъ, какое имя гдѣ обитало, и какъ каждое изъ нихъ переименовано Проконіемъ.

Къ сему же времени (нѣсколько позже) принадлежить *Менаандръ Промекторъ*. Въ своихъ наименованіяхъ, онъ послѣдовалъ Проконію, съ нѣкоторыми однако различіемъ въ правописаніи. У него: Гунны 1) *Гунногурь*, 2) *Саверы*, коихъ называетъ и *Асерами*, 3) *Ефталиты*, 4) *Котригурь* (*Котрагурь*, *Кутрагурь*, *Котрагурь*), *Утигурь* (*Уйтигурь*), и *Угурь* въ Азіи, за Волгою. *Менаандръ*, видно, не дѣлалъ столь подробнаго раздѣленія, какъ Проконій, у коего жители всякой области получали особенное названіе. — Изъ разныхъ мѣстъ сихъ писателей явствуетъ, что Котрагурь или Кутургурь и Утургурь были въ Молдавіи и Валахіи; Саверы въ Венгріи, гдѣ дѣйствительно впоследствии они извѣстны были подъ именемъ *Асеровъ* или *Асаровъ*. Ефталиты или бѣлые Гунны неизвѣстно гдѣ.

Еще до Менаандра, Готь *Иорнадъ*, современникъ Проконія, писалъ въ Равеннѣ въ Италіи, около 550 года. У него Гунны не столь обширное имя; объ нихъ онъ зналъ кое-что изъ древнихъ Византійцевъ; по сему, жилища ихъ указываетъ на Волгѣ. Впрочемъ, исчисляеть ихъ племена и областныя названія: 1) *Болгарь*, 2) *Аулизгарь*, коихъ въ другомъ мѣстѣ именуеть *Близгарями*; это Кутургурь и Утургурь Проконія или Утригурь и Котрагурь Менаандра, 3) *Асарь*, Савирь и Авсарь Грековъ, 4) *Гуннугарь*. «*Аулизгарь*» говорить онъ «живутъ около Херсона, т. е. въ Бессарабіи и

въ Крыму.» Жилища современныхъ ему *Болзаръ* не означаютъ, а говорятъ только, что «надъ Чернымъ моремъ распространяются жилища» т. е. древнія *Болзары*, которые за наши прегрѣшенія» т. е. Готскія, «сдѣлались» намъ Готамъ «слишкомъ знакомыми» т. е. въ Италіи. *Гуннуваровъ* онъ ставитъ въ Россіи на Днѣпрѣ или Дону, конхъ называетъ извѣстными, потому - что отъ нихъ получаютъ въ Херсонѣ драгоценныя мѣхи (*pellium turginatum commercium*). Итакъ, если оставить его *Ауліазровъ* въ Крыму и Молдавіи и отчасти въ Валахіи, *Асировъ* въ Венгріи и малой Валахіи, *Гунуваровъ* въ южной Россіи, на Дону и т. д.; то мѣста не достанетъ для *Болзаръ*, которые именно должны были быть на самомъ Югѣ, ибо мучили Готовъ въ Италіи.

Это можно объяснить только вотъ какъ: въ правленіе Императора Іустина I и Іустиніана Великаго, много Гунновъ переправилось чрезъ Дунай въ Мизію, оставленную Готами, отправившимися въ Италію. За полученные земли въ разныхъ префектурахъ Мизіи и Македоніи они обязаны были выставлять Императору вспомогательное войско въ непрерывныя войны то съ Персами, то съ Вандалами въ Африкѣ, то съ Готами въ Италіи. Сіе войско Византіицы, и самъ Прокопій, называютъ просто только *Гуннами*. Блестящіе военные ихъ подвиги въ Италіи противъ Готовъ слишкомъ извѣстны въ военныхъ Запискахъ Прокопія. Здѣсь-то они сдѣлались Готамъ *слишкомъ извѣстными* (*quos potissimos pessatorum nostrorum mala fecere*). Этыхъ-то Гунновъ Іорданъ называетъ *Болзарамъ*. Трудно ли здѣсь понять, что онъ, зная нѣчто объ имени Гунновъ отъ Византіицевъ, въ конхъ только головѣ оно и родилось, схватилъ настоящее имя народа, который могъ знать лично. Имена прочихъ, какъ небыло ему извѣстныхъ, за-

уществовалъ онъ отъ Византійцевъ, только съ некоторою разницею. Его *Аулиауры* или *Улинууры* суть очевидно *Улиууры* (ивъсть съ Кутургурами) Проконія; *Авиры* его суть Аверы или Савиры Византійцевъ; *Гуннуауросъ* онъ наименовалъ также какъ и Прискъ и Менадръ.

Во VII столѣтїи. Около 629 года писалъ *Феофилактъ Симокатта*. Въ его время всѣ почти областныя имена Гунновъ, приведенныя его предшественниками, вышли уже изъ употребленія. Въ знаменитыхъ военныхъ событіяхъ между сими народами и Византійцами (580-620 год.) было извѣстно и употреблялось одно только имя *Аваросъ*, конхъ Король-Герой *Боянъ* имѣлъ столицу свою въ южной Венгріи, откуда его владѣнія распространялись и на Валахію и проч. Въ сей войнѣ являютсѣ, какъ союзники Аваровъ, *Словене* и Гепиды, жители Трансильваніи. Имя *Утригуровъ*, *Кутригуровъ* въ Валахіи и Молдавіи совсѣмъ прекратилось и отчасти замѣнено *Аварамъ*. (Сіе имя, какъ мы видѣли, есть то же, что у предшественниковъ Симокатты: *Савиры*, *Саосиры*, *Асѣиры*, *Асиры*.)

Между тѣмъ, *Утригуровъ* и *Кутригуровъ*, жителей Валахіи и Молдавіи, стали замѣнять именемъ *Болваръ*, наиболѣе съ Аваро-Византійской войны (580-620 г.). Впрочемъ, встрѣчаются въ сочиненіи Симокатты и имена, употребленныя, на примѣръ, *Прискомъ*. Замѣтимъ однакожъ: онъ упоминаетъ о нихъ не при современныхъ ему событіяхъ, но въ принадлежавшихъ ко времени Приска, Проконія и проч., на примѣръ, *Унуууры*, *Савиры*, *Нефталиты*. Вообще, какъ *Гунны*, такъ и областныя ихъ названія прекращаются около 587 года. Съ сего времени одно изъ сихъ послѣднихъ именъ, *Аваръ*, начало дѣлаться почти общимъ; но, какъ увидимъ, не надолго. Конечно, замѣненіе однихъ именъ

другими ввело послѣдующихъ писателей въ недоумѣніе, которое увеличивалось по невѣданію настоящей Исторіи сего народа, и по недостатку въ вѣрныхъ народо-именныхъ свѣдѣніяхъ. Принявъ буквально разныя областныя имена, замѣнявшіяся одиѣ другими, за столько же разныхъ народовъ или, по крайней мѣрѣ, племенъ, писатели приняли сію революцію въ номенклатурѣ за революцію въ народахъ; если одно имя замѣнялось другимъ, думали, что одинъ народъ покоренъ былъ другимъ, и принялъ имя побѣдителя! Вотъ почему воображали себѣ *новыя* пришельцевъ и *новое*, но небывалое, движеніе народовъ, и не бывалыя покоренія (!), т. е. не могли себѣ объяснить, почему исчезали старыя названія, и появлялись новыя одного и того же народа.

Такъ заключаетъ уже и Симокатта, что Авары (иначе Hunni Occidentales, потому - что жили въ Венгріи, т. е. къ западу отъ прочихъ; это суть собственно Гунны Аттилыны) покорили Гунновъ Аттилы въ Дакии; а *Судида*, писавшій около 1153 года, думаетъ, что Аваровъ завоевали Болгаре; все это, потому - что народъ сей въ Дакии съ 587 перестали называть Гуннами, а начали Аварами; съ 626 года Греки переименовали ихъ въ Болгарь, а Западные писатели только съ 800 г.! Когда же Болгаре завоевали Аваровъ? Въ 626 ли году или въ 800 г.? Но бѣда еще въ томъ, что и новѣйшіе Историческіе изыскатели шолковали подобно *Симокаттѣ* и *Судидѣ* и прочимъ. Что сказано мною о Симокаттѣ, то должно подразумевать и объ *Аварии*, писавшемъ нѣсколько спустя послѣ него, у коего встрѣчаются и Кутригуры Прокопіевы.

Послѣ 30 лѣтней войны Дунайскихъ народовъ, или народа, съ Имперіею, съ 626 года, насталъ между

объими сторонами 40 лѣтній миръ, продолженіе ко-
его вымерли писатели и погребли съ собою ивѣсть
Аваровъ. Но опять съ 665 или 670 года началась
война, и сіи самыя Кутригуры, сіи Авары перешли
Дунай наконецъ подъ именемъ *Болгары*. Причина то-
му та, что явились новые писатели. На сей разъ Бол-
гарамъ удалось удержать Мизію за собою, и съ сихъ
поръ имя ихъ стало быть общимъ для жителей Ми-
зии, Валахін, Восточной Венгріи, и здравствуетъ до
1654 года; прочія же, выдуманная одними писателя-
ми, исчезли подобно привидѣніямъ.

Асавіа жалуется, что не можетъ объяснить, куда
дѣвались Симокатины Авары, и прибавляетъ, что въ
Константинополь послана поговорка: *иссезли подоб-
но Асарамъ*, которую повторилъ, не знаю справедли-
во ли, и въ Несторъ (объ *Образъ*). Но *Асавіа* не
зналъ, что тотъ самый народъ, который онъ уже на-
зываетъ *Болгарами*, Латинцы еще почти 150 лѣтъ
послѣ него не переставали именовать *Асарамъ*.

Замѣтимъ еще, что послѣ введенія, съ 680 года, въ
Византійскія Лѣтописи настоящаго, собственнаго име-
ни народа, одно изъ упомянутыхъ областныхъ возоб-
новлено было и удержано на нѣкоторое время; это
суть Гунны-*Алатиры*, *Алатиры*, *Катзиры* (*Алатіροι*,
Алатіροι, *Катіροι*) Приска; сіе имя, подобно прочимъ,
впоследствии измѣнили въ *Катзарои*, *Казарои*, *Ха-
зарои* (*Катзары*, *Казары*, *Хазары*). Сіе послѣднее упо-
треблялъ преимущественно Константинъ Багрянород-
ный. Несторъ, который явно не пользовался Багряно-
роднымъ, сообразно съ другими, употреблялъ *Казарои*,
коихъ нѣсколько передалъ по Русскому въ *Казары*.
Оно въ свою очередь пропало безъ вѣсти, подобно

прочтешь своихъ собратьевъ, что уже извѣстно читателямъ моихъ изъ Русской Исторіи.

Не слово ли теперь, почему исчезло столько количество народныхъ названій? Или, развѣ легче и естественнѣе можно объяснить исчезаніе самихъ народовъ, чѣмъ измѣненіе нарицательныхъ названій? Въ семъ-то недоумѣніи оставались не только позднѣйшіе не критическіе Византійцы, но и новѣйшіе Европейскіе послѣдователи. Сія послѣдніе, при всей охотѣ изъяснять, объяснять, заключать, забрели еще далѣе введеніемъ вздорной системы *смыщеній* и *пресращеній* (metamorphosis), которая столь жестоко обурла многіи Историческими умами не только въ Германіи, но и въ Россіи. Тунманъ, первый вступившій на сіе скользкое поприще, первый шагнулъ ошибочно; его приверженцы продолжали изъяснанія по принятому имъ косвенному направленію.

Ложность и несуществованіе силъ затрудненій.

Въ предшествующей статьѣ мы видѣли, что существованіе затрудненій зависитъ единственно отъ ошибки писателей, т. е. отъ неправильнаго толкованія. Посему, *исправленіе* ошибки уничтожаетъ основанія на оной затрудненія; и на оборотъ, невозможность рѣшить затрудненія изъ здравой исторіи и разсудка указываетъ явно на *ложность* ихъ основанія, и требуетъ *исправленія* ошибки. — Въ новѣйшія времена Критики стали обращать вниманіе, въ своихъ изъяснаніяхъ не только на различіе въ именахъ, но и въ языкахъ; изъ перваго заключили и на послѣднее: разными именами, егда разные народы, егда и разные языки. Изъ

сего родилось къ числу вышеозначенныхъ, еще одно затрудненіе: куда дѣвались сіи языки, и могли ли они исчезнуть? Для рѣшенія сихъ-то затрудненій, придумана ими система *смысленія и превращенія*, которую мы уже рассмотрѣли. — Чтобы прекратить теченіе сихъ косвенныхъ изысканій, должно остановить ихъ въ самомъ источникѣ. Поелику *собственное* имя народа и его языкъ суть главные характеристскія условія народности, то я и изложу здѣсь объ нихъ свои понятія.

а) Какъ должно разсуждать о народѣ по имени.

Рѣдко можно сыскать народъ въ древности, и отчасти въ среднія времена, который бы писателямъ классическаго міра былъ извѣстенъ подъ собственнымъ *) его именемъ; всякаго они именовали такъ, какъ называлъ его случай, и подтвердило употребленіе, которое сдѣлалось закономъ, и котораго никакое время переменить не могло. Наибольше же въ семъ отношеніи отличаются первыя столѣтія до и послѣ Рождества Христова, вродолженіе коихъ мелькало надъ странами множество именъ, родившихся только въ однихъ Греческихъ и Латинскихъ головахъ; такъ, на примѣръ, *Скимы* значило у нихъ *гулдыя народы*, Сарматы (*Σαυροματες*, отъ *βαῦρος* ящерица, и *ἄμμα*, *ἄμματος* глазъ; *Saugomates* въ *Sarmatae* передѣлано Римлянами) *ящероолазы*, Ме-

*) *Собственнымъ* именемъ народа должно называть то, конемъ онъ самъ себя именуешь; *нарицательнымъ* то, конемъ его называютъ другіе народы; по сему, на-пр., *Дайчеры* есть собственное, *Нльчи* нарицательное.

ланхлены (*μίλας, ανοσ*, черный, *χλαίνα*, верхнее платье) *черпориццевъ*, Дромиты *скороходовъ*, Макрокефалы (отъ *μακρός* длинный и *κεφαλή* голова) *длинновлащевъ*, и пр. и пр. и пр. Что писатель, то и новыя народныя прозвища, конхъ всѣхъ въ Европѣ можно собрать по крайней мѣрѣ съ 1000; нежъ тѣмъ какъ въ сей самой Европѣ не болѣе подлюжины коренныхъ народовъ: Греческій, Латыно-Латышскій, Славянскій, Нѣмецкій, Финскій, Келтскій, Албанскій. (Два послѣдніе малочисленны; о Греческомъ и Латинскомъ нечего толковать; Нѣмецкій въ одномъ углу Европы былъ малозначущъ, а Финскій извѣстенъ въ нынѣшнихъ его жилищахъ; обширнѣйшій изъ всѣхъ Европейскихъ былъ Славянскій, посему, тѣмъ безтолковыхъ названій досталась ему на долю на пространствѣ двухъ-третей Европы.)

Но ужели могло имѣть вліяніе на существованіе или несуществованіе какого либо народа (на прим. Болгаръ или Россіянъ) то, что вздумалось Грекамъ раздробить огромную массу онаго на множество частицъ, и именовать ихъ *Черпориццами* или *Блзумами* и тому подобными прозвищами, о конхъ сін племена отъ роду ничего не слыхали? Какъ бы то ни было, Греки и Римляне довольны были своими свѣдѣніями, и долгое время обширную Россію называли *Ящероглазію*. Но спрошу у господъ отечественныхъ историковъ: потому ли Россіане не существовали въ Россіи въ VIII, VII, VI, V, IV и т. д. столѣтіяхъ, что Греки ихъ называли ящероглазыми, и подобными другими глупыми именами? По тому ли и нынѣ не должны существовать *Дайгеры*, что у Славянъ слывуть *Нѣмцами*, у Венгровъ *Нейметами*, у Турковъ *Налгами*, у Французовъ *Аллемандами*, у Итальян-

цевъ *Тедесками*, у Англичанъ *Джарменами*? Или всѣ сіи названія составляютъ столько же народовъ? Или не должны существовать *Мадлары*, что слывуть Уграми, Венграми; *Румуны*, что слывуть Волохами; *Скипетари*, что слывуть Албанцами и Арнаутами; *Гийканы*, что слывуть Армянами?

Между тѣмъ какъ Греки и Римляне давали такъ-называемымъ варварамъ имена по произволу, сіи народы имѣли свои собственныя, впечатлѣнныя, такъ сказать, въ ихъ существо, родившіяся и существующія вмѣстѣ съ ними. Такого рода было и имя *Болгаръ*. Наричательныя имена, прилагаемыя имъ Греками или Латинцами, исчезали вмѣстѣ съ писателями. Таково было имя *Гунны* съ своими отраслями; ибо весьма естественно, что въ то время, когда еще весь почти міръ заваленъ былъ произвольными нарицательными прозвищами, и появившійся съ Волги къ Дунаю Болгарскій народъ долженъ былъ покрыться тѣмъ же покрываломъ. Съ чего Греки стали называть оный Гуннами, можетъ быть, и сами не знаютъ.

Какое безчестіе для здравой Исторіи и критики начинать бытіе какого-либо народа только съ тѣхъ поръ, съ коихъ является въ лѣтописяхъ собственное его имя! Вообще, нѣтъ еще настоящей исторіи Европейскихъ народовъ до ихъ крещенія; надъ ними носятся историческія привидѣнія. Только недоумѣніе между нами и древними лѣтописцами породило столь знаменитое переселеніе народовъ V вѣка. Не походило ли оно на переселеніе Европейскихъ народовъ въ Россію въ 1812 г. и Францію 1814 г.? Вотъ обширное, но скользкое поприще для Критика!

И такъ, имя Гунновъ, какъ имя нарицательное, появившееся и вскорѣ опять исчезнувшее, есть то покрыв-

вало, которое Критика должна была снать, чтобы обнаружить истину и предотвратить поводъ къ кривымъ и бесполезнымъ изысканіямъ. Впрочемъ, сами Греки, вскорѣ по поселеніи Гунновъ на Дунаѣ, стали ихъ называть именами, походящими на ихъ собственное: Утисуры, Кутисуры, Утурсуры, Кутурсуры, Утрисуры, Кутрисуры, Котрасеры, Котрасиры, Сарасуры, Уиносуры, Гунносуры, Гунносары. По испорченному окончанію сихъ именъ *γουροι, γαροι, γεροι, γιροι*, составляющему большую половину имени *Βουλαροι*, видно, что Греки иѣтили на сіе послѣднее имя. Сверхъ сего, многіе замѣтили, что Греческій народъ еще и нынѣ называетъ Болгарь *Вурсерами, Вурсарями* (*Βουρσεροи Βουρσαροι*); а прежде легко можетъ быть и *Урсерами, Урсарями*, (*Ουρσερο:, Ουρσαροι, Ουρ-γουροι*), по произволу. Бергенди у Гербелота называетъ ихъ *Вурьяль* или *Ворьяль* (*Burgjan, Borgjan*), Абулфеда (*Borgan*) *Еорсань, Бурсань*, и видѣ *Ворсаль*, Нубійскій Географъ или его переводчикъ *Верьяль*. Сіе же имя находимъ передѣланное и въ *Вуругунды*, какъ уже справедливо замѣтилъ и Тупманнъ. «Paulus Warnefridi» говоритъ онъ «страну Болгарь, напавшихъ на ея Лонгобардовъ, именуеть *Wurgundaiib.*» Нерѣдко подобное правописаніе можно встрѣтить и у Греческихъ писателей *). Въ Миланской области, въ Италіи, часть Болгарь составила было особое графство, которое называли *Вурсаріею* **).

*) На-пр., Manuel Malaxus, въ своей Хроникѣ, приводимой Дю-Канжемъ in Glossar. pag. 1339, подъ словомъ *Σβραβιτζα*, Sire de Villerval Болгарію называетъ *la Bourgerie*. См. append. du Cang. ad. Joinville.

***) См. Muratori in Antiquit. Ital. aevi med. T. I. c. 14. Thunmans Untersuchungen. 1-er Theil, pag. 34.

Итакъ , изъ именъ *Ут-Урзуры*, *Кут-Урзуры* видно, что уже Прокопій Гунновъ называлъ собственнымъ ихъ именемъ. Иные даже , какъ можно было усмотрѣть выше, слагали оное *изъ нарицательнаго* и большей части *собственнаго*: *Гунно-вары*, *Уиновары*, *Оно-вары*; у Приска даже *Урвары* сдѣлались (можетъ быть переписчиками его сочиненія) *Урозами*. (Давали имъ еще и выдуманная названія: *Ефталиты*, *Кидариты*, *Катзиры*, *Асары*. Первые два исчезли уже до Иустиніана.)

Ближе всего подошелъ къ истинѣ Теофанъ въ своей Космографіи , называя ихъ *Гуннобуздо - Болгарами*. Наконецъ , Теофилактъ Симокатта именуеъ ихъ собственнымъ названіемъ *Болгарь*. Такъ у Византійцевъ. Но Западные писатели, *Юрианъ* (около 550 г.), *Викторъ Турнускій* (около 567 г.), современники Прокопія, Менандра и самаго почти Приска , именуютъ *Болгарами* тотъ самый народъ , который у сихъ послѣднихъ слыветъ Гуннами. См. Allg. Nord. Geschich. с. 358.— Замѣтимъ , что Юрианъ именуеъ *Болгарами* именно тѣхъ Гунновъ , которые служили Имперіи Восточной и сражались съ Готами въ Италіи. *Ут-Урзуровъ* и *Кут-Урзуровъ* въ Молдавіи и Валахіи Прокопія онъ называетъ *Аулзиаграми* (Aulziagri), а на другомъ мѣстѣ своего сочиненія опять *Улцигурами* (Ulcinguri или Ulcingari). Это явно испорченное *Воллуарог* или *Оулларог*. Я даже думаю , что сей Готь правильно написалъ имя народа , и что оно испорчено или неразобрано переписчиками; это можно видѣть и изъ того , что одно и тоже имя въ одномъ мѣстѣ напечатано такъ , а въ другомъ иначе. (Vid. Jordan Orig. Slavicar. in Descript. Scythiae.) Вообще , онъ дѣлитъ Гунновъ только на двое , на *Аузиагровъ* или

Болгаръ и Амвроу (quasi fortissimum oves in biblicam pullularunt speciem). Имена Амвроу и Гунногароу, о коихъ оиъ еще упоминають, заимствованы изъ отъ Византийцевъ. — Яснѣ всего выразился Nicéph. Patéarcha, с. 44, гдѣ Болгаръ называетъ: Οὐννοι Βουλγαροί.

Итакъ, что касается до толкованія относительно къ народному имени, ясно видно, что Византийцы именемъ Гунновъ, и прочими видвыми названіями оного, означали Болгарскій народъ, въ разныхъ частяхъ занимаемаго имъ пространства. Посему, имъ никакой нужды и повода принимать сія пустыя названія за столько же народовъ.

б) Какъ должно разсуждать о народѣ по языку.

Прежніе изыскатели, въ своихъ догадкахъ, руководствовались одними только именами; въ новѣйшія же времена, когда стали успѣвать болѣе во всеобщей *Народописси* и *Языкописси* (Ethnographia, Logographia), обратили вниманіе и на языкъ, стали раздѣлять народныя племена на классы и разряды, смотря по большому или меньшему средству ихъ языка; отъ чего нынѣшняя общая народопись дѣлается со дня на день болѣе систематическою. Сіе правило примѣнено ими и къ древнимъ народамъ, или лучше сказать, именамъ ихъ нарицательнымъ. Къ несчастію, по недостатку памятникоевъ языка, подобныя рѣшенія, основываемыя на одномъ или нѣсколькихъ словахъ, недошедшихъ до насъ, можетъ быть, въ ихъ чистотѣ, не могутъ быть удовлетворительными; и не-

рѣдко, будучи ложными, вводятъ писателя въ заблужденіе и производятъ путаницу.

.. Тамъ между прочимъ полюбоствовали изыскатели узнать, въ какому общему племени принадлежали и *Гунны*? Обстоятельнаго рѣшенія сего вопроса не было; однако и до сихъ поръ все того мнѣнія, что *Гунны* были *Татаро-Монгольскаго племени*, ergo говорили по Монгольски. О семъ мнѣніи нечего болѣе говорить; ибо выше, опровергая доказательства Татарина Болгарь, опровергнуто и мнѣніе о Татаризмѣ Гунновъ. Здѣсь я разберу только тѣ обстоятельства, которыя расположили писателей въ пользу сего мнѣнія:

1-е. Знаменитое нашествіе Татарь въ XIII столѣтіи на Европу столь сильно перепугало умы историческіе, что не иначе вспомнить могутъ о Волгѣ, какъ о Татарцигѣ, и о всемъ приходящемъ съ береговъ оной, какъ о Татарскомъ! Но развѣ по народу, вышедшему оттуда около 1300 года, можно заключать о народѣ, показавшемся оттуда же уже около 380 года?

2-е. Изыскатели происхожденія Венгровъ (*Мадьяровъ*), дѣйствительно принадлежащихъ къ Татаро-Монгольскому міру, принявъ нитью своихъ изслѣдованій не настоящее имя сего народа, но нарицательное *Hungarus*, погнались съ онымъ за созвучіемъ и, ссылавъ у Византійцевъ (около 440 год.) Гунно-Гировъ, заключили тотчасъ же безъ дальнихъ околичностей, что *Гунны* были древніе Мадьяры *). Но это совершенно несправедливо; ибо а) Гунно-Гировъ Византійцы немного спустя переименовали въ Болгарь, б)

* Въ Венгріи и теперь еще придерживаются сего мнѣнія.

Hungari передѣлаше не изъ Гуно-Дуроовъ, но изъ слѣдующаго. Собственное названіе народа есть *Мадяръ*; первые ихъ Славянскіе сосѣди, Россіане да Болгаре, нарицательно называли ихъ *Берами*. По прибытіи Мадяровъ съ Волги въ Венгрію (около 905 год.), Болгаре сіе имя (*Ουγγροι*) сообщили Грекамъ, а Россіане, отчасти съ ними же зашедшіе въ Венгрію, Западнымъ Славянамъ, а чрезъ нихъ и Нѣмцамъ, и т. д. (Замѣчательно, что Карпато-Россы и Словене и теперь еще ихъ называютъ *Берами* же.) Поляки, которые Славянскія слова, на примѣръ, *руку*, переуродовали въ *ренку* (*гѣка*), *зубы* въ *зенбы* и пр., и *Бероовъ* перекрестили въ *Венроовъ* (*Węgrów*). Прочіе иноплеменные народы, въ своемъ языкѣ весьма часто предъ согласными ставяще букву *н* (что весьма рѣдко у Славянъ), переладили Угровъ по своему въ *Унроовъ* (*Ungri, Ungern*), а изъ сего и страну *Ungria, Hungria, Hungaria* и *Hungarus*, что принято и всею Европою. Россіане именуютъ ихъ *Вензрами* въ подражаніе Полякамъ. Начало имени *Hungari* не древнее XI столѣтія; у Грековъ же оно вошло въ употребленіе только въ среднія времена. Венгры Грекамъ были извѣстны до введенія имени *Ουγγροι*, всегда подъ именемъ *Туроовъ*, а Венгрія подъ названіемъ *Турція*. — Итакъ, ясно, что Гуно-Гары V столѣтія отнюдь не принадлежатъ Мадярамъ (*Hungari*) XI-го и проч. столѣтій.

Сдѣлавъ такимъ образомъ одинъ дурной шагъ, изыскатели пошли криво и далѣе. Не умѣя объяснить присутствіе Гуногаровъ (иныхъ Мадяровъ) на Дунаѣ уже около 400 — 480 годовъ, и появленіе (настоящихъ) Мадяровъ въ Венгріи около 900 года, они просто предположили троекратный променадъ сего народа съ Волги на Дунай и обратно; первый, буд-

то подъ именемъ *Гунновъ*, второй *Асаровъ*, а третій *Дунгаровъ*! А не Турокъ? Не очевидно ли, что одно только глупое толкованіе могло породить подобный выдоръ и небывалыя движенія народа *)?

Вотъ, милостивые государи, вотъ источникъ слова *Цицгарусъ*, на коемъ основывалось ученіе о Татармангъ Гунновъ! Предположили, что Гунны были древніе Мадары, потомъ отыскали и доказали (Тунмангъ и Енгель), что *Кут-Уреуры* и *Болгаре* принадлежали къ племенамъ Гунискаго народа, и заключили, что Болгаре были Татары, или Татаро-Турки! И для подтвержденія сего мнѣнія приведены ими доказательства, мною уже разобранныя. Вотъ почему они приуждены были послѣ допустить тотъ магическій *Metamorphosis* изъ Татаръ въ Славянъ! И подъ подобное рѣшеніе Шлецеръ подписался безъ всякой оговорки!! Но этого не довольно; ибо

3-е. Какіе-то Хунны въ Монголіи и Китаѣ, у береговъ Восточнаго Океана, открытыя въ Китайской Исторіи, очевидно, казалось, подтверждали мнѣніе Европейскихъ ученыхъ. Это обстоятельство мы разберемъ ниже подробнѣе. Здѣсь же напередъ можно сказать только, что сіи Монголы не имѣютъ никакого отношенія къ нашимъ *Гуннамъ*, или лучше сказать, *Уннамъ*.

Татармангъ Гунновъ рѣшительно ничѣмъ не доказывается; напротивъ, мы имѣемъ непреодолимые доводы, показывающіе ихъ *Славянизмъ*. Вотъ они: а)

*) Первый сію басню разгласилъ Безымянный Нотарій Короля Бѣны. Венгерскіе новѣйшіе писатели, принявшіе его за источникъ, послѣдовали ему. Иные однако по разнымъ причинамъ стали сомнѣваться въ его подлинности. Енгель—одинъ изъ его защитниковъ.

Гуны и Болгаре, одно и тоже (см. выше), а Болгаре суть Славяне, следовательно... б) Если Гуны не принадлежали къ Татарскому, тѣмъ менѣе къ Монгольскому міру, то должны принадлежать къ Славянскому. в) Собственныя имена Гуновъ, хотя дошли до насъ вѣроятно отъ Грековъ въ испорченномъ видѣ, почти явно суть Славянскія, или, если выразиться по Енгелью, званія по Славянски:

Каратов Каратовъ, Король Гуновъ IV столѣтія. По видимому, это есть *Карданъ* или *Караданъ*. Въ Болгаріи былъ Король *Карданъ* и въ VIII столѣтіи.

Валацпр или *Валацвпр*, Король IV вѣка, явно Владиміръ. Болгаре имѣли ихъ также много. Греки писали это имя различно.

Мундзухъ (?) отецъ Атилы.

Аттила, разумеется, тоже испорченное имя. У Болгаръ въ VIII столѣтіи былъ Король *Тьланъ*, а въ XI Князь, желавшій возстановить свое отечество, падшее подъ иго Грековъ, *Тьланъ* или *Дьланъ*. (Латинскіе переводчики съ Греческаго пишутъ его *Delcalis*.) Въ обонхъ случаяхъ Болгаре *ль* произносятъ какъ *л*: *Дьланъ*, *Тьланъ*. Составъ слова *Аттила* явно показываетъ, что и онъ былъ *Тиланомъ*; буква *л* на концѣ отброшена, потому-что слогъ *анъ* (*av*) есть въ Греческомъ языкѣ окончаніе винительнаго надежа именъ, кончающихся въ именительномъ на *ас*; посему, Болгарскій именительный на *анъ* (*Attilan*) не могъ стоять на мѣстѣ Греческаго именительнаго, ибо не подходилъ подъ ихъ грамматику, и потому принять за винительный, изъ коего образованъ Греческій именительный на *ас*: *Attilas*. Буква *т* повторена по праву авторской вольности. Впрочемъ, некоторые пишутъ, какъ замѣтилъ du Fresne, и *Atila*, и *Athila*, и *Athela*.

- **Буква а** прибавлена Греками, ибо а) она слышится обыкновенно въ началѣ Греческихъ словъ, б) Славянскія слова ею никогда не начинаются. (См. выше стр. 38.)

У Болгарь (Гунювъ) были не только *Тъланы*, но и *Думаны* (Dumani у Латвскихъ переводчиковъ Греческихъ Лѣтописей). Въ подтвержденіе моего объясненія имени *Аттилы* можно привести и нѣсколько другихъ Болгарскихъ именъ, подобнымъ образомъ перековерканныхъ Греками; такъ, на-пр., *Болис* у нихъ превратился въ *Vajas* или *Vat-bajas* (См. выше стр. 32.), *Горданс* въ *Горбас*, *Скотинс* въ *Σκοτας*. (См. ниже.)

Супруга *Аттилы* или *Тълана*: *Ръкана*, или *Рекана*.

Братъ *Аттилы*: *Владе* (Βληδας, Bledas). Сие имя у Болгарь весьма обыкновенное даже и въ среднія времена; оно перѣдко означало Владислава, или Владимира. Въ спискѣ Болгарскихъ Господарей въ Валахіи можно насчитать нѣсколько *Владовъ*.

Сыновья *Аттилы* 1) *Денгисихъ* Δευγισιχ? Διγδισιχος? Динсирихъ? 2) *Ирнахъ*, *Ирнахъ*, *Ирнакъ*, 3) *Еллакъ*.

Забереанс, *Заверсанс*; Князь Гунювъ въ Валахіи, водившій войско свое около 559 противъ Цареграда. *Заберуанъ*? *Зацеруанъ*?

Малаксъ; у Болгарь это слово *Малокс*; *малый* по Русски. *Валухъ*? *Малахъ*? *Малахъ*? былъ Князь Савиловъ, 527.—*Малка* находимъ у Нестора и Россіянина.

Бориса, его супруга, или вдова; *Воаре*? *Варη*? Известно, что Греки б не имѣють, на мѣсто коего ставить то в, то ж. (528 года.)

Горбасъ? *Горданс*; Король Гунювъ при городѣ *Воспоръ*, обратившійся въ Христіанство, и убитый въ 627 году.

Нела, Влолаг; явно остатки имени, означивававшегося на *слав.* Находимъ, что Византійцы въ позднѣйшія времена Болгарскихъ *Воеславовъ* именовали *Ворблаг*, *Ворблуг*, *Воилаг*. Онъ былъ нѣсколько разъ посланникомъ Атиллы въ Константинополь.

Айванъ Айвар, начальникъ Гуннской конницы, находившейся въ службѣ Имперіи, приближенный Велизарія; такъ пишутъ это имя при описаніи войны съ Вандалами въ Африкѣ, при описаніи же войны съ Персами въ Азіи называютъ его *Аваномъ*, *Аувар*. У Болгаръ было довольно именъ, кончившихся на *манъ*, производимыхъ отъ словъ, кончащихся на *акъ*, *екъ*, *окъ*, *икъ*. Ближайшее къ сему было имя воеводы *Кавкана*, *Кавмар*.

Сверхъ сего, есть еще и другія Гунскія имена, кончащіяся, подобно Болгарскимъ, на *анъ*: *Аванъ*, предводитель своей конницы въ службѣ Имперіи противъ Персовъ; *Хорсоманъ* *Хорбоманос*? *Эсманъ* *Ахманос*? приближенные Велизарія (*stipatores*). *Евталанъ* *Ефдуганос*? Князь одной Гунской области, превратившійся, кажется, въ Греческихъ устахъ изъ *Тьмана* въ *Евталана*; ибо буква *ф* несвойственна Слав. языку, и *е* въ началѣ словъ не очень употребляется. По его имени, догадывается Феоданъ Византійскій, назывались его подданные *Евталитами*. Нѣтъ—не назывались, но въ Греки ихъ такъ назвали.

Кутилъцъ. *Κουτίλτζις*, *Κουτίλτζις*, образовано изъ *Тильца* (ко *Тильцу*).

Болянъ, Великій Король Западныхъ Гунновъ или Аваровъ, 580—604 года. Было два Короля *Боляна* въ Болгаріи; Славянскій Оссіанъ былъ *Болянъ*.

Замуръ или *Заморъ*, *Ζαμουρ*, Воевода Боляна, 591 г., дѣйствительно морившій Византійцевъ.

Ермисъ; *Ермитъ*. Вождь Аваровъ, или Князь, осаждавшій (626 г.) Константинополь. Греки азука *ε* не имѣютъ; обыкновенно они выражали Славянское окончаніе именъ *иъ* посредствомъ *иτδ*. Несторичъ *Несторитъ*, Заричъ *Зиритъ* и проч.

Волколабъ или *Волколабра*; у Гуниговъ-Аваровъ это было имя *сacroснago Жреца* (*Воколабра*). Это же самое было, кажется, и на Руси.

Вотъ имена собственные, такъ называемыхъ Гунскихъ лицъ, изъ немногихъ, оставленныхъ намъ Византійскими Лѣтописцами, которые, сверхъ показанія здравой Исторіи и естественнаго заключенія, подтверждаютъ Славянизмъ Гунскихъ племенъ *).

г) Древніе лѣтописцы, желая означить сродство между народами, или общій ихъ источникъ, называли ихъ по именамъ общимъ ихъ родоначальниковъ: Европейскіе народы происходить, говорятъ они, отъ *Яфета*, Азійскіе отъ *Сима*, Юго-Азійскіе и Африканскіе отъ *Хама* и т. д. Иные изъ новѣйшихъ умниковъ очень невыгодно отзывались о семъ обществѣ, но простомъ раздѣленіи рода человѣческаго, большею частию потому, что сямъ понятіемъ руководствовались древніе, именно *духовные* писатели (такъ и преподобный нашъ Несторъ); но сколь сираведливы сіи почтенные отцы, слишкомъ явно докажетъ *здравое языкознаніе*.

Главные Европейскіе языки, кажется, имѣютъ одну основу. Основа Мадярскаго языка ей уже совершенно противоположна, но тождественна съ оснoвою Турецкаго и прочихъ Татарскихъ нарѣчій (разумѣется гдѣхъ, которыя я на первый случай взялъ въ сравненіе).

*) О Гунскихъ именахъ написана *Великимъ* особая статья, которая со временемъ выйдетъ въ печати. *Изд.*

Впрочемъ средство между Европейскими языками, и тожество ихъ основы выказывается яснѣе только изъ сравненія ихъ съ Азійскими языками и ихъ основой.

Здѣсь, чтобы не оставить читателей моихъ безъ примѣра, приведу нѣкоторые (главнѣйшія) черты различія между этими основными языковъ.

а) Въ Европейскихъ языкахъ (здѣсь разумѣются коренные: Славянскій, Латыно-Латышскій, Греческій, Нѣмецкій) есть роды: *мужескій, женскій, и средній*, на комъ раздѣляются всѣ существительныя имена, и по комъ измѣняются прилагательныя; въ Мадарскомъ, Турецкомъ и прочихъ Татарскихъ не имѣется ни малѣйшее объ этомъ понятіе.

б) Въ сихъ послѣднихъ, прилагательныя отнюдь не склоняются и находятся съ существительными подобно неизмѣняемой части рѣчи.

γ) Роды въ языкахъ Европейскаго міра произвели различныя склоненія существительныхъ; напротивъ, въ Мадарскомъ, Турецкомъ и Татарскомъ, по неизмѣнію родовъ, есть одно только склоненіе, общее.

δ) Созвучіе и сходство въ составѣ личныхъ мѣстоименій и происходящихъ отъ нихъ притяжательныхъ (которыя своимъ происхожденіемъ древнѣе прочихъ словъ языка), въ Европейскихъ языкахъ указываетъ на тожество ихъ происхожденія; въ Татарскихъ на свое. Я (Азъ древн. и нынѣшн. Болг.); *Эсъ* Латышское. *Эю* Латинск. Греческ. *Ихъ, эй, ай*, и пр. Нѣмецк. *Мы*, (*ны* древн. и нынѣшн. Болгар.) *Nos. Вы, Vos* и проч. *Мой, моя, мое. Meus, tua, tuum. Mein, e, es* и проч.— Азійскія: Мадарск. *ени*, (*а*), Турецк. *бени*, Татарск. *мени*—(Мой): Мадар. *енимъ*, Турецк. *бенимъ*, Татарск. *менимъ* и проч.

ε) Для означенія принадлежности, въ Татарскихъ нѣтъ особыхъ притяжательныхъ мѣстоименій, какъ въ Европейскихъ: *мой, твой, свой* (его), *нашъ, вашъ, ихъ*; но для означенія притяжанія, къ имени принадлежащей вещи прибавляютъ букву *м* (если оно кончится на гласную) или слогъ. На-прим., по-Венгерски *теге* верблюдь, *тегемъ* мой верблюдь; *колмакъ* шляпа, *колмакомъ* моя шляпа. *Калмакъ* (по-Турецки), *колма-*

нымъ моя шляпа; такъ и въ прочихъ Татарскихъ. Въ притяжаніи второго и третьяго лица ставятся на концѣ особыя буквы или слога; на примѣръ, (по Венг.) *копакодъ* твоя шляпа, *капакъ* его шляпа; (по Тур.) *капанымъ*, *капаны*. *Лаятлика* (по Венг.) лента, *капакомъ* *паятлика*, лента моеѣ шляпы; *кордела* (по Тур.), *капанымъ* *корделасы*, лента моеѣ шляпы и проч.

2) Въ Венгерскомъ и родныхъ ему, всякій дѣйств. глаголъ спрягается двояко, т. е. иначе, когда говорится о дѣйствіи вообще и неопредѣленно, иначе, когда опредѣленъ предметъ дѣйствія, на пр. (по Венг.) *ирокъ* пишу, *ирсъ* пишешь, *иръ* пишеть. *Иромъ а левелетъ* пишу письмо, *иродъ а левелетъ* пишешь письмо, *иръ а левелетъ* пишеть письмо.

7) Въ Малярск., Турецк. и проч., вмѣсто предлоговъ, прикладываются частицы къ концу словъ, напр., по-Венг., *асталъ* столъ, *ра* на: *на столъ* говорится *асталра*; по-Тур., *софра* столъ, *юстюме* на; *софра юстюме* на столъ или на столѣ, и проч.

Вотъ главнѣйшія противоположныя основныя черты языковъ Европейскаго и Сѣверо-Азіатскаго. Обще *Европейское слово* имѣеть одинъ корень, изъ коего послѣ, на обширномъ пространствѣ, разраслись особыя вѣтви, нынѣ называемыя Европейскими языками. Обширнѣйшая изъ нихъ, и такъ сказать, составляющая самый стволъ, есть та, которой настоящаго общаго названія не знаемъ, и которую называемъ (ибо нельзя было оставить ее безъ имени) Славянскимъ языкомъ. Вокругъ него прочія вѣтви: Греческая, Латинская, Нѣмецкая. Каждая изъ нихъ имѣеть свою особенную связь больше съ Славянскою, нежели съ прочими порознь. Латинская ни къ какой такъ близко не подходитъ какъ къ Славянскою; такъ и Нѣмецкая большее сродство имѣеть съ Славянскою, чѣмъ съ Греческою или съ Латинскою; но болѣе всѣхъ, сродна со Славянскою и Латинскою Латинская, исторію дѣйствительно признають за полу-Славянскую; посему Латышская есть переходъ ствола (Славяницы) въ Латинскую вѣтвь *Европейска-ю слова* *).

*) См. примѣчаніе, стр. 63. Изд.

Каждая вѣтвь подраздѣлялась еще на меньшія отрасли. Сія-то отрасли, до незапамятныхъ временъ, для отличія одна отъ другой, получили особыя названія, служившія для означенія вмѣстѣ и языка и народа. Такъ, на-примѣръ, *Тайтоеская* вѣтвь (genus Theutoniscum) раздѣлялась на слѣдующіе: 1-е, *Boji, Bojoarii, Boyen, Bayern* (Боевъ, Баварцевъ), 2-е, *Saxi, Saxones, Sachsen* (Законъ, Саксонцевъ), 3-е, *Angli* (Англовъ), 4-е, *Юттовъ*, т. е. Датчанъ, 5-е, *Svear, Svenskymer* (Свъевъ, Шведовъ). Если сія вѣтвь подраздѣлялась на подобныя нарѣчія и ихъ названія, то само собою разумѣется, что и стволъ (Славянщина) долженъ былъ тѣмъ болѣе подраздѣлиться, что растнулся на гораздо большее пространство Европы. Отрасли его, кажется, извѣстны всякому: 1) *Россы*, 2) *Болгаре*, 3) *Кроаты*, 4) *Сербы*, 5) *Словене*, 6) *Чехи*, 7) *Поляки*, и проч. Всѣ сія имена суть *собственные*, впечатлѣныя въ самое существо сихъ племенъ и ихъ языка, а посему стольже древнія, какъ и самыя племена и ихъ нарѣчія. Всѣ сія племена общаго имени никогда не имѣли, или, если имѣли, то это относится развѣ только ко времени Моисея, или Семирамиды.

Какъ прискорбно видѣть, что чужеземные Историки, а за ними и нашъ Карамзинъ, всѣ дѣянія, всю гласность, всю историческую славу всѣхъ вышеупомянутыхъ племенъ слѣдили донынѣ подъ именемъ одного только, несчастнѣйшаго изъ всѣхъ прочихъ, подъ именемъ, говорю, *Словенъ!* Сверхъ сего, вспомните, что всякое изъ сихъ племенъ, кромѣ собственнаго своего названія, имѣло еще по нѣскольку нарицательныхъ. Какая куча именъ народныхъ! И вся историческая слава сихъ нарицательныхъ именъ не принадлежитъ ни одному нынѣшнему Славянскому племени; ибо, думаютъ ученые Историки, не написано нигдѣ, что сія славныя дѣянія совершены были *Словенами!* . . . разумѣется, не ими; ибо они всегда были рабами Римлянъ, Итальянцевъ, Нѣмцевъ! Вотъ почему сказала я выше (на стр. 20), что Славянскій родъ обиженъ, оклеветанъ до чрезвычайности историческимъ Ареопогомъ.

Вѣтви и самый стволъ образовались различно, смотря по

климату, въ которомъ прозябали. Вътъ Нѣмецкая подъ суровымъ, сѣвернымъ небомъ грубѣе, и неприятели для слуха тѣмъ, что весьма часто слоги заваливаетъ многими грубыми согласными, и языкъ долженъ дрожать отъ безпрестаннаго звука *p*: *verbergen, verschreuen, vertreiben, vortreten* и проч. Сверхъ сего, слышится въ ней часто мяуканье: *eu ei, ай, ау*, чего нельзя замѣтить ни въ стволѣ, ни въ Латинскомъ и Греческомъ языкахъ, которые, развившись въ климатѣ противоположномъ, гораздо болѣе льстятъ слуху.—Раздѣленіе всѣхъ сихъ языковъ на нарѣчія уже извѣстно, онѣ простираются ко всей Европѣ, и наполняютъ, по выраженію древнихъ, *весь предѣлъ Яфета*. Зная теперь, въ какомъ значеніи Византіицы принимали *предѣлъ Яфета*, скажемъ, что они причисляли къ нему и Гунновъ, о чемъ именно выразились *Chonicon Rerum* и Кедринъ. (См. *Met. Pop. in Hunnicis*). Посему, Гунны, по Географическому своему положенію, составляли самую восточную часть Славянскаго міра.

Сіе сравненіе приведено 1) въ доказательство Европейзма Гунновъ; 2) въ подтвержденіе раздѣленія народовъ на *предѣлы*; 3) чтобы показать, какъ должно, по моему мнѣнію поступать въ Филологическихъ и Историческихъ изысканіяхъ, которыя проліютъ яркій свѣтъ не только на общую народописъ, но и на Исторію, и проникнуть въ тѣ самыя времена, въ которыя Исторія достигнуть не можетъ. Прежде всего должно разсмотрѣть основаніе языка, которое укажетъ на первоначальное происхожденіе народа, потомъ приняться за сравненіе словъ; если онѣ не тождественны съ словами другаго,—это знакъ, что изслѣдуемый языкъ есть отдѣльный. (На-пр., Мадарскій, не смотря на тожество своей основы съ Турецкимъ и Татарскимъ, по нетожеству въ словахъ, есть особый языкъ Азійскаго корня. Подобнымъ образомъ и Латинскій относится къ Славянскому, Греческому и проч.) Но, если въ словахъ изслѣдуемаго языка найдется тожество съ словами другаго, а разница только въ грамматическихъ формахъ, то изслѣдуемый должно признавать не за особый языкъ, но за особое нарѣ-

чѣ того же языка, на пр., Турецкій, за нарѣчіе Татарскаго или Болгарскій или Русскій за нарѣчіе Славянскаго, и проч., Такимъ образомъ можно легко добиться до правильной народности в языкахъ всѣхъ обитателей земнаго шара; сравнивать же нѣсколько словечекъ, и заключать изъ нѣкотораго ихъ созвучія о тождествѣ двухъ народовъ, какъ дѣлали до сихъ поръ вообще многіе въ Германіи, Франціи, Англіи и проч. — негѣно.

Итакъ, теперь уже видѣть можно, что Славяне такой же старожилый народъ Европы, какъ Греки и Латины, и что въ Европѣ до VI вѣка нельзя искать особыхъ, Бога вѣсть какихъ народовъ кромѣ тѣхъ, которые и нынѣ въ ней здравствуютъ. — Что же должно сказать о мнѣніи тѣхъ, которые относятъ начало Славянъ къ VI столѣтію? Что сказать о тѣхъ Исторіографахъ, которые, въ подтвержденіе своихъ умствованій, приводятъ слова изъ языка *неизвестнаго* (Скифскаго) *Яцерилазляго* (Сарматскаго), *Чернорижскаго* (Мелакленовъ), *Затвердылаго* (языка Скирровъ) и проч.!

Зная предѣлы Яфета, мы не имѣемъ полныхъ свѣдѣній о предѣлахъ Сима, т. е. объ общемъ родѣ Сѣверо-Азіидевъ. Не знаю, сколь далеко простирается въ Азіи — сей второй классъ человѣческаго рода, и сколько вѣтвей, еще неоткрытыхъ, принадлежать къ оному; не знаю, какое отношеніе къ Венгро-Татаро-Турецкому классу имѣютъ племена Монголіи, Чунгари Тибета и т. д., то есть составляють ли нарѣчіе Мадырскаго (Венг.) или Татарскаго; или имѣютъ только общую съ нимъ основу, и составляють отдѣльные языки (вѣтви) Азійскаго корня.

Я искренно желаю, чтобы кто либо изъ соотечественниковъ нашихъ, преимущественно находящихся въ Сибири, или даже при Пекинскій Миссіи, обратилъ на это строгое вниманіе; я осмѣлился бы даже почестъ это въ непремѣнную обязанность всякому Русскому; ибо никто больше насъ не имѣетъ къ тому способствъ; намъ предстоить слава за первое открытіе! Впередъ соотчичи! Англичане, Французы, Италианцы перерыли Египетъ за древностями;... только грубые непросвѣщен-

ные народы нелюбимы, они не ищут новых свѣдѣній, ибо не чувствуют цѣны ихъ. — Новѣйшія извѣстія и записки почтенныхъ членовъ нашей Пекинской Миссіи о Китаѣ, Монголіи, Чунгаріи, достойны всякаго уваженія и похвалы и, подають надежду и на появленіе съ ихъ стороны *языкомскими* извѣстій!

Всего вышесказаннаго мною, кажется, слишкомъ довольно для того, чтобы удовлетворить истиннѣ, критикѣ, естественности и здравой Исторіи. Въ заключеніе прибавлю еще, что: 1-е, Воиственный духъ Болгаръ, ихъ дѣятельность, сильно изображенныя въ Византійскихъ Лѣтописяхъ, достойны только Гунпскаго оружія, 2-е, Гунны славились у древнихъ своею копницею. Знакомый съ Болгарскою Исторіею, по крайней мѣрѣ изъ Византійцевъ, узнаеть, что и Болгаре большею частію сражались верхомъ, почитались, такъ сказать, природными кавалеристами, лучшими въ Европѣ, до самаго ихъ паденія подъ иго Турокъ. Турецкія лошади, столько славимыя нынѣ, достались Туркамъ послѣ завоеванія сей страны. Тожество сихъ двухъ качествъ подтверждаетъ тожество народа, слышанаго у Византійцевъ подъ именемъ сперва нарицательнымъ, а послѣ собственнымъ.

V.

О БОЛГАРАХЪ НА ВОЛГѢ И ОБЪ ИХЪ ПЕРЕХОДѢ,
ПОДЪ ИМЕНЕМЪ ГУННОВЪ (АВАРОВЪ , КОЗАРЬ)
НА ДУНАЙ.

Разобравъ тѣ обстоятельства, которыя затеняли имя *Болгарь*, затерявшееся въ хаосъ безтолковыхъ названій, прилагаемыхъ ему Византіяцами, постараемся теперь рѣшительнѣе опредѣлить время, въ которое сей народъ распространилъ свои владѣнія съ Волги до Дуная. Не должно воображать, что сіе переселеніе походило на переходъ какого-либо войска, происходило въ томъ или другомъ году. Здѣсь переселился цѣлый народъ и цѣлая, такъ сказать, держава, слѣдовательно медленно, по мѣрѣ усиліевъ оружія на Югъ; посему, оно заключаетъ въ себѣ не одинъ годъ, а цѣлыя столѣтія, т. е. цѣлый періодъ Исторіи. (*Заметь хорошо.*) Итакъ, возвратимся къ первой точкѣ нашихъ изслѣдованій: къ бытію Болгарь на Волгѣ; отсюда же станемъ слѣдить ихъ подѣ именемъ *Гунновъ* и проч. Предложимъ прежде изображеніе Юго-востока Европы до ихъ туда прибытія, чтобы лучше ощутить перемежну политическую, произведенную ими въ ней.

• •
•

Римское оружіе, въ царствованіе преемника Цесаря, Августа, проникло наконецъ до Дуная; Сирія, Каринтія, Карніюлія, Австрійское Герцогство, подѣ

именемъ *Карній* и *Норикъ*, Задунайская Венгрія подѣлена именемъ *Панноніи*, сдѣлалась Римскими областями; а за ними и все по Дунаю до самаго Чернаго моря.

Вся страна по сѣю сторону Дуная была Римлянамъ мало известна; они столько же заботились объ ея новостяхъ, сколько мы о подробныхъ происшествіяхъ въ странахъ, лежащихъ за Оренбургскою и Сибирскою линіями; они называли ее въ подражаніе Грекамъ, *Скиміей*, а послѣ *Ящеролазією*.

Не смотря на то, что граница (Дунай) была глубока, и опасна для перехода, *Ящеролазіе* и *Скиміе* безпрестанно, говорятъ они, беспокоили пограничныя Римскія области.

Преемники Августа принуждены были обратить все свое вниманіе на защиту сихъ областей; вездѣ по берегамъ Дуная, въ удобныхъ мѣстахъ построены укрѣпленные лагери Римскихъ полковъ, давшіе начало многимъ укрѣпленнымъ Дунайскимъ Римскимъ городамъ. Не смотря на сѣя предосторожности, нерѣдко сами Императоры принуждены были выступать въ походъ на Дунай, и оставались иногда на полѣ битвы.

Траянъ (98-117 год.) болѣе прочихъ успѣлъ въ своихъ военныхъ предпріятіяхъ; войска его проникли въ южную Венгрію, Трансильванію, Валахію и разбили могущественныхъ обитателей, которыхъ «Греки называютъ *Гетами*, а мы (Римляне) *Дакими*» говоритъ Плиній. Съ сего времени сѣя завоеванныя области покрылись Римскими поселеніями. Области раздѣлены были по мѣстоположенію; гористая Трансильванія названа (*Dacia Alpestris*) *горною Дакіей*, Венгрія, по сѣю сторону Дуная, (*Dacia cis-Alpina*) *Дакія по сѣю сторону горъ*, разумѣется въ отношеніи къ Италіи; малая Валахія съ южною частію Баната, (*Dacia Ripen-*

sis) *побережнiя* (по Дунаю) *Дакiя*, *Валахiя* съ частью *Молдави* (*Dacia Trans-Alpina, Trans-Sylvana, Ultra-Montana*) *Заворскою Дакiею*.

Еще и теперь есть слѣды Римскихъ колонiй въ сихъ странахъ; видѣ и теперь открываютъ въ нихъ развалины, основанiя укрѣпленiй, домовъ, памятники, горшки съ монетами, вещи серебряныя, золотыя, мѣдныя, мраморныя и проч. Имена нѣкоторыхъ колонiй и въ Трансильванiи понышѣ удержались: *Colonia Claudia*, гдѣ нынѣ *Claudiopolis*, столица сей страны (по Венг. *Köszvár*, по Нѣм. *Klausenburg*); *Alba Julia* и проч.

Сие завоеванiе подало Римлянамъ случай познакомиться со всею страной до самой цѣпи *Карнатскихъ горъ*; и съ сихъ поръ граница *Ящеролази* (*Sarmatia*) отдвинута къ упомянутой цѣпи горъ и рѣкѣ *Днѣстру*.

Однакомъ, нападениа *Варваровъ* на Римскiя области и послѣ приписывались вообще только *Ящеролазьямъ*! Что за народъ были сiя страшные навадки, надѣ голубыми глазами конхъ издѣвались *Чернолазы* жители *Греци* и *Италiи*, угадаешь, если вспомнишь, что *Татарщина* была тогда еще по ту сторону *Болгарь*, во внутренней *Ази*; а *Финискiя племена*, по свидѣтельству уже тогдашнихъ *Землеисцевъ*, находились далеко на *Сверь* въ самомъ жалкомъ положенiи. См. *Tacit. Annal. § 43, de Phœniis*.

Между тѣмъ надлежало, скоро или поздно, узнать обстоятельнѣе сiю обширную *Ящеролазю*. Надѣ описанiемъ ея трудились *Страбонъ*, *Помпонiй Мела*, *Птоломей*, *Плини*, и нѣкоторые другiе; но оставили намъ впрочемъ только краткое, неясное исчисленiе горъ, рѣкъ, городовъ и племенъ, безъ всякой почти связи; притомъ названiя упомянутыхъ предметовъ взяты изъ *Греческаго языка*, и суть, для критика, одного достоинства съ *Ящеролазьями*, *Чернолазьями* и

пр. Впрочемъ, можетъ быть, могли они иногда употреблять и настоящія названія предметовъ, нѣсколько искаженные.

Изъ всего этого Ящероглазята хаоса въ Римской Исторіи выказывается перѣдко имя *Роксолана*, сильнаго племени по Днѣпру и Бугу; они дѣлали сильными нападеніями изъ-за Днѣстра, сѣверной границы Римской Дакии, не только до Дуная, но даже въ Мѣлю. Впрочемъ, Римскіе Историки весьма часто покрываютъ ихъ общимъ именемъ Ящероглазыхъ. Однако *Роксолана*, ибо они жили въ I, II и III столѣтіи у Днѣстра, нельзя принимать за Болгарь.

Здѣсь же любопытно узнать, какими именами Римляне или Греки называли въ сіе время Болгарь, жителей Волги, прежде нежели стали быть они известными подъ именемъ Гунновъ. Сосѣдей Роксолановъ въ Крыму и его окрестностяхъ Плиній называетъ *Киммерами*, которые, говоритъ онъ, сѣверный или Ледовитый Океанъ называютъ *Mori Maruza* (море мороза). Смотр. его Географію, въ отрывкахъ Ист. и Геогр., собранн. Графомъ Потоцкимъ. — На Дону, за Азовскимъ озеромъ, жили *Аланы* или, иначе, *Массагеты*. Сія рѣка была почти границею Греческихъ владѣній. Впрочемъ, Греки здѣсь также старались раздробить сей народъ на многія частныя подраздѣленія, которыя, говоритъ Марцеллинъ, противорѣчатъ другъ другу. Сей народъ занималъ всю Доно-Волжскую страну на неизвѣстное пространство къ Сѣверу; къ Югу ограничивался Кавказскими горами. Замѣтить, что Проконій Гунновъ называетъ именно и Массагетами. По Страбону, сія страна есть Азіатская Сармація. Греки (за ними и Овидій) жителей Дунайскихъ называли *Гетами* также, какъ и Ящероглазыми; Роксоланъ, по

имени рѣки Тугас (Дѣвирь), *Тыри-Гемали*; *Роме-Аланами* же потому, что сзади ихъ были другіе Аланы; почему сихъ Алановъ называли еще *Масса-Гемали*, неизвѣстно. Какъ бы то ни было, видно однако, что Греки и Римляне причисляли Массagetовъ къ Европейскимъ народамъ. Во владѣніа сихъ-то Массagetовъ (см. Justin. Historiar. L. I. cap. 8), въ Грузіи, вторгнулся было Персійскій Царь Киръ, коему Королева ихъ *Томира* такъ искусно отпятила. (Щемотли-во?) Они владѣли, видно, и Закавказскими областями, и искони вели дѣла съ Арменіей и Персіей.

Римляне, завоевавъ всю Анатолію или малую Азію, и вошедъ въ непосредственныя дѣла съ Арменіей и Персіей, здѣсь познакомились съ ними и ихъ называли Парянами (Parthi). Воинственный духъ побуждалъ ихъ къ походамъ на Югъ и Востокъ Азіи, точно какъ послѣ въ Европѣ. Здѣсь-то они сдѣлались соперниками Римлянъ, принимавшихъ подъ свое покровительство всѣхъ Азійскихъ народовъ, которые желали возстать противъ Парянъ. Паряне въ свою очередь всегда ненавидѣли Римлянъ и стремились разорить Имперію; что дѣйствительно и удалось имъ довершить, какъ увидимъ въ послѣдствіи. Таинствъ говорить, что единственными военными силами Парянъ состоятъ въ отличной конницѣ. L. 6. C. 31. Впрочемъ, имя *Паряне*, какъ нарицательное, не могло быть долговѣчнымъ; оно вошло было въ употребленіе на мѣсто Массagetовъ, а послѣ сѣбно Гуннами, что видно изъ самой Исторіи Кавказскихъ странъ; да и Chronicon Paschale именно говоритъ, что Гунны или Скимы названы были Парянами. См. Memoir. Pop. in Hunnicis. Впрочемъ, много дѣяній ихъ съ Персами покрыто общимъ именемъ Скимовъ. Между тѣмъ, владѣніа Кавказскими огра-

иши и Грузией оставалось за Гупнами еще и тогда, когда сие имя замещено Авастарами (Катзарами, Козарами и, наконец, Болгарами, которые потом должны были уступить Грузию Персамъ, а Тмутороканъ Россіи).—Вотъ что сказать можетъ здравая Критика о семъ запутанномъ дѣлѣ, и что именно сообразно съ вышеприведеннымъ уже мною понятіемъ о пребываніи *Дольваръ*, искони какъ Славянъ, на Волгѣ. Могу ществомъ ихъ служить твердымъ доказательствомъ, что они жили не по частямъ или отдѣльно, но составляли одно цѣлое, нераздѣльное тѣло.

Между тѣмъ (во II и III столѣтіи), въ Европѣ Римскія владѣнія въ Дакии подвергались поперекивающимъ нападѣніямъ Варваровъ изъ обширной Сармаціи. Историч. продолжаютъ называть ихъ то Скинами, то Варварами, то Сарматами; иногда встрѣчаются и особыя названія: Вандаловъ, Геруловъ, Готовъ. Сѣмъ послѣднимъ отнесется болѣе къ обширной странѣ, названной провинціею Германіей, т. е. *Братосѣмною*.

Изъ свидѣтельствъ древнихъ писателей нельзя составить себѣ яснаго понятія о политическомъ отношеніи обитателей *Братосѣмны*, и *Ящеровлазій*, раздѣленныхъ (въ понятіи только Римлянъ или Грековъ), национально рѣкою Вислою. Уже въ третьемъ столѣтіи однако стали показываться болѣе прочихъ одинъ народъ или племя, подъ именемъ *Готовъ*. (Готы—за гадія въ Исторіи. Нельзя безусловно вѣрить *Германду*, какъ Латинописцу, будто они вышли изъ острова Балтійскаго, Скандін. Они жили долго послѣ сего событія; по крайней мѣрѣ вѣрно то, что Готы появились сперва изъ страны Латышской (Ливеландіи, Лангемъ, Пруссіи.) Усовершенств. его оружія скоро стали быть существенными въ Римской Имперіи. Императоры, желая

привлечь къ себѣ пограничныхъ жителей, призвавъ ихъ подъ предводительствомъ противъ Готовъ. Такимъ образомъ Константинъ Великій вступился за юзерманскихъ *Лимеролазимъ* (*Sarmatae Limigantes*) и отражалъ Готовъ, которые на некоторое время удержались отъ своихъ покушеній на Имперію, но за то безчинствовали на Руси. Во второй половинѣ IV вѣка они двинулись еще сильнѣе на Югъ, во время несчастнаго похода Іуліанава противъ Персовъ. Въ короткое время всѣ владѣнія Римлянъ въ обширной Дакии съ ихъ колоніями потеряны навсегда; онѣ достались Готамъ, которые продолжали нападать чрезъ Дунай въ Мизію, Фракію, Македонію (366). Новый Императоръ, *Валентъ*, принужденъ былъ отражать ихъ силою, но въ 378 году при Адрианополѣ убитъ въ сраженіи. Храбрый Феодосій Великій, преемникъ Валента, дѣятельнѣе принялся за войну, чтобы выгнать Готовъ изъ своихъ земель. Въ то же время въ Россіи, со стороны Дона стали нападать на нихъ, по Іорнанду, *Аламы*, а по Грекамъ, *Гулмаз* (*Ουρροι*). Съ чего Греки такъ называли сихъ Донцевъ, неизвѣстно; но крайней мѣрѣ, находимъ имена *Алавы*, *Алавы*, *Алаунны* (*Alaunni*). Впрочемъ, при такомъ произволѣ, не нужно искать причины. *Іорнандъ*, нерѣдко слишкомъ пристрастный къ славѣ своихъ Готовъ, выставляетъ ихъ побѣдителями въ сей войнѣ, не смотря на то, что они были поражены. Онъ говоритъ, правда, и объ Гуннахъ въ другихъ мѣстахъ, заимствованныхъ изъ Византійцевъ. Дѣло въ томъ, что Готы вели войну съ однимъ только народомъ, Болгарами, — называютъ ли ихъ Гуннами, Аланами, Алауннами или Массагетами, все равно.

Итакъ, натиски Болгаръ съ Волги уже съ 360 года и неудачныя съ ними стычки Готовъ, принудили

последнихъ выступить изъ Россіи. Болгаре преслѣдовали ихъ и во всей Дакии. Въ то же время Готы отчасти вытѣснены и изъ-за Дуная Феодосіемъ, Римскимъ военначальникомъ. Въ 378 году сей самый Феодосій взошелъ на престоль Византійскій. Въ его царствованіе Готы держались еще кое-какъ въ Валахіи и Венгріи.

Чтобы представить себѣ яснѣ отношенія сихъ враждующихъ народовъ, надобно припомнить, что Готы изъ Литвы, точно какъ въ среднія времена и Литовцы, распространяли свои владѣнія по Россіи къ Востоку и къ Югу, и тѣмъ самымъ приходили въ соприкосновеніе съ двумя державами, *Римскою*, у Днѣпра и Карпатскихъ горъ, и *Болгарскою*, гдѣ-либо посреди Россіи. Впрочемъ, не надобно воображать, что въ Россіи тогда не было другаго народа посреди Готовъ и Болгарей, потому единственно, что имена сихъ только народовъ, какъ господствующихъ, замѣчены писателями Греческими или Римскими.

Сверхъ сего, Готы жилищами своими у устья Вислы граничили и съ другими Славянскими народами Германіи; можетъ быть, и туда простерли власть свою.—Гдѣ граничили Болгарскія владѣнія въ Русіи къ западу, неизвѣстно; но крайней мѣрѣ, знаемъ, что Доно-Азовская страна была центромъ ихъ державы; еще менѣе знаемъ, какъ далеко простиралась въ Сибирь на востокъ; заключать же ее въ областяхъ, лежащихъ къ самой Волгѣ, нѣтъ никакой достаточной причины; ибо хотя Болгаре искони и жили только въ одной Волжской странѣ, какъ колыбели своей, однако послѣдствіи могли распространяться повсюду въ окружность, что именно подтверждаетъ и Исторія. Сверхъ сего, трудно знать, гдѣ было то мѣсто (столица), около коего обращалась вся ихъ государ-

ственная машина. Можно однако съ вѣроятностью предположить, что оно находилось въ болѣе теплой, и плодородной части сей Державы, и если не на Волгѣ, то на Дону, или даже у береговъ Азова.

И такъ, въ IV столѣтїи Россїя была театромъ борьбы между двумя народами, въ коей верхъ взяли Болгаре; и . . съ тѣхъ поръ Россїя долго, долго оставалась отчасти подъ ихъ господствомъ, отчасти же вліяніемъ; съ сего-то времени и Готы не могли болѣе удерживать стремленїя къ завоеванїямъ сего воинственнаго народа.

Болгаре вскорѣ достигли Карпатскихъ горъ (380 г.), и тѣмъ пресѣкли связь Дакійскихъ Готовъ съ Литво-Прусскими, оставшимися въ прежнихъ своихъ жилищахъ у Балтійскаго моря; потомъ понеслись далѣе къ югу, поражая ихъ въ Молдавіи, Валахіи и Венгріи, и принудили ихъ искать убѣжища у Императора Феодосїа, который отвелъ имъ жилища въ разныхъ мѣстахъ Придунайскихъ Префектуръ, преимущественно въ пограничной Мизїи. Готы, лишившись такимъ образомъ сообщенїя съ родиной, принуждены были скитаться по Европѣ; имъ даже и не хотѣлось изъ благоприветнаго климата и плодородныхъ странъ южныхъ возвращаться въ сухія, песчаныя Латышскїя свои страны. Впрочемъ, сїи Готы составляли болѣе войско, чѣмъ народъ въ строгомъ смыслѣ, а носку были и подвижныѣ.

Въ правленїе Феодосїа Великаго (380-395 г.) Болгаре заняли всѣ Римскїя владѣнїя по сїю сторону Дуная, отнятыя у Готовъ: Молдавію, Валахію, восточную Венгрію, и Трансильванію. Горы сей последней послужили убѣжищемъ для Римскихъ колонїй. Сїи плодородныя страны, обратившія было на себя

все имущество Римского двора, были несомненным приобретением для Болгарь, которые нахлынули на них, как прежде Итальянцы, и въ непродолжительное время всю Дакію можно уже было назвать Болгаріей. Тогда правилъ сами завоевателями отецъ Аттилы, *Мундзулх*, какъ называли его Греки.

Послѣ смерти (395) Феодосія Великаго, Имперію раздѣлили между собою два его сына; *Аркадію* досталась Восточная, *Гонорію* Западная. Первые годы царствованія сихъ Императоровъ прошли довольно спокойно. Болгаре, довольные на некоторое время столь важнымъ и обширнымъ приобретениемъ, не тревожили Имперіи своими нападеніями. Только остатки Готовъ, а именно вытѣсненные изъ Восточной Венгрии, перешли чрезъ Дунай въ Паннонію, Иллирикъ, а такъ и въ Италію, гдѣ послѣ были виновниками разныхъ переворотовъ, пока, наконецъ, основали особенное царство *). Межъ тѣмъ скончался (409 или 410) Аркадій, оставивъ Имперію сыну, Феодосію II. Межъ тѣмъ возросъ и Аттила, и принялъ въ свои руки кормило правленія.



*) См. еще статью Воеводина: «Нѣчто къ изысканіямъ о Готтахъ» въ Читаніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. 1847, № II.»

Тамъ же, 1847, № III. «Объ Образахъ, ихъ царствѣ и его предѣлахъ.»

Тамъ же, 1848, № V. «О нашествіи Зарисландскихъ Славянъ на Русь до Руриковыхъ временъ.» *Изд.*

VI.

АТТИЛА.

БОЛГАРИЯ, ДЕРЖАВА МЕЖДУ ДУНАЕМЪ И ВОЛГОЮ;
СОСТОЯНІЕ ЕЯ ВЪ ПРАВЛЕНІЕ АТТИЛЫ.

410 — 454 г.

Итакъ , переходъ Болгарь къ Дунаю нельзя принимать за переселеніе всего Болгарскаго народа съ Волги на Дунай. Съ *Волги*, повторю, не значить съ береговъ сей рѣки , а просто изъ старой Болгаріи , заключавшей въ себѣ и Волгу , и Донъ , и нынѣшнія Новороссійскія Губерніи. На Дунай значить въ Дакію , т. е. Бессарабію , Молдавію , Валахію , Венгрію. Переходъ Болгарь къ Дунаю , въ точномъ смыслѣ , есть не иное что , какъ только распространеніе ихъ владѣній на югъ , къ сей рѣкѣ. Потому , слово *переходъ* или *переселеніе* адѣсь очень не кстати , и даже противно Исторіи ; ибо представляетъ мысль , будто всѣ Болгаре оставили свои жилища на Волгѣ ; что несправедливо , потому что сіи страны остались въ ихъ владѣніи еще нѣсколько столѣтій спустя. Итакъ , страна , по Греческому или Римскому , *Дакія* , а въ самомъ дѣлѣ , Дунайская , т. е. *Венгеро-Валахо-Молдаво-Бессарабская* Болгарія , и Болгарія *Днѣпро-Донско-Волжская* , въ то время составляла одно политическое тѣло , подраздѣлявшеся на части , кажется , совсѣмъ иначе , нежели какъ мы , по недостатку вѣрныхъ свидѣній , себя воображаемъ. Границъ сего Государства къ Балтійскому морю , къ сѣверу и востоку , какъ уже сказано выше ,

опредѣлить нельзя, потому-что объ этомъ сами Византійцы ничего не знали; но крайней мѣрѣ, видимъ, что южную линію онаго составляли Каспійское море, Кавказъ, Черное море и Дунай. Столицу сей монархіи изъ Руси въ Дакию первый перевелъ Атиллѣ. Впрочемъ, сей неукротимый завоеватель болѣе проживалъ посреди арміи въ палаткѣ и на бивакахъ, чѣмъ въ чертогахъ посреди своей Державы. Враждуя съ Имперіями, Восточною и Западною, онъ жилъ больше всего въ Дакии, а именно въ Темешскомъ Банатѣ, въ сосѣдствѣ съ обьими.

Нагрѣваясь представить только главныя черты Болгарской Исторіи, я не стану исчислять всѣхъ дѣяній Атиллы, довольно известныхъ изъ Лѣтописей, преимущественно въ отношеніи къ Имперіямъ. Пусть другіе займутся симъ дѣломъ. Здѣсь обращаю я вниманіе на важнѣйшія его дѣянія, которыя покажутъ намъ, какую роль играли Болгаре въ Европѣ въ V столѣтіи.

Первые годы царствованія Атиллы прошли въ усмирненіи разныхъ племенъ, жившихъ въ Сѣверной части его владѣній, «*Амилзуровъ, Итимаровъ, Тункассиевъ и Воисковъ,*» говорятъ Византійцы. Такъ или не такъ, не стану спорить; главное то, что онъ имѣлъ дѣла на Руси. Болгаре, сдѣлавшись сосѣдами Имперіи, по всей Дунайской линіи отъ Пешта до Чернаго моря, заводили споры съ Византійцами, которые кончились нападеніемъ на ихъ области (426 г.). Война прекращена миромъ, заключеннымъ въ Дунайскомъ городѣ *Мартъ* между послами Императора *Шминтою* и *Емисею*, и уполномоченными Атиллы, на слѣдующихъ условіяхъ: «I. Императоръ возвратитъ всѣхъ Гуннскихъ переметчиковъ, и нѣжныхъ Ривлянъ, возвратившихся въ отечество безъ выкупа; или ввѣстѣ

за каждого изъ нихъ по 8 золотыхъ монетъ. II. Византизмамъ, въ случаѣ войны Гунновъ (Болгаръ) съ какими-либо сосѣдними народами, должно наблюдать нейтралитетъ. III. Торговля сношенія между Гуннами и Императорскими подданными имѣютъ быть на равныхъ правахъ и преимуществахъ; обезпеченіе торговли обоюдное. IV. Римляне будутъ платить (Болгарин) ежегодно 700 фунтовъ золота, т. е. вдвое больше противъ прежняго. Трактатъ наблюдать свято.» Слова Приска. Vid. Prisc. apud Stritt. in Hunn. p. 451. «По заключеніи сего мира,» говоритъ Прискъ, «Аттила съ братомъ своимъ *Вледоме* опять обратился въ Скицію» (на Русь) «противъ (какихъ-то) *Сороссовъ.*» (со-Россовъ? Россовъ или *Зоробнос*, Со-Росскихъ-Русскихъ?)

438—443 г. Однако миръ съ Имперіей продолжался не долго. Началась опять жаркая война. Аттила взялъ городъ *Марс*, опустошилъ всю Мизію, наконецъ, послѣ Херсонскаго сраженія, съ Императорскимъ чрезвычайнымъ посланникомъ, *Анамоліемъ*, заключенъ миръ на слѣдующихъ условіяхъ: «I. Българцевъ возвратитъ Королю. II. Вознести ему единовременно 6,000 фунтовъ золота. III. Ежегодно вносить 2,100 фунтовъ. IV. За Римскихъ пльвиниковъ платить выкупъ, по 12 червонцевъ за каждого. V. Не давать убѣжища българамъ, его подданнымъ.»

Вамѣтимъ здѣсь, что продолженіе мирнаго времени происходила весьма значительная торговля между подданными обѣихъ державъ. Извѣстно, что южные берега Дуная устья были городами. Каждый изъ нихъ имѣлъ свои ярмонки, называемыя *Панпурыс*, учрежденныя съ согласія обѣихъ державъ. На оныя тогда стекалось множество народа съ обѣихъ сторонъ. Прискъ говоритъ подъ сими годами (въ пере-

вождь Стратг. in Hunnicis pag. 48 д.): *Scythae*, quo tempore mercatus Scytharum et Romanorum frequenti multitudine celebratur, и проч. См. Not. Constantari ibid.

444 — 446 г. Феодосию II было весьма прискорбно принимать столь унижительныя для Имперіи условія; но невыгодное положеніе его въ сіе время, по причинѣ разрыва съ Визиготами въ Африкѣ, Персами, Арабами и Иаврійцами, принудило его согласиться на условія, которыя трудно было вдругъ исполнить. Даничь въ казнь на сей разъ почти не было; Король за него и быженцами прислалъ Воеводу *Сколлама*. Императоръ послалъ; Король прислалъ втораго, третьяго посла, и вдругъ возобновилъ непріятельскія дѣйствія. Ванты приступомъ два аниментныя Дунайскіе города: *Риміарія* и *Сингидунъ*; отнята область *Сирмія* между рѣками Дунаемъ и Савою съ городомъ *Сирміемъ*, столицей Панноніи; въ Мизіи разораны *Нисса* и *Сардика* (нынѣ *Совія*); опустошеніе распространено и на *Фракію*.

447 г. «Между тѣмъ, *Ермонъ* (*Ермонъ* *)», говорить Приска, «одинъ изъ храбрѣйшихъ полководцевъ Атиллы, прибылъ опять посланникомъ въ Констан-

*) *Отрокочи* (*Otrokotsius*) въ своей *Orig. Hungar. Part. II*; и послѣ него и многіе другіе изъ Венгерскихъ писателей спорятъ объ этимологическомъ объясненіи изъ Венгерскаго языка именъ Болгарскихъ, встрѣчающихся у Приска. Для сего они прискиваютъ созвучныя слова изъ своего языка, иногда и мало похожія. Но замѣтимъ, что къ одному имени можно отыскать созвучныя слова и во всякомъ другомъ языкѣ. Впрочемъ сей родъ объясненій принадлежитъ къ *лиманной эпохѣ* Исторической критики. Нынѣ отчасти и самыя Венгры смѣются надъ подобными толкованіями.

титулом кнѣзѣ съ *Оросмоис*, *Гресонъ*, родомъ изъ *Напнокін*, леканой между римани *Дунаскъ* и *Савою*, и уступленней *Болгарин* по трактату съ военачальникомъ *Западной Имперіи*, *Асміаис*, и по сему принадлежавшии къ числу подданныхъ *Агилы*. *Едиконъ*, на данной ему аудіенціи, вручилъ Императору писаніе своего Государя, въ коемъ сей послѣдній предлагалъ слѣдующія условія: I. Возвратить немедленно его бѣглецовъ. II. Чубы Римскіе подданные не проживали въ новопріобретенныхъ изъ (за *Дунаскъ*) областяхъ въ дѣлну отъ *Напнокін*, по той сторонѣ *Дуная*, да города *Несс* по *Фракии*, а въ ширину 15 дней пути. III. Чубы арменскіе не были, какъ прежде, на *Дунаѣ*, но въ *Иссѣ*, которую онъ, вѣзгунъ преступокъ, назначаетъ предѣломъ между своими и Императорскими владѣніями. IV. Къ нему должны быть присланы чрезвычайныя Императорскіе посланники, именно: нуніи знаменитые и консульскаго достоинства, коиъ онъ дастъ аудіенцію въ *Сардиніи*, въ публичной квартирѣ. (По вѣдомому, Король хотѣлъ научить Императора Дипломатическому праву, что къ первоепенной *Державѣ* должно посылать первѣйшихъ сановниковъ Государства.) Послѣ аудіенціи, *Едиконъ*, обозривъ дворецъ, встрѣтился съ *Хрисаеіи*, любимцемъ Императора *Феодосія II*. Посланникъ изъявлялъ удивленіе о изысканности и богатствѣ поведенія; *Хрисаеіи* чрезъ *Визилу* толмача отвѣчалъ, что и его ожидаетъ подобное богатство, если онъ перейдетъ къ *Римлянамъ*; *Едиконъ* возразилъ, что слугѣ и подданному, измѣннику свое отечество, сего сдѣлать непристойно. *Хрисаеіи* спросилъ оиать у *Едикона*, имѣеть ли онъ легкій доступъ къ *Королю*, и какой чинъ означаетъ; сей отвѣчалъ, что онъ весьма вхожъ къ

своему Монарху, и начальствовать его тѣхохранителями кѣсьтъ съ другими вельможами, которые, по определеннымъ днямъ, вооруженные исправляютъ службу при своемъ Государь. Тогда Хрисаеій наискнуль, что можетъ доставить ему величайшее счастье и почести, и изъявилъ желаніе поговорить съ нимъ о семъ на единѣ, а именно, если послѣ ужина посланникъ посѣтитъ его безъ Ореста и прочихъ чиновниковъ посольства. Едиконъ обѣщался, и послѣ ужина дѣйствительно прибылъ къ любимицу Императора. Тогда Хрисаеій чрезъ толмача поклялся посланнику въ томъ, что будетъ говорить о дѣлѣ, для него полезномъ, и требовагь взаимной клятвы въ томъ, что посланникъ не разгласитъ цѣлебной ему тайны, если и не согласится на предложеніе. Это было исполнено. Еднухъ сказагь тогда посланнику, что, если онъ, возвратясь къ своему двору, умертвить Короля и перейдетъ къ Византіянамъ, то принять будетъ съ великими почестями, и будетъ жить въ великомъ богатствѣ и счастьи между ними, и проч. и проч. Посланникъ согласился, прибавя однако, что нужны деньги, по крайней мѣрѣ 50 фунтовъ золота, на подкупъ тѣхохранителей; Еднухъ тотчасъ бросился было за деньгами, но Едиконъ прибавилъ, что прежде ему должно просто возвратиться къ Королю съ отвѣтомъ Императора, и взять съ собою Видулу толмача, когото онъ, если нужда потребуетъ, отправить въ Константинополъ за условленными деньгами; что теперь ихъ принять не должно, ибо нельзя скрыть ихъ ни отъ своихъ чиновниковъ посольства, ни отъ Короля, который непремѣнно спроситъ, отъ кого и сколько получилъ подарковъ въ Константинополѣ. Еднухъ, признавъ доводы посланника сира-

ведливыми, согласился на исполненіе его желанія и, отпустивъ его, уведомилъ немедленно Императора о своемъ замыслѣ. Императоръ принялъ предложеніе съ удовольствіемъ. По совѣту съ Гофмаршаломъ *) *Марциалиемъ*, соучастникомъ всѣхъ тайнъ Кабинета, рѣшено было отправить къ Королю *Визилу*, соучастника замысла; а *Максимиана* вельможу, незнавшаго о семъ ничего, для прикрытія заговорщиковъ, чрезвычайнымъ Посланникомъ по дѣлу о трактатѣ. *Максимианъ*, отправляясь въ путь, причислялъ меня (говорить про себя *Прискъ Риторъ*, сочинитель сего повѣствованія) къ своей семьѣ.»



VII.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ ВИЗАНТІЙСКАГО ПОСОЛЬСТВА КО ДВОРУ АТТИЛЫ, ПИСАННЫЯ СЕКРЕТАРЕМЪ ОНАГО ПРИСКОМЪ РИТОРОМЪ.

Сія Записка съ перваго взгляда, можетъ быть, покажется здѣсь неумѣстнымъ; но какъ онѣ писаны очевидцемъ, совершившемъ путешествіе въ среднюю Гунновъ, и срисованы, такъ сказать, съ натуры, то для изыскателя и народописца онѣ драгоценный подарокъ. Я старался короче познакомить Россіянъ съ ихъ соотчичами, *Гуллами*, и если мои доводы кому либо не показались яснѣе полуденнаго свѣта (*Luce meridiana clariore*), то въ семъ случаѣ недовѣрчивыхъ прошу послушать самаго очевидца, въ полной мѣрѣ подтверждающаго изложенныя мною выше положенія. Посему, сіи Путе-

*) «О Марциалахъ» см. статью *Венелина*, въ чтеніяхъ въ И. О. Ист. и Ар. Р. 1848, № VIII. Изд.

ныя Вещицы, служащія доволительно и рѣшительными доказательствами, необходимо должно было внести въ число изысканій. Я ихъ предлагалъ въ томъ видѣ, въ какомъ они находятся у Стриттера. Vid. Memos. Populet. in Nippisic.

Итакъ, мы вступили въ дорогу вмѣстѣ съ возвращающимся посольствомъ Короля, и, послѣ 13-ти дневнаго пути, прибыли въ Сардику» (нынѣ София, а но-Болгарски *Тридама*). «По прибытїи въ сей городъ, мы пригласили Едикона съ его свитою откушать съ нами. Столъ былъ у насъ порядочный; жители доставили намъ довольно говядины и баранины. Во время обѣда Гунны (Болгаре) стали превозносить Аттилу, а мы Императора. Толмачъ Вигила возражалъ, что не прилично человека (Аттилу) сравнивать съ Божествомъ (Феодосіемъ II). За это сравненіе Болгаре разсердились, мы же начали обращать разговоръ на другое, и старались ласкательными словами укротить ихъ гнѣвъ. Послѣ обѣда Максиминъ, чтобы совершенно примириться съ чужимъ владычествомъ, предложилъ Едикону и Оресту подарки — шелковыя платья и Индѣйскія жемчуга. — Орестъ дождавшись, пока Едиконъ оставилъ общество, обратился къ Максимину, и хвалилъ его благоразуміе, что не вмѣшался въ общій разговоръ, явно противный обоимъ Государямъ; сверхъ сего, захватилъ ему, что и прочіе, дѣлая Едикону подарки, его (Ореста) пренебрегли. Мы, не зная, къ чему относились сіи слова Ореста, спрашивали его, въ чемъ и какимъ образомъ произошло сіе пренебреженіе; но онъ, не сказавъ ни слова, вышелъ. На другой день, продолжая путь, я сошелся съ Вигилою и повторилъ ему слова Ореста. Но онъ отвѣчалъ, что Орестъ не долженъ отнюдь сердиться за неполученіе подарковъ на равнѣ съ Еди-

помощь; ибо еще есть только Нисецъ или Секретарь Короли, а Единствъ знаменитый вождь и Величаша Синои, и много выше его достоинства. За сего, Вигла обратился къ Едикону, и говорилъ съ нимъ на его отечественномъ языкѣ, послѣ опять къ намъ, утверждая, что (правда ли или лажъ, не знаю) сего сказанное ими повторилъ Едикону, а послѣ на насъ такъ рассердился, что едва съ великимъ трудомъ можно было его нѣсколько усмирить.»

По видному, Орестъ сталъ подозрѣвать ничто; плутъ же Вигла, орудіе Византійской шестоги, спасался, чтобъ не открылся заговоръ.

«Наконцѣ, мы прибыли въ городъ Ниссу, совсѣмъ разоренный неприятелемъ, и оставленный почти вовсе жителями своими; только въ развалинахъ деревни находилось по нѣскольку больныхъ. Перешагъ рѣку» (Ниссу, на кой стоитъ городъ), «мы пустились чрезъ холмъ. (Всѣ приобретенныя мѣста еще усѣяны были костями убитыхъ въ бѣднѣхъ адъхъ сраженіи.) На другой день прибыли въ главную квартиру Аеммеса, главноначальствованнаго войсками въ Иларикъ, находящуюся не подалеку отъ Ниссы. Императоръ далъ ему повелѣніе отпустить намъ 5 Гунскихъ бѣгловъ, для пополненія числа 17, коихъ обещался возвратитъ Атилъ. Начальникъ, отпуская бѣднѣхъ дезертировъ, утѣшалъ ихъ словами.»

Изъ сего видно, что Атила не намѣренъ былъ принять Византійскихъ пословъ въ Сардикъ; они ѣхали въ самую Болгарію.

«Переночевавъ, мы взяли направленіе отъ горъ Нисскихъ къ Дунаю; въ дорогѣ, послѣ разныхъ мѣшаникъ, переходовъ, нашли на одно селеніе. Отсюда пробравшись, чрезъ мѣста ровныя и влажныя, намо-

ишь къ берегу Дуная. Здѣсь марсареніе (Болгарскіе) перевозчики приняли насъ въ свои лодки, которыхъ они дѣлають, выдолбивъа толстыя деревья (бревна). Онѣ лодки были приготовлены не для нашего перевоза, а для переправы на южный берегъ многочисленнаго непріятеля, съ котораго; говорили, мы встрѣтились на дорогѣ. Кажется, что Алтыла выступалъ въ походъ тамъ легко, какъ на охоту. Таковы были его приготовления къ войнѣ за то, будто нами не возвращаютъ ему переметчиковъ.»

«Переправившись чрезъ Дунай, мы прошли версть 15, какъ насъ остановили на одномъ мѣстѣ, и велѣли дожидаться пока Едиконъ отправится къ Королю, и извѣститъ его о нашемъ прибытіи. При насъ оставлены были воины, долженствовавшіе провожать насъ, какъ иностранцевъ. Къ вечеру, во время ужина, послышался топотъ лошадей, къ намъ приближающихся. Вдругъ появились два всадника; они велѣли намъ ѣхать къ Королю. Мы просили ихъ отлучать съ нами; они сошли съ лошадей, присѣли къ намъ, и отужинали вмѣстѣ: на другой день они насъ проводили; и мы въ 8 часу приближились къ палаткѣ Государя-полководца, вокругъ коей было множество другихъ.» (Это былъ лагерь.) «Мы хотѣли распустить нашу палатку на одномъ возвышеніи, но намъ запретили, говоря, что палатка Короля слишкомъ близка, и мы должны были остановиться тамъ, гдѣ намъ назначили.»

«Вскорѣ прискакали къ намъ *Едиконъ*, *Скотанъ*, *Орестъ* и другіе непріятельскіе чиновники, и стали отъ насъ спрашивать: *Для чего, по какому поводу прибыли мы сюда? Мы смотрѣли одинъ на другаго отъ удивленія при столь странномъ вопросѣ. Но они настаивали, и стали заводить шумъ, чтобы вынудить*

у насъ объявленіе. Мы отвѣтали, что имѣемъ повелѣніе отъ нашего Государя сообщить его желанія одному только Королю. *Скоманъ*, разсердившись на сей отвѣтъ, прибавилъ, что получилъ повелѣніе отъ самаго Короля узнать причину нашего прибытія; ибо, продолжалъ онъ, вашу хитрость и низость въ дѣлахъ мы знаемъ. Мы начали увѣрять, доказывать, что еще никогда не было ни закону, ни обыкновенію, чтобы посланники разглашали всякому вѣрныя имъ препорученія прежде, нежели допущены будутъ къ тому, къ кому онъ прямо отъносится; что сіе имъ самимъ должно быть извѣстно, поелику они были посланниками въ Константинополь; и что имъ позволено было, того и они же не должны отвергать, а поддерживать права посольства. Получивъ сіе въ отвѣтъ, возвратились къ Атилѣ, и скорѣ опять къ намъ, но безъ Едикона. Тутъ они высказали сами всѣ порученія вѣрныя намъ Императоромъ и прибавили, чтобы мы, если болѣе извѣстныхъ имъ уже порученій не имѣемъ, тотчасъ возвратились во свояси.»

«Въ семъ положеніи мы не знали, что предпринять; никакъ не могли понять, какимъ образомъ тайныя порученія Императора, о коихъ и самыя даже боги не могли извѣдать, открыты Атилѣ. Какъ бы то ни было, мы рѣшились ни о чемъ не говорить касательно нашихъ порученій прежде, нежели допустить насъ къ Королю, и сказали имъ рѣшительно, что какія бы ни были вѣрныя намъ порученія, мы можемъ вѣрить ихъ только Государю лично, и что болѣе не станемъ ни съ кѣмъ переговариваться. Итакъ, они настояли, чтобы мы отправились въ возвратный путь.»

«Во время приготовленія къ отъезду, Вигила упре-

жалъ насъ за отвѣтъ; ибо враздѣ лучше было, говорилъ онъ, сказать что-либо, чѣмъ, не сдѣлавъ ничего, возвратиться домой; если бы я, прибавилъ, поговорилъ съ Королемъ, то всѣ несогласія между обѣими державами прекратились бы, чѣмъ болѣе, что я уже прежде оказалъ ему услуги во время заключенія договора съ Анатоліемъ; сею же мнѣнїя и самъ Едиконъ. Правду ли онъ говорилъ или нѣтъ, не знаю; онъ мѣтилъ однако на то, чтобы подъ видомъ посольства исполнить тайныя порученія нашего двора касательно умерщвленія Аттилы. Но онъ не зналъ, что умыселъ былъ открытъ; ибо Едиконъ, притворно ли согласившійся на предложеніе Хрисафія, или боявшійся доноса Королю отъ Ореста за Сардинскую шцену, или за тайныя сношенія безъ него въ Константинополь съ Хрисафіемъ и Императоромъ, открылъ своему Государю заговоръ на жизнь его, и число денегъ на подкупъ стражи, за кони Вигила долженствовалъ возвратиться въ Константинополь, и все то, о чемъ долженъ былъ переговаривать настоящій посолъ (Максиминъ).»

«Осѣдлавъ лошадей, по необходимости мы, уже вечеромъ, отправлялись въ обратный путь, и рѣшились ѣхать ночью, какъ вдругъ прискакали за нами воины съ повелѣніемъ Короля, чтобы не пускаясь въ путь въ темную ночь, возвратились на мѣсто, на которое тотчасъ привели и зарѣзали намъ быка; сверхъ сего принесли намъ рѣчной рыбы, присланной Королемъ. Поужинавъ, ложились спать. При разсвѣтѣ мы ласкались надеждою, что Король, смягчившись, приметъ насъ благосклоннѣе; однако, онъ велѣлъ намъ сказать, что если не имѣемъ сказать болѣе того, что уже ему извѣстно, то должны возвратиться домой. Итакъ,

мы препоясались въ дорогу, не давъ никакого отвѣта, не смотря на то, что Вигила убѣдительно совѣтовалъ сказать Королю, что имѣемъ еще что-то сообщить ему, для него весьма важное.»

«Захѣтивъ прискорбіе Максимина, я рѣшился сходить въ палатку *Скотана*, и взялъ съ собою *Рустиція*, знающаго здѣшній языкъ (Болгарскій, *barbarogum linguae peritus*), и прибывшаго съ нами сюда по собственнымъ дѣламъ къ Констанцію, уроженцу Италіанскому, присланному Атилѣмъ *Аетіемъ*, первымъ тогдашнимъ полководцемъ Западной Имперіи, для его Латинской переписки съ Римскимъ дворомъ. Черезъ Рустиція я разговаривалъ съ *Скотаномъ*, коему обѣщалъ отъ имени Максимина великіе подарки, если откроетъ ему доступъ къ Королю; ибо Посланникъ желаетъ заключить договоръ, который будетъ весьма полезенъ не только Имперіи, но и его народу, и проч. Убѣжденный моими словами, онъ сѣлъ на лошадь и поскакалъ къ палаткѣ Короля.»

«Я же возвратился къ нашей, гдѣ нашелъ Максимина и Вигилу въ величайшемъ недоумѣніи и страхѣ. Я рассказалъ Посланнику о моемъ посѣщеніи *Скотана* и о его поѣздкѣ къ Государю, и просилъ его приготовить обѣщанные ему мною подарки, и придумать рѣчь, коюю должно будетъ привѣтствовать гордаго Монарха. Итакъ, они встали (я ихъ засталъ лежащихъ на травѣ), похвалили меня за предприимчивость, и велѣли позвать навадъ часть нашей свиты, выступившей уже въ путь. Тогда стали думать, какъ привѣтствовать Короля и поднести ему Императорскіе подарки.»

«Между тѣмъ, прибылъ къ намъ *Скотанъ* съ пожеланіемъ приготовиться къ аудіенціи. Наконецъ, мы от-

правялись къ палаткѣ Государя, окруженной множе-
ствомъ стражей. Когда мы вошли, Аттила сидѣлъ на
троиѣ или деревянныхъ креслахъ; мы остановились
поодаль; Максиминъ, подошедъ къ нему, поклонился
и, вручая письмо Императора, сказалъ: *Императоръ
желаетъ Вашему Величеству и всемъ вашимъ под-
даннымъ здравствовать.* Король отвѣчалъ: *да будетъ
и ему такъ, какъ мнѣ желаетъ* (1), и тотчасъ обра-
тился къ Вигилѣ. Онъ бранилъ его сильно, и спра-
шивалъ, для чего оиать къ нему прибылъ, когда
миръ заключенъ на такихъ условіяхъ, на которыя и
онъ и Анатолій согласился? и прибавилъ, что Импе-
раторъ не прежде могъ къ нему отправлять посоль-
ство, какъ только по возвращеніи всѣхъ бѣглецовъ,
находящихся въ его владѣніяхъ. Вигила же отвѣчалъ,
что ни одного переметчика болѣе нѣтъ въ Имперіи, и
всѣ возвращены. Симъ отвѣтомъ еще болѣе разгнѣван-
ный Король, сталъ бранить его еще болѣе, и приба-
вилъ, что онъ велѣлъ бы его повѣсить, еслибы не ува-
жалъ правъ посольства, за его безстыдство и дер-
зость; ибо, говорилъ онъ, въ Имперіи есть еще много
его бѣглецовъ, коихъ росписъ тотчасъ велѣлъ про-
честь своимъ писарямъ.»

Аттила имѣлъ достаточную причину настоять на выдачу
бѣглецовъ; ибо Византіяны покровительствомъ своимъ подава-
ли поводъ воинамъ его къ побѣгу; доказательствомъ тому
служитъ и провѣстіе съ Едикномъ. Аттила же, какъ
Государь воинственный, строго наблюдалъ дисциплину, и на-
казывалъ за измѣну отечеству.

«Когда отвѣтили число недостававшихъ, Король
тотчасъ велѣлъ *Еславу* (или *Восславу*) отправиться
съ Вигилою въ Константинополь и, по объявленіи
Императору, чтобы немедленно выданы были всѣ бѣ-

гленцы, пропавшаго въ его облачкѣ, возвратился тотчасъ съ отвѣтомъ: будутъ ли возвращены перекотки, или, въ противномъ случаѣ, желаютъ ли Византійцы продолженія войны. Максимиனு же велѣтъ дожидаться пока приготовится отвѣтъ на письмо Императора, въ коемъ сей послѣдній отзывался о Максиминѣ, какъ отличномъ Савонникѣ и Дипломатѣ, а о Вигилѣ, какъ опытномъ толмачѣ и проч. Вслѣдъ за симъ, принявъ подарки, насъ отпустили. По возвращеніи въ нашу палатку, мы перебрали все сказанное на аудіенціи отъ слова до слова. Вигила удивлялся, и не могъ понять, почему Атилла, бывъ благосклоннымъ и снисходительнымъ къ нему во время перваго его посольства, теперь бранилъ его столь жестоко. Я сказалъ, что по видимому, Королю донесла, какъ онъ въ Сардикѣ бранилъ его, а Императора сравнивалъ съ божествомъ; сего же мнѣнія былъ и Максиминъ, ничего не знавшій о тайныхъ козняхъ Вигилы и нашего двора. Вигилъ же, какъ онъ послѣ признался, и въ голову не приходило, чтобы кто-либо могъ донести Королю о Сардикской сценѣ, или объ умыслѣ на него, или чтобы самъ Едиконъ, поклявшійся молчать, могъ открыть тайну, за соучастіе въ коей долженъ былъ опасаться осужденія и казни.»

«Между тѣмъ какъ мы такъ разсуждали, но недлинно ничего не понимали, пришелъ къ намъ Едиконъ, и отозвавъ Вигилу нѣсколько въ сторону (ибо, по видимому, притворялся, будто дѣйствительно желаетъ съ нимъ посоветоваться объ исполненіи тайнаго ихъ замысла), велѣтъ ему при возвращеніи изъ Цареграда привести условенныя деньги для подкупа стражи и, кончивъ совѣщаніе, ушелъ опять. Когда я сталъ съ лободымствомъ выспрашивать Вигилу кас-

только его разговора съ Едикономъ, онъ сталъ меня обманывать, говоря совсѣмъ другое, будто Едиконъ разсказалъ ему, что Король очень сердитъ на него за невозвращеніе переметчиковъ etc., но онъ и самъ себя обманывалъ. Вслѣдъ за сѣмъ мы получили запрещеніе Короля выкупать Римскихъ плѣнныхъ у его подданныхъ, или покупать работу, лошадей, или чтобы то ни было, кромѣ съѣстнаго, до тѣхъ поръ, пока не заключится миръ между обѣими державами. Король поступалъ довольно прозорливо и хитро; ему хотѣлось поймать Вигилу съ полицнымъ, а Византійскій дворъ въ самомъ его тайномъ дѣйствіи; ибо лучшаго способа дѣйствительно не видѣлъ.»

«Итакъ, *Еславъ* и Вигила отправились въ Константинополь, будто для того, чтобы по повелѣнію Короля привести плѣнныхъ, а въ самомъ дѣлѣ, чтобы привезли обѣщанныя Едикону деньги. По ихъ отъѣздѣ, Король велѣлъ намъ дожидаться прибытія *Онизила* *), перваго его Совѣтника, Воеводу, находившагося тогда со старшимъ его сыномъ у *Акамзирова* (Козарь) правителя; ибо онъ долженствовалъ написать отвѣтъ на письмо Императора и принять, для храненія, подарки, присланные Королю и ему.»

«На третій день мы отправились со Дворомъ (за Аттилою) въ мѣста, лежація болѣе къ Сѣверу. Пройхавъ нѣсколько съ варварами, мы поворотили, по указанію нашихъ проводниковъ, на другую дорогу. Аттила же остановился въ одномъ селеніи, гдѣ хотѣлъ жениться (хотя уже имѣлъ нѣсколько женъ) на *Есканъ* дочери (?), сообразно (?) съ законами своего отечества.»

* Т. е. Нишиша (*Ο Νήσιος*). См. примѣчаніе стр. 88. Взд.

«Мы продолжали путь по странѣ ровной и обширной, и переправлялись чрезъ много рѣкъ судоходныхъ, изъ коихъ послѣ Дуная, величайшія: *Дрымонъ*, *Тиса* и *Тибиза*.

Еще не рѣшено, куда и гдѣ именно переправлялись чрезъ Дунай наши путешественники. Стритторъ намекаетъ, вмѣстѣ съ Кантокларомъ въ его замѣчаніяхъ на Приска, что они переправились чрезъ Дунай въ Молдавію, и ѣхали по оной къ Сѣверу. Но это несправедливо: отъ Ниссы они взяли на право, т. е. къ Сѣверо-Востоку, чрезъ горы Нисскія, по ближайшему пути къ Дунаю, чрезъ который переправились въ *Малую нынѣшнюю Валахію*. Это видно еще изъ слѣдующаго: а) они не долго пробыли на пути отъ Ниссы къ Дунаю, что не могло быть, еслибъ они ѣхали прямо къ Бѣгладу; б) если бы ѣхали отъ Ниссы прямо къ Сѣверу, то Прискъ упомянулъ бы о рѣкѣ *Морава*, съ которой должны были часто встрѣчаться; в) да и изъ общаго направленія пути Византійскаго посольства чрезъ Адрианополь, Софію и Ниссу видно, что оно шествовало прямо въ Венгрію.

Итакъ, лагерь Аттилы засталъ они въ западной части *Малой Валахіи*, прилежащей къ Банату. Замѣтимъ, что страны нынѣ тогда не нынѣшнія границы; ни Баната, ни Валахіи не существовало; страны сіи вверхъ по восточной Венгріи къ Сѣверу составляли одну область Аттилы. Посему, выраженіе Приска *ex superioribus partibus* значитъ отъ Дуная изъ *Малой Валахіи* въ Банатъ и Венгрію. Это подтверждаютъ имена рѣкъ, чрезъ которыя переѣзжали. Иорнадъ (de reb. Get. c. 34) называетъ ихъ *ingentia siquidem flumina i. e. Tisiam Tibisiamque et Driscam transeuntes* etc. Два первыхъ имени означаютъ, кажется, *Тису* рѣку, первѣйшую Вост. Венгріи; ее называли по Латыши и *Tisica*, и *Tibiscia*, и *Tibiscus*; послѣднее имя и нынѣ еще въ употребленіи. Переѣхавъ дважды чрезъ одну и ту же рѣку, путешественники приняли ее, кажется, за двѣ. Какъ *Дриксъ* или *Дрискомъ* нынѣ называется, не стану изъяснять. г) Наконецъ, некто прибавить: *Омискиѣ* съ символомъ

Аттилы находились тогда у Козарь, т. е. въ Молдавіи и Новороссіи. Аттила вѣгъгъ Посланнику дожидаться прибытія его оттуда; итакъ, еслибы они туда ѣздѣли, то вмѣсто прибытія Оннгизія явились бы къ нему сами, что однако произошло на оборотъ, какъ увидимъ ниже. Посему, дворъ находился дѣйствительно въ восточной Венгріи.

«Черезъ большія рѣки перевозили насъ жители со-сѣднихъ деревень. На пути, въ селеніяхъ намъ доставляли съѣстные припасы (*ἀντὶ μετ' ἐμοῦ Κεχρῶς ἀντὶ δὲ οἴνου ὁ Μεδος ἐπιχωριος καλουμηνος*; слова Приска), вмѣсто пшеницы (или пшеничнаго хлѣба) «*Кенхросъ* или *Кехерь*, а вмѣсто вина *Медъ*, жителями такъ называемыя. Проводники, намъ прислуживавшіе, приносили *Кенхросъ* и питье, дѣлаемое изъ ячменя, которое они называютъ *Камасомъ* (*Καμας*)»

Почтенный нашъ Авторъ, кажется, не слышалъ хорошо имени сего послѣдняго ячменнаго напитка, который есть *каасъ*, и который ему прислышался *Кмасомъ*, а на бумагѣ выписалъ *Камасомъ*. Что касается до *Кенхросъ*, то его значенія опредѣлить нельзя. Я слышалъ у Южныхъ Славянъ слово *Кехрица*, принадлежащее, не помню, какому-то естественному произведенію. Впрочемъ, изъ словъ Приска видно, что это не было ни пшеница, ни рожь, ни ячмень; не *Кукуруза* ли, *куруза*, или какъ называютъ Карпато-Россы, *Кендрица*? Межъ тѣмъ, можно предположить, что имя сіе пострадало нѣсколько подъ перомъ Приска.—И свидѣтельство сего очевидца, и упоманутыя имъ произведенія, показываютъ ясно, что Гунны вели жизнь осѣдлую и на лучшей степени хозяйственной образованности. И сихъ-то Гунновъ, гостеприимныхъ хозяевъ, господа Историкъ принимаетъ вы за Монголовъ, за Татаръ, которые не только что тогда, но черезъ 600 лѣтъ сущія, не угѣли, и теперь еще во большей части не угѣють ни пахать, ни сѣять, ни жать? И сихъ-то Гунновъ, живущихъ деревнями и селеніями, цѣвшихъ *медъ* и *каасъ*, вы принимаете

те за Монголоу или Татару, вичныхъ бродягъ, всегда пивавшихся одной скотиной, да кобылиной сывороткой?

«Наконецъ, послѣ долгаго пути, прибыли мы въ вечернее время къ одному озеру, которое снабжало близкія деревни водою (ибо воду изъ онаго можно было пить). Мы распустили свои палатки по близости онаго. Вдругъ сталъ дуть сильнѣйшій вѣтеръ, сопровождаемый ужасною грозою; палатку разметало, а вещи унесло въ озеро. Мы испугались, и во прагъ разсыпались, кто куда могъ, искать отъ грозы убѣжища. Наконецъ, достигли разными дорогами домовъ (селенія), собрались и съ крикомъ объяскивали, кто что потерялъ. Жители выбѣжали на сей шумъ на улицу съ лучинами, конми обыкновенно раскладываютъ огонь и освѣщаютъ комнаты, и приблизившись къ намъ спрашивали, что съ нами сдѣлалось и отъ чего мы такъ зашумѣли. Проводники отвѣчали, что гроза преслѣдуетъ насъ. Узнавъ это, они съ радущіемъ просили насъ къ себѣ, и дома разложили огонь сухими лучинами.» Истинно по Славянски. «Селеніемъ владѣетъ прежняя жена *Влада*, брата *Аттилы*. Она прислала намъ кушанье, и красавицъ, чтобы намъ пріятнѣе провести вечеръ; это у Скивоу почитается почестью.

Помѣстье! помѣщница! гостепримство! Galanterie! Etiquette; и Гуны все еще останутся въ Исторіи Кобійскими бродягами? Разительный примѣръ небрежности Византійцевъ въ народопознаніи! Прискъ, который обращался самъ съ народомъ, называетъ его то *Скивами*, то *Гунами*. Но usus tyranicus; сверхъ сего Прискъ не могъ познакомиться съ народомъ впроче; ибо, не понимая его языка, по неволѣ былъ глухимъ ко всему, его окружавшему.

«Поблагодарить женщинъ за кушанья, и откланявшись, мы легли и воздержались отъ увеселеній.»

Изъ этого явие, что женскій полъ у Гунновъ былъ очень на свободѣ. Можно ли подумать, чтобъ Гунны были Татары?

«На другой день мы пустились искать вещей, потерянныхъ нами ввечеру; мы нашли ихъ отчасти тамъ, гдѣ стояли наканунѣ, отчасти на берегу озера, частью же въ самомъ озерѣ. Мы сушили, ибо гроза миновалась и настала ясная погода, ихъ въ селеніи почти цѣлый день. Наконецъ, осѣдлавъ лошадей, а другихъ заложивъ въ повозки, мы отправились къ Королевѣ (т. е. бывшей женѣ брата Королевскаго) «откланяться ей и поблагодарить. Въ свою очередь, чтобы не уступить варварамъ въ этикетѣ, мы дарили ее серебряными сосудами, красною шерстью, Индѣйскимъ перцемъ, пальмами и грухими сухими плодами. Откланявшись, отправились далѣе. Пробѣжавъ шесть дней сряду, наши проводники заставили насъ подождать, пока Аттила проѣдетъ этою дорогою, и слѣдовать за нимъ послѣ. Мы встрѣтились здѣсь съ Послами Западнаго Императора, ѣдущими къ Королю. Замѣчательныя между ими были: Графъ *Ромулъ*, *Примусъ* Губернаторъ Норика, и Генераль *Романъ*. Съ ними былъ и Статсъ-Секретарь Аттилы *Констанцій*, о комъ уже упомянуто выше, и *Татулъ*, отецъ Ореста, находившагося при Едиконѣ не по дѣлу посольскому, но по частному знакомству; ибо Констанцій еще въ Италіи былъ съ ними друженъ; Татулъ же по причинѣ родства, ибо сынъ его Орестъ въ Павіи, городѣ Норика, женился на дочери Графа Ромула.»

Здѣсь излагаетъ онъ причину ихъ посольства, которую я оставляю.

«Итакъ, дожидаясь провоза Короля, нашъ многочисленный дипломатическій корпусъ весь отправился вслѣдъ за нимъ; переправившись чрезъ нѣсколько рѣкъ, мы прибыли наконецъ въ его столицу. Его дворецъ показался намъ и выше и величественнѣе всѣхъ строеній въ городѣ; онъ построенъ изъ искусно-обтесанныхъ бревенъ, и весьма хорошо полированныхъ каменья, и окруженъ деревянною оградой не для укрѣпленія, но для украшенія. Ближе всего находился домъ *Омизил*, тоже съ оградой, но не съ такими красивыми башнями какъ *Аттингъ*. Въ довольноомъ разстояніи отъ сего дома находилась баня, которую *Онигвизъ*, богатѣйшій послѣ Короля, и первый Вельможа государства, велѣлъ выстроить изъ камней, привезенныхъ изъ *Панноніи* (изъ-за Дуная; поему, можно полагать, что сія столица *Аттилы* находилась гдѣ-либо не подалеку отъ Дуная); «ибо нѣтъ у нихъ въ сей сторонѣ ни лѣсу, ни камней, и матеріалы для построекъ привозятъ изъ далека.» (Сей недостатокъ и нынѣ весьма ощутителенъ въ Южной Венгріи, наиболѣе по сію сторону Дуная.) «Баню строилъ плѣнный изъ города *Сирмія*; онъ надѣялся за постройку получить свободу, но обманулся, ибо *Онигвизъ* сдѣлалъ его смотрителемъ оной, когда онъ или его семейство ее посѣщаетъ.»

Всякъ знаетъ, что бани были отличительною чертою домашней жизни Славянскихъ племенъ, и что нигдѣ не были столь всенародною потребностью какъ на Руси. Этого не было у Татарскихъ племенъ; Турки переняли употребленіе бань отъ Грековъ, какъ и одежду и проч., а Казанцы отъ Русскихъ, къ чему побуждены были и принятіемъ Арабскаго закона *омовенія*. *Balnearia* или *Thermae* древнихъ не значатъ бань нашихъ, а просто купальни при минеральныхъ водахъ. Народъ

обходился безъ бань не только у Римлянъ, но и нынѣ въ заграничныхъ странахъ, въ конхъ простой народъ, даже и Славяне, не имѣеть никакихъ бань, а просто лѣтомъ купается въ рѣкахъ. Правда, въ иныхъ мѣстахъ спекуляція заставила дѣлать ванны, въ подражаніе минеральнымъ, изъ простой теплой воды, или же для предотвращенія несчастія, на рѣкахъ построены палатки или купальни: но это еще не бани. Между тѣмъ, никакой Русской не можетъ обойтись безъ бани; всякое Русское селеніе имѣеть свою баню, а иногда двѣ, три; многіе зажиточные Россіане имѣють свои собственные бани. Изъ словъ Пракса видно, что наши бани въ столь же сильномъ употребленіи были и у Гунновъ; ибо, если Онигизій имѣлъ свою собственную, то, безъ сомнѣнія, и всякой другой имѣлъ свою же. Что Праксъ упоминалъ о сѣй одной, неудивительно, ибо онъ не говорилъ о прочихъ домахъ города, кромѣ Онигизіева и дворца. Бана есть одна изъ прихотей или слѣдствій оsebало-хозяйственной жизни. Не явнo ли это подтверждаетъ собственно-Русское происхожденіе Гунновъ? Уже ли Гунны могли быть тѣ кочевые Монголы, которые не только что не могли имѣть бань, но даже и собственныхъ домовъ?

«При въездѣ въ городъ, на встрѣчу Королю вышли дѣвушки, и, воспѣвая пѣсни народныя, рядами предъ нимъ шествовали въ городъ подъ длинными и широкими бѣлыми покрывалами, которыя поддерживаемы были женщинами на подобіе балдахина; подъ каждымъ покрываломъ находилось по шести и болѣе дѣвушекъ.» Это были народные хоры, поющіе пѣсни въ честь отцу-Царю. «Напослѣдокъ приблизились къ дому Онигизія (ибо мимо его двора была дорога во дворецъ); вдругъ вышла супруга сего вельможи, сопровождаемая множествомъ дѣвушекъ, изъ дверей дома, и поднесла Монарху закуску и вино, что у нихъ считается знакомъ и изъявленіемъ глубочайшаго почтенія. Поклонившись, предложила она

еду, на серебряномъ блюдѣ, свою закуску въ знакъ великаго уваженія къ нему. Аттила, оставаясь верхомъ прикушала нѣсколько съ блюда, поддерживаемого его приближенными, и выпивъ чашу, похвалъ во дворецъ.»

Истинно Славянское, и именно только Русское обыкновение! Какой Россіянинъ не узнаетъ свою родимую, ралушную *эльб-соль*, подносимую любимымъ Монархамъ!... Татары ли были Гунны?

«Мы же остались по повелѣнiю Онигизiя (ибо онъ уже возвратился отъ Азовскаго моря) изъ Россiи «виѣсть съ сыномъ Короля) въ его домъ. Мы здѣсь ужинали; супруга его насъ угощала виѣсть съ другими дамами, равно знатными или родственными. Ему же (Онигизiю) не доставало времени побывать съ нами, ибо только что прiѣхалъ, какъ и долженъ былъ явиться къ Королю, чтобы довести о дѣлахъ, имъ воеванныхъ, для коней былъ посланъ, и о здоровьѣ Королевича (вывихнувшаго правую руку). После ужина, оставивъ домъ Министра, мы вѣхали въ дворцовой дворъ и раскутили на ономъ палатку, чтобы Максимину, долженствовавшему явиться къ Королю, ближе и легче былъ входъ къ нему и его Министрамъ. Мы здѣсь перепочевали.»

«На другой день утромъ Максиминъ послалъ меня вручить Онигизiю подарки какъ отъ Императора, такъ и отъ него, и просить его назначить посланнику время и мѣсто для конференцiи. Со мною шли слуги, несшіе подарки. Двери дома были заперты; я сталъ дожидаться пока кто-либо выйдетъ и доложить обо мнѣ.» Прислѣ сляшкомъ рано дѣлалъ посѣщенiе; въ домъ еще спали. «Мнѣ скучно было дожидаться, и я вращивался около дома, какъ вдругъ нѣкто про

ходи мимо меня, коего я почелъ за военнаго Гунна; поклонился мнѣ по Гречески: *Χαιρε!* и удивился, что варваръ умѣетъ по Гречески; ибо они очень привязаны къ языку не только своему Гуннскому, но и къ *Готскому* и *Латинскому*, болѣе нежели къ нашему, но причинѣ ихъ частыхъ сношеній съ Италіей и Западомъ. По Гречески умѣютъ говорить здѣсь только пльвинныя, выведенныя изъ Фракіи, или прикорскаго *Иллирика*, которыхъ тотчасъ узнаешь по блѣдности лица, и рубищу. Но этотъ былъ прекрасно одѣтъ, съ *волосами подстриженными по Гуннски съ кружкомъ*; и съ виду богатъ.»

Это самое обыкновеніе *подстригать волосы кружкомъ* во всеобщемъ употребленіи и у Велико-Россовъ. У прочихъ Славянскихъ племенъ его не нахожу. Тожество сего обыкновенія у Гунновъ (Болгаръ) и Россіянъ указываетъ на ихъ непосредственное соудство и сродство. — Мало-Россы такъ уменьшили кругъ волосъ, что оставили чуть. Это заваянъ было и Палки. Впрочемъ, брить голову есть принадлежность народовъ Азіи и востока Европы, какого бы они племени или рода ни были.

«Я спросилъ его съ любопытствомъ, гдѣ онъ выучился по Гречески; онъ, улыбувшись, сказалъ, что онъ родомъ Грекъ, поселился было въ Мизійскомъ городѣ на Дунаѣ, *Виминаціѣ* (*Viminacium*), гдѣ производилъ торговыя дѣла, женился тамъ очень выгодно, и что послѣ ваятія приступомъ сего города Гуннами, лишившись свободы и имѣнія, при раздѣлѣ пльвинныхъ достался Онигизію. Послѣ сражавшись храбро подъ знаменами Аттилы противъ Римлянъ, и на Днѣпрѣ, получилъ въ награду добычу вѣнотъ съ свободою; женился на Гуннянкѣ, имѣетъ отъ нее уже дѣтей, и что, удостоившись любви и стола Онигизіева, почитаетъ себя гораздо счастливѣе, чѣмъ въ Ни-

перія; ибо заслуженные воины у Гунновъ, прибавилъ онъ, имѣють великія права и преимущества, и пользуются своимъ заслуженнымъ имѣніемъ вполне безъ всякихъ заботъ и обязанностей.»

«Между тѣмъ, одинъ изъ служителей Опигназіа отворилъ ворота; я тотчасъ вошелъ, и просилъ доложить, что присланъ Посланикомъ, и желаю говорить съ Министромъ. Служитель просилъ меня подождать немного. Вскорѣ вышелъ Министръ. Сдѣлавъ ему поклонъ отъ имени Посланика, и представивъ ему подарки какъ отъ Императора, такъ и отъ Максимиана, я спросилъ его о времени и мѣстѣ конференціи. Онъ велѣлъ слугамъ своимъ принять золото и подарки, а мнѣ доложить Максимиану, что тотчасъ къ нему будетъ. И дѣйствительно, вслѣдъ за мною прибылъ въ палатку Посланика.»

«Вошедъ, онъ изъявилъ свою благодарность какъ Императору такъ и ему; послѣ, спросилъ о причинѣ своего призыва. Максимианъ сталъ представлять ему, что уже пора прекратить несогласія обоихъ дворовъ, и что, отправясь въ Константинополь и прекративъ несогласія мирнымъ трактатомъ, онъ принесъ бы великую пользу не только обѣимъ державамъ, но и своему дому доставилъ бы славу и изобиліе, по милости Императора. Тогда Министръ спросилъ, въ чемъ же можетъ онъ быть полезнымъ Императору? Посланикъ отвѣчалъ: чтобъ онъ самъ отправился въ Константинополь, и, разобравъ спорныя статьи между обѣими державами, сдѣлался посредникомъ въ окончаніи ихъ и заключеніи мирнаго трактата. Но Опигназіи возразилъ, что уже давно извѣстилъ Императора и его Министровъ, въ чемъ состоитъ желаніе Атиллы и имѣніе касательно всего спорнаго дѣла. Или,

уже ли Императоръ думаетъ, прибавилъ, что своими обещаніями побудить его извинить своему Монарху и отечеству? и проч. Онъ замѣтилъ однако, что, оставаясь дома, онъ можетъ быть полезнѣе Римлянамъ своими представленіями Королю и укрощеніемъ его гнѣва, если въ честь-либо слишкомъ строго сталъ бы настаивать ко вреду Римлянъ; если же онъ отправится, и сдѣлаетъ что-либо не по его желанію, то навлечетъ гнѣвъ его не только на себя, но и на Императора и проч. Кончивъ конференцію, онъ вышелъ. На другой день, я представленъ былъ Королевъ Крель *). Отъ нея Аттила имѣлъ трехъ сыновей; старшій изъ нихъ тогда управлялъ страню Котзарскою (Козарскою) и прочими прилежащими къ Черному морю.»

Да припомнятъ себѣ читатели слова Массуди, Арабскаго писателя (смотри 90 замѣч. на I. Томъ Ист. Госуд. Росс.), утверждающаго, что у Козаръ былъ и Царь и Каганъ. Сеи послѣдній правилъ племеню только Козарскою страню. Вотъ что подтверждается свидѣтельствомъ Приска еще въ V столѣтіи. Какъ имя Козаръ было частное, а народъ самъ составлялъ часть Гунновъ, то, кажется, очевидно, что Козаре были тотъ же Болгарскій народъ. Впрочемъ, о Козарахъ поговоримъ обстоятельнѣе въ другой разъ.

«Мы вошли во внутренней дворъ, на коемъ находилось еще много другихъ стросній, частью изъ каменьевъ, обдѣланыхъ и весьма красиво сложенныхъ, частью же изъ бревенъ, во всю длину чисто обдѣ-

*) Прискъ ее называетъ и *Ряканой*. — Подобное имя встрѣчается у Болгаръ только мужское. Въ началѣ XI столѣтія сдѣлалъ его безсмертнымъ защитникъ Болгарской крѣпости *Верника* противъ Грековъ, *Киракъ* или *Креаръ*.

лажныхъ и искусно выглаженныхъ. Круги Башни, начинаясь отъ земли, возвышались къ верху до известной пропорціи. Здѣсь жила супруга *Аттилы*, къ коей ввели меня находящіеся у дверей люди. Я вошелъ по подаямъ, устланымъ коврами; засталъ ее полулежащую на мягкомъ ложѣ (или софѣ). Вокругъ нея находилось множество прислужниковъ; напротивъ нея сидѣли за работой дѣвушки. Онѣ вышивали красками полотно, служащее къ украшенію одѣянія. Поклонившись и поднеся Императорскіе подарки, я вышелъ, чтобы подождать, пока *Онигизій* выйдетъ отъ Короля. (Ибо отъ Посланника онъ пошелъ было домой, а оттуда къ Королю.)»

Приворный штатъ!—Камергеры! Фрейлны! Гаремъ ли это? «Мѣжь тѣмъ, мнѣ захотѣлось осмотрѣть и прочія Королевскія строенія. Остановясь съ шумомъ, я увидѣлъ множество народа, стремящагося къ одному мѣсту. Вдругъ изъ внутреннихъ покоевъ вышелъ *Аттила* на крыльце, сопровождаемый *Онигизіемъ*. Всѣ на него устремили взоры свои. Здѣсь многіе, имѣвшіе жалобы, были ему представлены. Послѣ, возвратясь въ покои, давалъ аудіенцію посламъ варварскихъ народовъ.»

Видно, что *Аттила*, какъ великій человекъ и Государь, любилъ свой народъ, допуская къ себѣ всякаго. Явленіе, коего свидѣтелемъ былъ *Прискъ*, было обыкновенное въ Европѣ; Государя показывались часто народу и бесѣдовали съ нимъ. Послѣ долгаго отсутствія, *Аттила*, возвратясь изъ арміи, присутствовалъ свой народъ, который толпился вокругъ дворца; толпился, чтобъ увидѣть своего великаго Государя. Скажите, это ли à la Mongole, Dalai-Lama, Kiun-Tan? Гуны—Мошголы?

«Между тѣмъ, посланники западнаго Императора (*Валентина*), Графъ *Ромуль*, *Примуть*, Генералъ *Ро-*

манъ, далѣе, Рустицій и Констанціолю, приблизились ко мнѣ и спрашивали, отпущены ли мы? Я сказалъ имъ, что зашелъ сюда именно отъ Онигнаія узнать, когда насъ отпустить. Въ свою очередь и я спросилъ, каковы ихъ дѣла? Но они сказали мнѣ, что Король непреклоненъ, и они должны или удовлетворить его желанію, или получить объявленіе войны.»

«Заговоривъ вмѣстѣ о его гордости и могуществѣ, Роуль, бывший во многихъ почетнѣйшихъ посольствахъ, мужъ опытный и свѣдущій, прибавилъ, что счастье дѣлаетъ Короля горделивымъ. Никто, говорилъ онъ, изъ владѣтелей Скиѳіи, его предшественниковъ, не совершилъ толикихъ подвиговъ въ столь короткое время, какъ онъ; ибо владѣетъ цѣлою обширною Скиѳіею, отъ острововъ Океана до предѣловъ Имперіи Римлянъ, коихъ уже сдѣлалъ своими дашиками. Но этимъ еще онъ не доволенъ; душа его стремится еще къ большимъ подвигамъ; желая распространить предѣлы своего владычества, онъ намѣревается объявить войну Персіи.»

«Нѣкто изъ насъ спросилъ: есть ли дорога изъ Гунпінъ въ Персію; Роуль отвѣчалъ, что Мидія (сѣверо-западная часть Персіи) отъ Гунновъ недалеко, и что Гунны очень знаютъ сію дорогу, по которой они давно уже нападали до *Васихъ* и *Курсихъ*, Мидійскихъ городовъ и проч. По причинѣ близости, Аттиль легко напасть на Мидянъ и Персовъ, и покорить ихъ. Войска у него столько, что ни одинъ народъ не въ состояніи сопротивляться ему. Я пожелалъ, чтобы онъ началъ войну съ Персами; ибо вся тяжесть была бы снята съ нашей земли. Констанціоль возразилъ, что этого, напротивъ, не надо желать; ибо, если погибнетъ Персія, то вся тяжесть ея державы падеть на

насть; что онъ будетъ тогда обращаться съ нами какъ съ вассалами; уже и такъ платимъ ему и проч.

Изъ сего видѣть можно, что Болгаре обладали не только Волжскими странами до самаго Кавказа, но даже и значительною частью Закавказскихъ земель. У Армянскаго Лѣтописца *Мойсея Хоренскаго* (жившаго около 370 года), сіи самыя Гунны Грековъ жили на Кавказѣ и нападали на Арменію подъ именемъ *Болгарь* и *Козарь* не только около 178 года послѣ Р. Хр., но и за 100 лѣтъ до Р. Хр. Чего же больше? — Впрочемъ, Болгаре еще долго владѣли симъ областями и послѣ полъ именемъ *Козарь* и *Болгарь*.

Итакъ, изъ сего явствуетъ, что могущество Болгарь ощутительно было не только для Европейскихъ народовъ, но и для Азіатскихъ. Посему, если совокупите объ половины, налегавшія на Европу и на Азію, то увидите огромное политическое тѣло, о которомъ вообще новѣйшіе имѣютъ понятіе, не соответствующее его величію. Сужденіе о сей Державѣ Римскаго Политика-Дипломата и вмѣстѣ современника очевидца драгоцѣнно, и лучше всего изображаетъ перевѣсъ Болгаріи надъ Римскою Имперіей, а посему, повидимому, и надъ всѣми царствами міра.

«Мы хотѣли разговаривать далѣе, какъ зашѣтили, что Опагизій вышелъ отъ Короля, и бросились къ нему. Онъ, поговоривъ, не знаю что, съ своими, обратился ко мнѣ, и велѣлъ спросить у Максиміана, кого Императоръ намеренъ изъ высшихъ сановниковъ прислать къ Королю уполномоченнымъ? Должнѣ Посланнику, и посовѣтовавшись съ нимъ объ отвѣтѣ, я возвратился къ Министру, и сказалъ, что Императоръ желаетъ, напротивъ, видѣть его самаго въ Константинополѣ, и кончить съ нимъ спорное дѣло; если же нельзя надѣяться на сіе, то Импера-

торъ пришлетъ кого за благо разсудится. На сіе велѣлъ онъ мнѣ тотчасъ позвать Посланника, и повелѣ его къ Королю. Аттила хотѣлъ (какъ $\frac{1}{2}$ мнѣ послѣ сказалъ Посланникъ), чтобы Императоръ отправилъ къ нему именно *Нотіа* или *Анатолія*, или какого либо другаго Сенатора, и что другаго онъ не приметъ. Посланникъ замѣтилъ ему, что неприлично назначать *поименно* тѣхъ, коихъ онъ къ себѣ желаетъ; ибо тѣмъ приведутся они въ подозрѣніе у Императора. На это онъ возразилъ, что если Императоръ откажется исполнить его требованіе, то онъ самъ рѣшитъ споръ оружіемъ.»

Нельзя не признаться, что Аттила съ обоими Императорами обращался съ презрѣніемъ. Низкій поступокъ Византійскаго Двора раздражилъ его еще болѣе. Это было наказаніемъ за то, что они сами, презирая все такъ называемое ими варварское, никого въ мірѣ не равняли съ собою. Такъ, въ изъявленіе особеннаго своего благоволенія къ иностраннымъ Государямъ, они жаловали ихъ на степень какого-либо чина Имперіи. Аттила, могучественнѣйшій Государь своего времени, имѣлъ титулъ Генералъ-Фельдмаршала Римской Имперіи, которое принялъ, потому-что съ нимъ вмѣстѣ соединено было и богатое жалованье. Не смотря на такую гордость, Аттила требовалъ, чтобы присылали къ нему Послами не только вѣнцы, а людей опытныхъ и знаменитыхъ.

«Когда мы оба возвратились въ палатку, вошелъ къ намъ отецъ Ореста. Король приглашаетъ васъ обоихъ, сказалъ онъ намъ, къ обѣду, въ девятомъ часу», т. е. въ третьемъ по полудни. «Мы явились, тогда вмѣстѣ съ членами Западнаго посольства, въ назначенное время, и предстали предъ Короля въ пріемной, гдѣ кравчіе Королевскіе поднесли намъ, по обычаю сего народа, по рюмкѣ напитокку, чтобы еще до обѣда выпить за здоровье другъ друга.»

Это обыкновеніе выпить черну предъ обѣдомъ, велось, и ведется повсѣмъ, исключительно у однихъ Россо - Славянскихъ племенъ въ Россіи въ Черной Россіи (въ Галиціи) и у Карпато-Россовъ (въ Венгріи). О прочихъ Славянскихъ племенахъ этого не могу сказать. Для освѣдомленія, надлежало бы съѣздить къ нимъ по очереди въ гости. Иноплеменные Европейцы не имѣютъ сего обычая; Татары также, если не переняли отъ Русскихъ въ Россіи, а отъ Болгаръ въ Турціи. Итакъ, вино у Гунновъ предъ обѣдомъ указываетъ явно на ихъ происхожденіе изъ-Русской стороны, ихъ сродство съ Россіянами, точно какъ остриженные въ кружокъ головы, и бави, и медь, и квась и проч. Монголы ли Гунны? О Историкахъ!

«Выпивъ по бокалу, мы вошли въ обѣденную залу (столовую). Здѣсь находилась сѣдалища крутомъ стѣнѣ.

Развѣ кочевые имѣютъ мебели? — Замѣтимъ, что старинныя Русскія простонародныя мебели состояли изъ толстыхъ лавокъ, гладко выструганныхъ и придѣланныхъ къ стѣнамъ, во всѣхъ четыремъ, или тремъ, или двумъ, смотря по надобности. У Карпато-Россовъ порожнее мѣсто уставляють семи сѣдалищами, которыя называютъ *Лавицами*; болѣе зажиточные, вмѣсто лавицъ неподвижныхъ, дѣлаютъ подвижныя на подобіе длинныхъ дивановъ. То же самое я у прочихъ Славянскихъ племенъ. Такъ описалъ внутренность Русской комнаты уже въ 921 году и *Ибн-Фоцланъ*. См. 50 замѣч. на него у Френа. Татары переняли лавицы у Россовъ вмѣстѣ съ домами.

«Въ срединѣ на ложѣ или диванѣ сидѣтъ Аттила. Противъ него было другое его сѣдалище, отъ коего ступени, ведущія въ кабинетъ, устланы были, для украшенія, бѣлыми и разными друтини коврами, точно какъ Греки и Ризляне украшаютъ обыкновенно колыату новобрачныхъ. Первостепенныхъ гостей посадили по правую сторону Кереля; по лѣвую другихъ,

и жена и Вериха (или Бериса), знатнаго Вельможу, владѣтеля многихъ селеній въ Скиѣн (т. е. Россіи); но на высшемъ мѣстѣ сидѣлъ Опитизій. На креслахъ, по правую руку Короля, напротивъ него, два сына Аттилы; старшій, на одномъ тронѣ съ родителемъ, сидѣлъ поодаль, потупя глаза, болязненный передъ отцемъ» (?).

«Когда мы расположились такимъ образомъ, вошелъ кравчій, неся сосудъ съ виномъ. Король, являвъ оный, вышелъ за здравіе первѣйшаго по порядку гостя, который, вставъ и отблагодаривъ поклономъ, не прежде могъ сѣсть, какъ отвѣдавъ или совсѣмъ выпорожнивъ подносимый ему стаканъ за здравіе слѣдующаго сосѣда. Всякій гость, по воярдуку, принималъ бокаль и, выпивъ оный по объявленіи тоста, кланялся сидящему Королю въ знакъ почтенія. За синной у каждаго гостя стоялъ кравчій съ сосудомъ къ услугамъ. Когда весь кругъ былъ обойденъ, Король позвалъ насъ, по нашему Греческому обычаю, на стаканннй бой или закладъ (certamen poculorum), т. е. кто больше выпьетъ. «Наконецъ, кравчіе удалились.» Живая картина Славянскаго пиршества!

«За каждыиъ столомъ подлѣ Королевскаго могло помѣститься три, четыре или больше гостя, изъ коихъ всякій могъ, не жѣняя другому, брать любое кушанье. Прежде всѣхъ вошелъ прислужникъ Короля, и принесъ блюдо съ мяснымъ кушаньемъ; за нимъ прочіе съ хлѣбомъ. Вообще, на столахъ у Гуннскихъ и иностраннхъ гостей было много всякихъ кушаньевъ на серебряныхъ блюдахъ. У Аттилы было одно кушанье мясное, и то на деревянной тарелкѣ.»

«Оиъ былъ умѣренъ во всемъ. Гостиамъ стаканы воданы были золотые и серебряные, а оиъ пилъ изъ

деревянаго. Одѣяніе у него было невзрачное, и шитиѣ не отличалось отъ прочихъ, равнѣ только чистотою и простотою. Ни сабля его, ни обувь, ни конная збруя ничѣмъ же отличалась; у его вельможъ, напротивъ, все сіе осыпано было золотомъ, драгоценными камнями и жемчугомъ. Послѣ первыхъ кушаньевъ, мы встали и всѣ рядомъ выпили за здравіе Аттилы, и опять сѣли; тогда снова принесли другія новыя кушанья. Насытившись, мы встали и, выпороживъ по чашкѣ, разошлись по мѣстамъ.»

«Вечеру, послѣ окончанія обѣда, вошли въ горницу два человека и, представившись Королю, стали читать свои стихи, въ коихъ прославлялись великія его дѣянія и подвиги. Всѣ гости устремили на нихъ свои взоры. Иные восхищались стихами, кои возбуждали воспоминаніе о военныхъ дѣяніяхъ и подвигахъ; у иныхъ, при чтеніи, появлялись слезы. Послѣ пѣнія и стиховъ, вошелъ, не знаю, какой-то полу-сумашедшій (шутъ), началъ говорить всякой вздоръ и произвелъ всеобщій хохотъ. Наконецъ, вошелъ *Зерлонъ Маврузій* или Маврузскій. Едиконъ убѣдилъ его войти къ Аттилѣ, обѣщая помочь ему испросить у Короля возвращеніе ему жены. Когда еще *Владе*, братъ Короля, ему покровительствовалъ, онъ женился было на Гунской женщинѣ, но принужденъ былъ оставить ее, бывъ посланъ Королемъ въ подарокъ Ацію, отъ коего онъ бѣжалъ назадъ, за что и Король былъ на него въ гнѣвъ. Смѣшной чудакъ, по случаю сего ирешества, надѣялся снискать милость Короля и получить жену обратно. Станный и видомъ и одѣяніемъ и прозвоншеніемъ и тѣлодвиженіями, употребляя вмѣстѣ и Латинскія и Готскія и Гунскія слова, онъ произвелъ хохотъ, коему конца не было.»

Замѣтимъ, а) что отличительнѣйшая черта Славянскихъ пиршествъ всегда была *веселость*, непосредственное слѣдствіе гостепримства. Въ этомъ отношеніи Славяне занимали первое мѣсто между всѣми народами. Веселость и радушіе Гунскаго пиршества именно опровергаетъ мнѣніе изыскателей о Татаризмѣ сего народа. У Татарскихъ племенъ не только нельзя искать веселости, но, напротивъ, отличительная черта ихъ народнаго характера состоитъ въ *медленности, пасмурности, упрямости, молчаливости и задумчивости*. Причину сему быть недостатокъ въ общественномъ обхожденіи, въ радушіи, — слѣдствіе кочевой, однообразной жизни. Итакъ, образъ жизни и народный духъ Гунновъ совсѣмъ отдѣляетъ сей народъ отъ Татаро-Монгольскихъ.

б) Подъ Готскимъ языкомъ Прискъ подразумѣваетъ языкъ Запада Европы (Германія). Подъ сіе общее имя Греки тогда подводили всѣ почти Западныя Славянскія племена, какъ *Веледовъ* или *Валдаловъ, Руиццевъ* и проч. Слова Приска (См. выше стр. 128): *Гунны прилзаны къ Готскому языку*, значитъ, что они его понимали, т. е. ихъ языкъ былъ сроденъ съ Готскимъ, съ Западо-Славянскимъ. Посему - то и видна непринужденность въ сношеніяхъ Гунновъ съ прочими народами Европы. Всякій Грекъ, или Римлянинъ, родившійся въ Иллирикѣ, Панноніи, Норикѣ, т. е. между Словенами, и зная Словенскій языкъ, уже понималъ и Гуннскій, и могъ служить толмачомъ и вступить даже въ Гуннскую службу. Примѣръ тому *Витила, Орестъ, Констанцій* и проч.

в) Съ земледѣльческою жизнію Европейцевъ тѣсно связана народная поэзія, народныя пѣсни. Славяне, кои и нынѣ могутъ назваться *пѣсеннымъ* народомъ, всегда отличались въ этомъ отношеніи. Этому отнюдь нельзя замѣтить у Татаръ, или весьма мало. Пѣсни у Гунновъ были въ такомъ употребленіи, что Атиллу даже встрѣчала пѣснями, и хоры пѣвчицъ провожала его въ городъ ко дворцу. Онъ самъ любилъ пѣсни и съ услажденіемъ слушалъ стихи на отечественномъ языкѣ; онъ любилъ отечественный языкъ . . . ergo Гунны Татаре ?

«Между тѣмъ, лицѣ Аттилы оставалось пасмурнымъ; онъ даже не сказалъ ничего, что могло бы развеселить общество; только взглянулъ съ улыбкою на вошедшаго младшаго своего сына *Ирнака*. Удивлялся, что Король не обращалъ столько вниманія на прочихъ своихъ сыновей, и незная причины, я спросилъ у сидящаго подлѣ меня Гунна, который умѣлъ по Латини. Онъ мнѣ сказалъ, взявъ съ меня обещаніе быть скромнымъ, что вѣщунъ предсказалъ Аттихъ прекращеніе его рода, который возстанетъ только этимъ сыномъ. Межъ тѣмъ, пиръ продолжался до поздней ночи. Мы, наконецъ, не желая болѣе пить, откланялись и возвратились къ себѣ.»

На Славянскихъ пирахъ, по старинному обычаю, питье продолжается и теперь еще послѣ окончанія обѣда. — Несторъ сказалъ: *Руси есть веселіе пияти*; Ибн-Фозланъ, Арабъ, въ 921 году, удивлялся чрезмѣрной приверженности Россіянъ къ вину, а Прокопій, около 540 года, говоритъ о Гуннахъ, что они винолюбіемъ превосходятъ всѣхъ смертныхъ (*ut sunt inebriabili supra omnes mortales*). Эта черта пальцемъ указываетъ на Русское происхожденіе Гунновъ; и, напротивъ, кочевая жизнь Татарамъ или Монголамъ не могла предложить ничего кромѣ сыворотки. Вообще, всякому извѣстно, что сіи народы и нынѣ отличаются трезвостію.

«На другой день, мы отправились къ Онигиаію, спросить объ отпускѣ. Онъ сказалъ намъ, что Король желаетъ того же. Послѣ сего, онъ собралъ *совѣтъ Вельможъ*, въ коемъ разсуждали о предположеніяхъ Аттилы, и приготовили письмо къ Императору. Послѣ совѣта, мы обратились съ просьбою къ Министру, чтобы онъ исходатайствовалъ свободу супругѣ и дѣтямъ Силлы, взятымъ въ плѣнъ при овладѣніи Гуннами города *Ратиарія*. О семъ онъ доложилъ Коро-

лю; но семейство Саллы отпущено было съ нами не прежде, какъ мы внесли 50 червонцевъ выкупу за мать; сыновья же отпущены были Императору безденежно.»

«Въ сей день пригласили насъ ко столу Королевы *Рыканы* ужинать. Мы имѣли счастье пользоваться ея благоволеніемъ. Она была окружена многими Скинскими Князьями. Подчивали насъ медовыми пряниками и вареньями, и великолѣпнымъ ужиномъ. Послѣ, всякій изъ присутствовавшихъ, вставъ съ мѣста, по правиламъ Гуннской вѣжливости и учтивости, подносилъ намъ полный бокалъ, и облобызавъ пившаго, относилъ опорожненный. Послѣ ужина, мы возвратились къ себѣ и легли спать.» Кажется, это по-Русски.

«На другой день мы опять были приглашены къ столу Короля, гдѣ были угощаемы такимъ порядкомъ, какъ и прежде, и развеселись. На сей разъ старшаго сына Королевскаго не было на одномъ съдальницѣ съ отцомъ; на мѣстѣ его сидѣлъ *Эбарзій*, дядя Аттилы, который его почиталъ какъ отца. За обѣдомъ, Король вѣжливо обходился съ Посланникомъ, чрезъ ко-его просилъ Императора возвратить невѣсту Секретарю его, Констанцію. Сей Констанцій, будучи Посланникомъ Аттилы въ Константинополь, влюбился въ дочь богатаго Вельможи Византійскаго, *Сатурнилла*. Чтобы просить руку дѣвицы, онъ обѣщался Императору упрочить между обѣими державами миръ долговременный, и получилъ согласіе. Межъ тѣмъ внезапно былъ онъ отозванъ. Зиноу, спасшій столицу отъ непріятелей съ войскомъ Изаврійскимъ, сталъ сватать сію дѣвицу за любимца своего, Руфа. Императоръ не могъ отказать Зиноу, коему былъ обязанъ многия. Констанцій, въ отчаяніи, прибѣгнулъ къ Аттилѣ, кото-

рый теперь чрезъ Максимиана просилъ Императора сдержать свое слово. Въ вечеру, мы возвратились въ палатку.»

«Спустя три дня, отдали намъ обратно и дали намъ отпускную. Съ нами вмѣстѣ отправленъ *Берихъ* (или Берисъ), одинъ изъ первѣйшихъ Вельможъ, владѣтель многихъ селеній въ Скиѣи (на Русь), тотъ самый, который за Королевскимъ столомъ сидѣлъ вѣне насъ. Онъ уже и прежде былъ посланникомъ Аттилы въ Константинополь. Дорогою, въ одномъ селеніи, въ коемъ мы остановились, схваченъ одинъ Скиѣецъ, пришедшій въ сіи страны шпиономъ отъ нашего Императора. Король велѣлъ его повѣсить. На другой день, проѣзжая чрезъ другія селенія, мы увидѣли, какъ вели двухъ убійцъ, съ связанными на спинѣ рукахъ. Они были взяты въ плѣнъ на войнѣ, и умертвили господъ, коимъ достались въ крѣпость. Ихъ отрубили головы.»

До Дуная оба посольства ѣхали вмѣстѣ и дружелюбно; но, послѣ переправы чрезъ эту рѣку, произошли между ними нѣкоторыя неудовольствія. Въ Адрианополѣ онѣ помирились.

«На дорогѣ изъ Адрианополя въ столицу,» такъ продолжаетъ Прискъ, «мы встрѣтили Вигилу, возвращавшагося ко двору Аттилы. Сказавъ ему, какой отвѣтъ далъ Король на наши предложенія, мы простились, и поѣхали далѣе. Наконецъ, прибыли въ столицу.»

Вотъ образецъ Греческаго нерадѣнія и безпечности! Отдавая полную цѣну Запискамъ Приска, нельзя однако не замѣтить его непростительнаго нерадѣнія къ подробнымъ наблюденіямъ надъ симъ народомъ, и его явнаго любопытства. Кажется, онъ описалъ только то, что попадало подъ его глаза, а о прочемъ и не думалъ, и, замѣтите, не только не озна-

часть имени на одного селенія, чрезъ которыя проѣзжалъ, не полюбобытствовалъ не только осмотрѣть, но даже не наименовалъ столицы Аттиды, мѣста своего посольства! Слѣдствіемъ сего нерадѣнія было то, что въ послѣдствіи ученые не могли опредѣлить рѣшительно мѣста сего города.

Въ заключеніе прибавлю еще слѣдующее.

1) Вездѣ, гдѣ только проживали Гунны, такъ остались названія мѣстъ одни Славянскія; ни малѣйшаго слѣду Татарскихъ. Таковы названія древнѣйшихъ мѣстъ въ Венгріи, Валахіи, Молдавіи, Юговосточной Россіи; въ Болгаріи же, Оракіи, Македоніи, Албаніи, съ прибытія Гунновъ, Славянскія названія заступили мѣсто Греческихъ или Римскихъ; не Славянскія же въ упомянутыхъ странахъ появились только послѣ нашествія на оныя Венгровъ и Турокъ изъ Татарскаго міра.

2) Изъ походовъ Аттиды на западъ Европы видно, сколь легко производилось сообщеніе между Гуннами и Славянскими племенами, жившими въ Панноніи, Норикѣ, Германіи, становившимися подъ знамена Аттиды. Если бы Гунны были чужіе имъ и правами и языкомъ, то оны соединились бы противъ общаго иноплеменнаго врага, и Аттидѣ никогда не быть было ни во Оракіи, ни въ Италіи, ни во Франціи. Положимъ, Славянскія племена не были бы въ силахъ отразить ихъ, но Императоры подали бы имъ руку помощи, или даже, во время войны съ Гуннами, тайно взбунтовали бы противъ нихъ Славянъ.

3) Какъ Византійцы, такъ и Римляне единогласно выводятъ Гунновъ не далѣе, какъ только съ береговъ Азовскаго моря, съ Дона. Для чего же портить

ихъ понятіе? Для чего выводить Гунновъ съ границъ Китая? Если же Гунны были, какъ говорятъ, часть Монгольской Орды, избѣгавшая подданства Китая, то какимъ образомъ можно будетъ объяснить и допустить распространеніе власти сего рабствовавшего племени чрезъ обширѣйшую Сибирь, Россію, Дакию, Мизію, Паннонію, Италію, Германію, даже во Францію? И ни одинъ народъ на семъ колоссальномъ пространствѣ, даже ненобѣдныя Готы, и даже и Римскіе легіоны, не могли противостать бѣгущей отъ преслѣдованія бѣдной Орды?

Думая вообще, что народъ, который Византіиды называли Гуннами, есть Татарскій или Монгольскій, въ среднія времена возобновили сіе названіе *Гунноев* и стали прилагать оное жителямъ Восточной Азіи. Поводомъ къ сему послужило то, что въ Китайскихъ Лѣтописяхъ нѣкоторое, созвучное нашимъ Гуннамъ, прозвище прилагается племеню, называемое нынѣ *Монголами*. Но, если рѣшеніе вопроса зависить только отъ словъ Монголовъ, то можно сказать за достовѣрное, что сіи Монголы, слышаніе будто Гуннами, никогда въ Европѣ, какъ видѣть можно изъ Китайскихъ лѣтописей, не бывали, а, напротивъ, съ незапамятныхъ временъ до нынѣшняго дня кочуютъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, т. е. въ прилежащихъ къ Китаю странахъ восточной Азіи. (См. Зап. о Монголіи. СПб. 1828.) Нашествіе же Татаръ на Россію принадлежитъ собственно племенамъ западной части Азіи, т. е. Татаро-Турецкимъ, изъ коихъ ни одно не называлось Гуннами.

Монголы собственной Исторіи не имѣютъ; ибо недавно только что начали учиться писать. Вотъ что говоритъ почтенный Отецъ Іакинъ въ своихъ Запискахъ о Монголіи. «Существова болѣе 40 вѣковъ, какъ особый народъ, и притомъ въ неизмѣняемомъ образѣ пастушеской жизни, Монголы въ древнихъ временахъ оставались бы для насъ неизвѣстными, если бы не имѣлъ въ есѣдствѣ Китая.» То есть просвѣщен-

ной страны, въ коей издавна умѣли писать. «Сія держава замѣтила кратко въ своей Исторіи нѣкоторыя ихъ событія, имѣвшія связь съ собственными ея провзшествіями. Итакъ, предлагаемый мною Опытъ Историческаго Обзорѣнія Монголовъ основанъ на свѣдѣніяхъ, почерпнутыхъ изъ Китайскихъ лѣтописей.» Здѣсь всякій благоразумный читатель замѣтитъ, что бѣдныя Монголы исторически точно такъ относятся къ Китайцамъ, какъ мы, на примѣръ, къ Византіянамъ, т. е. и тѣ и мы должны прибѣгать къ памятникамъ чужой письменности, чтобы слѣдить своихъ предковъ. Я увѣренъ, что и Китайцы подчивали своихъ сосѣдей Монголовъ такой же негѣпницей, какъ и насъ Византіяны. Какъ бы то ни было, но мы принуждены смотрѣть на древнихъ Монголовъ глазами Китайцевъ.

Въ семь случаевъ, для предосторожности, надобно предупредить читателей въ слѣдующемъ. Монголы, какъ народъ, должны имѣть собственное народное свое названіе, коимъ во всѣ времена должны были отличаться отъ прочихъ своихъ сосѣдей. Првзнуюсь, что на сей разъ не знаю сего собственного ихъ имени; ибо тѣ прозвища, которыя имъ прилагаемы были до сихъ поръ, только нарицательныя. Вотъ что говоритъ объ этомъ достопочтенный *Отецъ Іакинъ* (Зап. о Монг. Томъ I, стр. 157): «И поколѣніямъ, т. е. владѣтельнымъ домамъ, занимающимъ Монголію, даемъ нынѣ названіе *Монголовъ* не потому, чтобы они происходили отъ дома Монголовъ, но по тому, что сей домъ, усилившись, наконецъ всѣ прочія» (лучше сказать было, кажется, *кольна*, *tribus*, ибо поколѣніе должно означать *generatio*) «своего племени покорилъ своей власти, и составилъ какъ бы новое Государство, которое мало по малу пріобыкли называть» (по видимому, только въ Китаѣ) «Монголомъ же, по прозванію господствующаго дома. Сямъ образомъ разныя Монгольскія колѣна и прежде назывались общими именами: *Татангцевъ*, *Киданей*, *Хойхоровъ*, *Туласцевъ*, *Сяньбійцевъ*, *Хунновъ* и проч. Сямъ же образомъ въ послѣдствіи, ес-ля овладѣтъ Монголією домъ *Карчинскій*, вся страна оста-

почтительный рабъ.» И аще и́ро Почтенному сочинителю, что Китайцы, чрезвычайно презирающе иноземцевъ, были въ состояніи такъ называть бѣдныхъ Монголовъ. Но уже ли кто въ состояніи будетъ похвѣрять, чтобы самый Монгольскій народъ или, положимъ, царствующій его дождъ называлъ себя сими унижательнымъ прозвищемъ, которое, сверхъ оскорбленія, имъ наносимаго, принадлежало еще чужому языку?— Одако же Монголы слыли въ Китайскихъ лѣтописяхъ, вродолженіе нѣкотораго времени, Хуннами. Что дѣлать! Если мы не могли избѣжать Греческихъ причудъ, то тѣмъ и́нѣе могли Монголы образумить Китайцевъ, которые дѣйствительно явное невѣжество имѣе Грековъ. Что прикажете дѣлать и съ чудачками Славянами, которые бѣдныхъ Тайговыхъ правнучать понынѣ прозываютъ *млчмми*, *Нлмчмми*!

Но какъ имя Хунновъ превратилось въ Гунновъ? А вотъ какъ: Нанъ сочинитель (на той же стр.), по свидѣтельству Китайскихъ лѣтописей, говоритъ, что Китайскій Государь, въ 15 году послѣ Рождества Христова, «чрезъ нарочное посольство предложилъ Монгольскому Хану Шанъ-ю-ю, чтобы впредъ названіе Монгольскаго народа *Хунъ-му* переимѣнять на *Гунъ-му.*» «Итакъ, *Хунны*, прибавляетъ въ замѣчаніи, съ 15 года по Рожд. Хр. начали называться Гуннами.» Сей-то Китайскій вадоръ Европейскими учеными сгнѣпанъ съ Греческимъ вадоромъ, и изъ сгнѣса вышла та безсмыслица, въ силу коей бѣдные Монголы (которые, по свидѣтельству Китайскихъ же лѣтописей, никогда не оставляли Китая, и никогда не проходили къ Западу дагѣ Туркестана, и по сію пору не хотѣли отъявляться отъ кобылиной сыворотки, отъ подвѣжной жизни и мезахоліи), вти, говорю, *злме* и *почтительные рабы* вдругъ, въ V столѣтіи, наполняютъ собою все пространство отъ Японскаго моря до стѣнъ Константинополя и Рима и подошвы Пиренеевъ (!), и вдругъ дѣлаются отличными земледѣльцами, весельчаками, пьяницами, первыми полѣтниками, господами міра, бичами вселенной, дѣлаются отчасти Христіанами, и даже знаютъ по-Латыни!!

Всякъ согласится, что при подобной смелостигѣ потерѣда не только истина Историческая, но и страдаетъ невинно честь Европейскихъ народовъ. Какой Россіянинъ, или другой кто либо изъ прочихъ Славянскихъ его братьевъ, какой Нѣмецъ, Французъ, или Италианецъ, или Грекъ, не долженъ покраснѣть при мысли, что предки его сдѣлались было слугами *злымъ и почитаемымъ рабовъ* Китайскихъ, уроженцевъ чуждаго Европѣ міра!

Нѣтъ, нѣтъ, ни одинъ Европейецъ не долженъ краснѣть, а покраснѣть должны Европейскіе Историки. Если Гунны Греческіе, Гунны Аттилы, были бичемъ Европы, то были и ея сыновьями, принадлежали къ ея питомцамъ. Россіане были ихъ союзниками, сподвижниками ихъ трудовъ и соучастниками ихъ славы. Въѣкъ Аттилы есть тотъ періодъ Европейской Исторіи, въ который сродные между собою жители Руси и Волги утвердили на долго свою безопасность со стороны Готовъ и Римлянъ, и влияние на сосѣдей.

Итакъ, для предохраненія чести и Исторіи и Европы, надлежитъ различать Греческихъ Гунновъ и Китайскихъ; оба сія народа не имѣютъ между собою ни какого отношенія, ибо одни Славяне, другіе Монголы. Греки называли всегда своихъ *Οὐννοὶ Уннами*, а не Гуннами; иные даже *Οὐννοὶ Веннами*, и проч. *Οὐννοὶ* въ Латинскомъ переводѣ писаны *Нунни*, съ чего и Русскій ихъ буквальный переводъ *Гунны*, хотя, впрочемъ, надлежало бы читать лучше *Унны*, чѣмъ *Гунны*.—Китайцы же Монголовъ называли *Хуль-ну* и *Гуль-ну*. Всякъ замѣтитъ, что здѣсь одно только случайное и забавное сходство или созвучіе двухъ вадорныхъ именъ, происшедшихъ изъ совершенно различныхъ источниковъ. Или: уже ли кто подумаетъ, что Цареградцы заняли сіе имя отъ Китайцевъ, съ коими они столько же были знакомы, сколько Европейцы съ жителями Мексика или береговъ Миссиссиппи до открытія Америки? Или: уже ли сіи Греки, которые не стужали перенять собственнаго имени народа, съ коимъ торговали на Дунаѣ и дрались въ Мизіи, Фракіи, въ окрестно-

стяхъ столицы, скорѣе могли перенять Китайскій вздоръ изъ тридцать третьяго царства? Или: какимъ образомъ могли знать Китайцы, что народъ, съ коимъ дрались Греки, были Монголы, для того, чтобы сообщить, положимъ, вздорное ихъ названіе Грекамъ? Какимъ образомъ могли знать Греки, кого именно Китайцы называли *злыми рабами*, и какъ могли они сіе имя, о коемъ отъ роду ничего не слыхали, приписывать какому либо народу, не зная понятія Китайцевъ.

Греки именно указываютъ, кого они именуютъ Гуннами. Извѣстно, что они своихъ старожилыхъ сосѣдей, Сарматовъ, называютъ и Гетами; сіе имя опять они прилаживали къ мѣстамъ для большей опредѣленности: жителей Молдавіи и Валахія именовали просто *Гетами*, Венгрія—*Тисо-Гетами* отъ рѣки Тисы, Руса—*Тиро-Гетами*, т. е. Днѣпровскими Гетами, а Волжскихъ (Болгарь)— *Масса-Гетами*. Этимъ они явно дали знать, что жители Волги принадлежали сродствомъ къ прочимъ Гетамъ, т. е. къ Европейскимъ народамъ. Прокопій во весь голосъ сказалъ: «*Ибо Массаетовъ языкъ именуемъ Уллами.*» Очень очевидно, что имя *Уллы* пале на Славянъ Волжскихъ, т. е. Болгарь и отчасти на Россіянь, тѣмъ болѣе, что оба сія народа составляли одно политическое тѣло.

Развязка. Если вникнуть въ обстоятельства, кои подали писателямъ поводъ къ смѣшенію Китайскихъ *злыхъ и почтенныхъ работъ* съ Греческими *Уллами*, то выходитъ слѣдующая развязка: Извѣстно, какъ я говорилъ выше, что Венгры при изысканіи происхожденія *Мадяровъ* схватились было за Гунно-гаровъ и Унновъ (смотри выше стр. 82 — 83) Греческихъ. Изысканія Венгерцевъ болѣею частью заключались въ рѣшеніи вопроса: изъ какой именно страны вышли Венгры, а посему будто и Гунны? На первый случай приводили то, что оставили намъ Византійцы о своихъ Уннахъ, и не переходили далѣе Волги. Къ несчастью, Дегинъ, порывшись въ Китайскихъ гѣописяхъ, открылъ въ нихъ Хунъ-ну, Гунъ-ну, конхъ, принявъ буквально, сталъ склонять Гуннами. Эта находка чрезвычайно прилагалась къ вздорному толкованію сло-

на *Имадагис* и понятію о Татаризмѣ или Мадаризмѣ Гунновъ-Болгарь, и казалась неизбежнымъ доказательствомъ сему кривому толкованію. Тогда уже стали говорить о жилищахъ Гунновъ Болгарь, въ качествѣ Мадаровъ, на границѣ Китая и объ ихъ прямой отсюда провенадѣ въ обѣтованную имъ Памонию! что еще и нынѣ повторяютъ въ училищахъ Венгріи какъ доказанную истину. Конечно, Дегиньевы Гунъ-ны соблазнили не только Венгерцевъ, но и лучшіе историческіе умы Европы. Принявъ Гунновъ Греческихъ за Китайскихъ, т. е. за Монголовъ, они неизменно должны были впасть въ дѣлнѣйшее заблужденіе, т. е., усмотрѣвъ, что Болгаре и Козаре были тотъ народъ, который Греки именовали Гуннами, заключить должны были прямымъ силлогизмомъ, что и сіи народы были Татарами или Монголами же (они не дѣлали почти различія между сими послѣдними). Вотъ какою дорогою произошелъ Татаризмъ Болгарь и Козарь.

Итакъ, повторю въ заключеніе за аксіому: *'Ουνοί* Грековъ были Славяне, а именно два изъ племена: Болгаре и Росѣды; Хунъ-ну или Гунъ-ну Китайцевъ были Монголы.

Вотъ вѣрнѣе тѣ понятія о Гуннахъ V и VI столѣтій, которыя я рѣшился противопоставить разнымъ мнѣніямъ, изложеннымъ многими писателями въ разные времена и въ разныхъ странахъ просвѣщенной Европы. Я изложилъ свои положенія г. нѣкоторомъ полемическомъ видѣ, не означая однако поименно ни Авторевъ, ни ихъ выраженій; ихъ такъ много, что наполнять сіе сочиненіе множествомъ цитатъ было бы слишкомъ скучно для читателя и отяготительно для вниманія; поему, я употреблялъ слова *они*, *писатели*, *историки* и, вмѣсто ссылокъ, означалъ только духъ ихъ ученія и мыслей который, будучи господствующимъ, отзывается во всякомъ почти историческомъ сочиненіи, возьмете ли учебныя книги для дѣтей, или всемірныя Исторіи или комментаріи историческихъ изысканій, — все равно; вездѣ почти Гунны, со времени выхода въ свѣтъ сочиненій *Деминга*, слыгутъ болѣе или мѣнѣе *Монголами*, *Монголо-Татарами*.

Между тѣмъ, недавно полюбозытствовали узнать ученые потомство сихъ страшныхъ Гунновъ. Нѣкоторые, коиимъ удалось попутешествовать по Сибири, надѣлились отыскать ихъ на своемъ пути. Говорятъ, что уже *Палласъ* нашель ихъ въ **Калмыкахъ!** *Бергманнъ*, въ своемъ путешествіи къ **Калмыкамъ**, воображалъ себя у Хана какъ бы у **Аттилы!** Онъ старается прииѣннить черты нравовъ Гуннскихъ, описанныя *Прискомъ*, къ нравамъ **Калмыковъ**, но къ несчастію своему, слишкомъ натапуто. На примѣръ, объясня слова *Приска*, что **Аттила**, вышедъ на крыльце, показывался народу, онъ говоритъ, что сей **Монархъ** принималъ чужихъ пословъ, сидя на порогѣ своего дома, а это точно какъ и у **Калмыковъ!** Жаль только, что вся эта ученая братья ни мало не старалась познакомиться съ Русскими древностями, нравами и проч., въ коихъ нашла бы настоящее значеніе *Прискова* описанія, и я увѣренъ, что, при зрѣломъ взвѣсѣ обстоятельствъ, всякъ принялъ бы высокій дворецъ **Аттилы** естественнѣе за *высокую сольмцу Русскую* или *обширный Клязевскій теремъ*.

Что Гунны пристригали волосы кругомъ, *Бергманнъ* утверждаетъ, что они брили голову, оставляя на маковкѣ оной только одинъ клочокъ волосъ, а это точно такъ, думаетъ онъ, какъ и у **Калмыковъ!** А развѣ Русскіе не подстригаютъ волосы своихъ кругомъ? или, развѣ мало-Россы, Галичане, Поляки, Молдавчане, Волохи, не брѣютъ головъ своихъ, кромѣ одного хохла? Какія доказательства!

Но самымъ сильнымъ доказательствомъ тожества Гунновъ и **Калмыковъ** находитъ *Бергманнъ* въ собственныхъ именахъ Гуннскихъ **Князей**. Отецъ **Аттилы**, говоритъ онъ, по *Юрнанду* называется *Монаалъ* (а не *Мундіухъ* по *Грекамъ?*), следовательно, былъ **Монголъ**, ибо на *Монгольскомъ*, *монъ* значить *зудой*, а *закъ* погода. **Аттила** былъ **Монголъ**, потому-что *Татаре* *Волгу* называютъ *Эджелемъ!* и потому еще, что *emedzag* означаетъ *дикую быка!* (См. *Hist. Natur. des Races hum.*, стр. 37.)
 Что можетъ быть забавнѣе сихъ **этиологическихъ** догадокъ!

Монголизмъ Гунновъ поддерживался еще болѣе мѣткимъ

Европейцевъ объ ихъ безобразіи и уродливости. Сѣи кривою толкя первый распространилъ Амміанъ Марцеллинъ (писавшій гораздо прежде Писака), во всю жизнь свою не выдавшій ни одного Гунна. Онъ говоритъ (Lib. 31. cap. 1): «Гунны жили по ту сторону Азовскаго моря къ Ледовитому Океану (т. е. въ Волжскихъ странахъ); они состарѣваются безбородыми; ибо, чтобы не росла борода, и чтобы быть страшными и уродливыми, изрѣзываютъ себѣ лице и бороду ножемъ (!). Они всѣ плечисты, здоровы, толстошии, но весьма безобразны, съ кривою спиною, и кажутся болѣе чудовищами, чѣмъ людьми (!). Они не нуждаются ни въ огнѣ (въ Волжскомъ климатѣ!), ни въ вареной пищѣ (!); питаются травою, длинными кореньями (какъ съютъ?), а мясо варятъ подъ сѣдломъ (!); одѣваются въ тканое платье (а! питаюсь травою, однако ужьши ткань!) или въ мѣхи (*мимма, шигініа*, говорятъ онъ, или звѣриныя; и по чему не сказать въ овечьи, т. е. просто въ тулупы); они не позволяютъ своимъ дѣтямъ ходить на ногахъ, но приучиваютъ ихъ вмѣсто того падать верхомъ (!) на баранахъ (!). Они составляютъ съ своими лошадьми, такъ сказать, одно существо, съ конкъ не слѣзаютъ ни днемъ, ни ночью (!!); верхомъ дѣлаютъ все, торгуютъ, покупаютъ, продаютъ, обѣдаютъ, пьютъ и даже ночуютъ на лошадяхъ, повѣсившись на ихъ шею (!!)

Юрианъ, ненавидѣвшій Гунновъ, въ свою очередь описалъ ихъ также уродами, прибавивъ еще, что ихъ родили вѣдьмы въ сообществѣ съ чертями! Не очевидно ли, что пугливое воображеніе, иначе бабье вранье, Марцеллина, совершенно похоже на тѣ извѣстія и свѣдѣнія, которыя до недавнихъ временъ разглашала заграничная челядь о Россіянахъ, а преимущественно о Донцахъ. Тамъ рассказывали, за 30 лѣтъ тому назадъ, даже втрое больше чудесъ о Казакахъ, чѣмъ Марцеллинъ объ Гуннахъ, такъ-что наши молодцы превращались не въ простые уроды, а въ настоящіе демоны, отъ конкъ ничто не можетъ скрыться.

Въ Венгріи еще и нынѣ носятъ въ народѣ страшныя повѣстія и бабьи чудесныя сказки о Москальскомъ народѣ. А о

Татарахъ? Ихъ называютъ Венгерская чернь *Kutyafok* *Tatárak*, т. е. несью-главые Татары, у коихъ половина головы человѣчья, а другая песья; Москва содержитъ ихъ, говорятъ, подъ каруломъ, и только во время войны выпускаетъ противъ своихъ враговъ, коихъ они съѣдаютъ. Вообще, это происходитъ отъ недостатка въ Венгрии земельныхъ и народонаселенныхъ свидѣній о Русскомъ царствѣ. Такъ и Греки въ древнее время воображали себѣ *Kynokifaloi*, т. е. *исламамы* и *Либрофауои*, т. е. *людодою*.

Нынѣ, слава Богу, просвѣщенные иностранцы [богѣ знакомы съ Русью, а народъ по прежнему наскажетъ вамъ провасть ликовинокъ. Если удастся вамъ пробѣжать чрезъ Венгriu, Германiю, или Францiю, поговорите съ учеными сапожниками, портными и проч. о Руси, и услышите чудесныя новости о вашей родинѣ, о коихъ вы отъ роду ничего не слышали. Я самъ былъ свидѣтелемъ подобныхъ рассказовъ. Съ тѣхъ поръ какъ Руссiя войска появилась въ Германiи, Италии, Францiи, сiи рассказы вывелись отчасти изъ порядочныхъ обществъ; со всѣхъ сторонъ народъ толпился видѣть *славныхъ* и *славныхъ Казаковъ*, у коихъ Нѣмцы и Француженки, къ немалому своему удивленiю, какъ сами признаются, нашли черты лица, большею частью, красивые, илювианы (*de belles têtes, de têtes à peindre*).

Итакъ, ребяческое вранье Марцеллина, писавшаго по наслышкѣ, вполнѣ опровержено Прискомъ, имѣвшимъ лучший случай познакомиться съ симъ народомъ, который, поселившись въ разныхъ областяхъ Восточной Имперiи, даже подъ стѣнами Цариграда, и въ самой Фессалоникѣ, доказалъ собственнымъ своимъ достоинствомъ, что и въ гражданственности, и въ земледѣлiи, и въ промышленности, и подъ знаменами, онъ не уступаетъ ни Греку, ни Римляину. Весьма жаль, что сiе негнѣное мѣсто Исторiи Марцеллина, впрочемъ довольно занимательной, доселѣ приводимо было въ свидѣтельство всякимъ почти писателемъ или историографомъ, которому надумалось рассуждать о Гуннахъ, и, не смотря на всю

его надорванность, повторяемо было съ аниматическою точностью даже и лучшими историками. Впрочемъ, сіе мѣсто Марцеллина можетъ послужить нѣсколько въ пользу Гуннской Исторіи, если очистить его отъ негнностей. На примѣръ, что Гунны *почесали и джевали на лошадахъ*, значить просто, что они были отличныя, какъ бы природныя, вѣдоки; посему, прежде, и назывались *Сквоали-Буулами* (*Drumitai* отъ *Drumot* бѣтъ); что *изрѣывали себя кожею лице и бороду* ониъ чего и *волосы на ней не росли*, значить просто, что Гунны уже тогда брили бороду. Если ужьли подбривать волосы на головѣ кругомъ, то легко могли приложить ножъ и къ бородѣ. Конечно, это безбородіе Гунновъ казалось страннымъ Грекамъ и Римлянамъ, никогда не брившимъ ни бородъ, ниже затылковъ, и, въ этомъ отношеніи, не удивительно замѣчаніе Марцеллина: *senescunt imberbes*, т. е. состарѣваются безбородыми.

Замѣчательно, что бороды въ Европейскихъ странахъ выведись совершенно только въ первой половинѣ XVIII столѣтія; а въ XVII еще почти вездѣ господствовали, исключая Мало-Россовъ и ихъ Козаковъ, коихъ уже во время Хмѣльницкаго видѣть можно безбородыми. Это можно отнести и къ предшествовавшему времени, не смотря на то, что явныхъ намѣтниковъ безбородія Малороссовъ изъ XV или XIV столѣтія не имѣемъ. Однако, Русскій Князь Подолін, переселившійся въ XIV столѣтіи въ Венгрію, въ построенной имъ крѣпости при городѣ *Мукачевъ* (*Munkatsch* пишутъ на картахъ) и въ Русскомъ монастырѣ, находящемся въ двухъ верстахъ отъ сей крѣпости, на горѣ *Черлекъ*, изображенъ, въ преклонныхъ лѣтахъ, верхомъ, въ латахъ, и безъ бороды. Сколько ниъ извѣстно изъ Карпато-Русскихъ преданій и другихъ свидѣтельствъ, сей народъ брлся съ давнихъ временъ. Какъ бы то ни было, однако бородобрейство древнѣе на Руси, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы и, по видимому, существуетъ уже со временъ Гунновъ, т. е. Марцеллина и Приска, т. е. IV и V столѣтія. — Я видѣлъ въ разныхъ времена, около десяти изображеній Болгаръ (въ Болгарскихъ рукописяхъ XIV и XIII сто-

лѣтій), болѣею частью еражамешикая веркомъ, безъ борода.

Не знаю, какъ давно начала бриться Турки. Впрочемъ, очевидно, чтобы они брились прежде, нежели пробрались въ Европу; кажется, они отращивали волосы сообразно съ обычаемъ всѣхъ своихъ внутренне-Азійскихъ соплеменниковъ, и развѣ только по завоеваніи Византійской Имперіи и Болгаріи выучились брить бороду отъ Болгаръ, съ коими вездѣ сгѣшались не только въ Европѣ, но даже и въ Анатолиіи. И сія мода, сколь она ни обширна въ Азіи (изъ Турецкихъ только владѣній), распространена Турками, отъ которыхъ ваворѣ приняла Греки и Армяне, и Грузинцы. Волохи, впрочемъ, будучи подъ господствомъ Болгаръ, брились еще до присоединенія Турокъ.

Изъ Европейцевъ прежде всѣхъ сію моду перенали, у Болгаръ ли или Турокъ, все равно, Венеціане, и отчасти смѣшанные съ Волохами и Карпато-Россами Венгерцы, и т. д. Впрочемъ, замѣчу, что Исторію бородобрейства нельзя основывать безусловно на памятникахъ или изображеніяхъ знаменитыхъ особъ; ибо онѣ предоставляли себѣ права отращивать бороду въ знакъ своего достоинства. Такъ, напримѣръ, безбородые Болгаре имѣли Королей и Господарей бородатыхъ, и нынѣ Бояре Молдавіи и Валахіи, Государственные чиновники Турціи, и самъ Султанъ, носятъ бороду.

Какъ бы то ни было, бородобрейство есть одна изъ древнѣйшихъ характерическихъ чертъ жителей Волги и Руси. Но здѣсь рождается вопросъ, почему Велико-Руссы до сію пору сохраняютъ свои бороды? На сей вопросъ нельзя отвѣчать рѣшительно. Если Мало-Руссы и Болгаре уже издавна брились, то можно предположить, что и Велико-Руссы, одного съ ними происхожденія и нравовъ, также брились; но въ послѣдствіи, подъ вліяніемъ особыхъ обстоятельствъ, отращивали себѣ бороды. Одно уже господство Татаръ въ Великороссійскихъ Губерніяхъ могло причинить сіе измѣненіе въ народномъ нравѣ; также, подражаніе духовенству и чрезвычайному количеству мѣлкаго дворянства въ великой Руси въ XVI

и XVIII столѣтій; или, наконецъ, слабость, всюю Велико-Россы отличаются отъ Мало-Россовъ, подава поводъ первыимъ отгадывать бороду.

Изъ Арабскихъ писателей *Шамск-ед-динъ Димешки* (въ 26 Фреловомъ замѣчаніи на *Иби-Фоздана*), писавшій съ 1300 году, говоритъ: *Имаи (Россіана) брѣютъ бороду, а имаи кра-совѣи ее не носелю.* А въ Англійскомъ переводѣ *Иби-Гаука-ла*, писавшаго въ послѣдней половинѣ X вѣка (послѣ 973 годѣ) сказано: *между имаи постановлено, чтобы одинъ другому не брѣли бороды.* Изреченіе это съ перваго взгляда дву-смысленно; ибо заключаетъ нѣкоторое и отрицаніе и утвер-жденіе. Изъ словъ, чтобъ одинъ не брѣлъ бороды другому, кажется, слѣдуетъ заключить, что всякой долженъ брѣться самъ.

Это ведетъ насъ еще къ другому замѣчанію, а именно, что искусство брѣть бороду нигдѣ не доведено до той степени совершенства и легкости, какъ на Руси, т. е. по всей обширной Мало-Россіи. Въ Германіи, Франціи, деревенскій гражда-нинъ во всякомъ почти селеніи препоручаетъ свою бороду особеннымъ операторамъ. Въ Мало-Россіи не только что нѣтъ подобныхъ публичныхъ операторовъ, но даже има ихъ не извѣстно; сверхъ сего, у рѣдкаго есть все собраніе форми-ныхъ бородабрѣйныхъ орудій; онъ не нуждается ни въ зерка-лѣ, ни въ мылѣ; большею частью простой ножикъ, да теплая вода удовлетворяютъ его рукѣ. Мнѣ даже случилось видѣть не однажды, что обломки нѣз косы въ рукахъ Мало-Россовъ есть весьма удобное бородабрѣйное орудіе.

Какъ бы то ни было, но одинъ другому болѣе можно приѣ-здить къ другимъ странамъ, въ которыхъ именитый брадобрѣй выказываетъ смыслъ слова *Одима*, чѣмъ въ Руси. Можетъ быть, что у Арабовъ были подобныя же общественныя цирюльни, какъ въ Германіи, Франціи и т. д. Очевидный недостатокъ сихъ общественныхъ цирюленъ въ Руси бросился въ глаза *Иби-Гау-каму*, и действительно побудилъ его къ вышеупомянутому замѣчанію: *у имаи имаи обшлюскѣи брѣютъ одинъ другому, т. е. просто у нихъ нѣтъ публичныхъ брадобрѣевъ, цирюленъ.*

Итакъ, свидѣтельство Аравитянъ явно подтверждаетъ мнѣніе, что бородобръйство есть древнѣйшая отличительная черта жителей Руси отъ прочихъ народовъ. — Этою только чертою можно и объяснить, почему Греки древнихъ Россіянъ называли *Макрокефалог*, т. е. длинноголовыми; подбритая въ кружокъ голова, особенно какъ это дѣлаютъ Мало-Россы, представляется, если смотреть сверху, длинною, какъ бы со всѣхъ сторонъ продолговатою. Этотъ-то видъ дѣйствительно могъ произвести въ Грекахъ странное впечатлѣніе, давшее начало слову *Макрокефалог* длинноголовые, или долгошеи. Сверхъ сего, упомянутое мнѣніе объясняетъ, что Греки подъ симиъ словомъ подразумѣвали именно Россіянъ; и, на-оборотъ, слово *Макрокефалог* именно подтверждаетъ мое мнѣніе о древности бородобръйства на Руси, о чемъ свидѣлствуютъ Марцеллинъ, Прискъ, Арабы, и нѣкоторые другіе обстоятельства.

Все сказанное о бородобръйствѣ отнесено мною только къ варварскому, т. е. не-Греческому и не-Латинскому міру. Древности классическихъ сихъ народовъ довольно обработаны, слѣдственно, извѣстны всякому. Что касается до бородобръйства у Грековъ и Римлянъ, то слѣды его у нихъ можно найти еще до Рожд. Христова, а преимущественно у Римлянъ; впрочемъ, бородобръйство у нихъ было больше моднымъ введеніемъ въ такъ называемомъ *высшемъ* жолѣ, а не собственно народнымъ обычаемъ. Посему, бородобръйство у Грековъ и Римлянъ прекратилось, подобно всякому модному введенію, уже довольно рано, и не нисходитъ ниже IV столѣтія. Простой же народъ у нихъ носилъ бороды во всѣ времена.

Вотъ что можно вывести изъ свидѣтельства Марцеллина, вложеннаго ребячески, но впрочемъ замѣчательнаго. Итакъ, ничто не мѣшаетъ отстать отъ кривыхъ толковъ о Гуннахъ, причиненныхъ одною или двумя пристрастными фантастическими головами; сама Исторія даетъ о семъ народѣ то высшее понятіе, которое можно имѣть только о первоклассныхъ народахъ.

Здѣсь должно замѣтить еще мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ о Финскомъ происхожденіи Гунновъ. Поводомъ къ сему мнѣ-

мно послужило то, что нѣкоторые Венгерцы заговорили ^{было} о Финнскомъ происхожденіи Мадяровъ. Это доказывалъ грамматически нѣкогда Венгерець Gyugmati (Дярмати), а поагъ него и Wélnay (Беднаи), Венгерець же и Профессоръ Исторіа въ *Пожонской* (Пресбургской) Академіи. Ученіе перваго принялъ Шлецеръ, разумѣется на удачу, ибо не зналъ Венгерскаго языка, и не чувствовалъ цѣны доводовъ Дярмативыхъ. Такимъ образомъ, онъ заговорилъ громогласно о Чухонцамъ древнихъ Мадяровъ. Съ тѣхъ поръ заговорили во всей Европѣ о Финнскомъ происхожденіи Мадяровъ; въ слѣдствіе чего, въ изданной въ Парижѣ *Общій Народотиси* (Atlas Ethnographique, par Balbi), Венгры причислены къ Чухонскимъ племенамъ, и въ подтвержденіе сего приложено сравненіе семи или десяти Венгерскихъ словъ съ Чухонскими, отнюдь не подходящими одно на другое! Изъ вложенныхъ мною выше (стр. 90) понятій о тожествѣ основы Мадярскаго языка съ Татаро-Турецкимъ видѣть можно, что Мадяры принадлежатъ неоспоримо къ Татарскому, а не къ Финнскому міру, какъ говорилъ Шлецеръ *).

Сверхъ сего, нѣкоторые ученые, между прочими и Клавротъ, въ своихъ изысканіяхъ о Казаряхъ, попали на мысль, что и этотъ народъ былъ Финнскій, основывая это на нѣкоторыхъ зыбкихъ и жалкихъ догадкахъ. Наконецъ, дѣло дошло и до самыхъ Гунновъ; думали найти доказательство въ созвучіи именъ *Гунны* и *Финны*! Какъ Шлецеръ сланкомъ разставнулъ свой Чухонскій міръ отъ Финландіи чрезъ Уральскія горы по всей почти Сѣверной Сибири, то и вышелъ изъ сего нѣкоторый видъ вѣроятности, что Гунны вышли изъ Финскаго (т. е. только воображаемаго) міра, а именно изъ самой восточной части оного. Это и соответствовало выходу

* Чтобы изслѣдовать степень вѣроятности о Финнскомъ происхожденіи Мадяровъ, Венгерская Академія Наукъ, еще въ 1843 году, послала ученаго своего Члена, *Антоня Ретули*, къ Чудскимъ племенамъ для изученія ихъ нарѣчій и сравненія съ Мадярскимъ языкомъ. *Изд.*

Гунновъ съ предѣловъ Китая или Монголіи *). Впрочемъ, все это простая игра воображенія, не заслуживающая ни какого вниманія. Созвучіе находится не только между именами Гунновъ и Фивновъ, но между самъ послѣднимъ и именами Венедовъ, Винуловъ, Вендовъ.

4) Византійцы не дѣлаютъ ни малѣйшаго различія между Гуннами и Славянскими мiромъ, скрывавшимся тогда еще подъ нарицательными названіями; и, напротивъ, даже подтверждаютъ, какъ видно на самомъ дѣлѣ въ Запискахъ Приска, ихъ сродство, и проч.

Итакъ: съ 380 года послѣ Р. Хр. до 860 или 900, только одинъ народъ, а именно Болгаре, важнѣйшая отрасль Славянскаго рода, съ предѣловъ Азии глынулъ въ Юзовосточную Европу, сначала подъ нарицательными именами Гунновъ и другихъ подобныхъ, а спустя не много, и подъ своимъ собственнымъ. Вотъ что можетъ сказать благоразумная и безпристрастная критика. Нѣтъ, и не бывало, тѣхъ мнимыхъ народовъ, производившихъ предъ глазами Историковъ хаосъ, который система толкованія посредствомъ завоеваній, превращеній, исчезаній, ни разобрать, ни объяснить никогда бы не возмогла. Одинъ только былъ народъ переселившійся, который послѣ многочисленныхъ превратностей, долговременнаго ига, существуетъ еще на лицѣ... Вотъ quod erat demonstrandum, и... весь хаосъ не существуетъ, проясняется Востокъ Европы, исчезаютъ историческія привидѣнія, и можно смѣло отдать отчетъ здравому разсудку и Исторіи.



*) Между тѣмъ, кривою толкъ объ Гуннахъ Марцелина сблизилъ сей народъ съ жалкою жизнію бѣдныхъ Чухонскихъ племенъ.

VIII.

ПРИМЕНЕНІЕ ПОНЯТІЙ, ИЗЛОЖЕННЫХЪ ВЪ ПРЕДШЕСТВУЮЩИХЪ СТАТЬЯХЪ, КЪ ПОНЯТІЯМЪ О ПРОИСХОЖДЕНІИ И ЖИЛИЩАХЪ ДРЕВНИХЪ РОССІЯНЪ.

Многимъ покажется, можетъ быть, страннымъ то, что я рываюсь говорить о Россіянахъ до времени Рурика,—о Россіянахъ въ тѣ Историческія столѣтія, въ которыхъ ихъ имя не было извѣстно ни одному Греческому или Латинскому граматію. Но:

1) Доказанное нами положеніе, что народы въ древнія времена слыли часто подъ нарицательными названіями, дастъ намъ право на это.

2) Объяснивъ древность Болгарь, какъ жителей Волги, мы даже обязаны снять покрывало и съ жителей Руси.

3) Положеніе или, лучше, аксіома, что всѣ Славянскія племена, какъ племена, никогда не именовали себя общимъ какимъ-либо именемъ, тѣмъ менѣе именемъ одного изъ нихъ (Словенъ), показываетъ, что Славянскаго племени, сосѣдственнаго съ Болгарами, обитавшаго въ Руси, нельзя искать въ Руси подъ именемъ *Словенъ* или Славянъ въ VIII, VII, VI и т. д. столѣтіяхъ. Подъ какимъ же? Подъ тѣмъ Священнымъ именемъ, которымъ и нынѣ величается, именемъ *Руссовъ*, и происшедшими отъ него производными.

Можетъ быть, кто-либо возразитъ мнѣ изъ Нестора, что Новгородцевъ именуешь *Словенами*, ergo.... Что Новгород-

пы когда-либо называли себя Словенями, не вѣроятно, но почему Нестору вздумалось ихъ такъ называть, это совсѣмъ другое дѣло.

4. Русь или Руссы, какъ народъ **Норманскій, Скандинавскій**, никогда не существовалъ, и есть только плодъ жалкаго толкованія, или фантастическое произведеніе нѣкоторыхъ изыскателей. Не поняли Нестора! да еще какъ не поняли!

Байеро-Шлецеровское ученіе о происхожденіи Россіянъ почти слово въ слово походитъ на Тунманно-Енгелевское о происхожденіи Болгаръ.

5. Многіе дѣлали вопросъ: Съ какого времени Славяне, т. е. Россы, зашли въ Русь и населяютъ ее? Карамзинъ не могъ рѣшить его, «итакъ, оставляетъ» какъ выражается, «безъ утвердительнаго рѣшенія вопросъ: *откуда и когда Славяне пришли въ Россію?*» См. Ист. Гос. Росс. Томъ I стр. 32.

Нѣтъ ничего несноснѣе подобнаго вопроса; ибо онъ происходитъ изъ нелѣпаго предположенія, что до появленія въ IX вѣкѣ въ Греческихъ гѣтописяхъ собственнаго имени одного племени (Россіянъ), и до появленія въ VI имени другаго племени (Словенъ), проживавшіе въ Руси *Ящеролазы, Геты, Черноризцы, Диммолавы, Затвердлы, Скорородцы* и проч., были особенные какіе-то народы! и что, поелику въ сихъ именахъ сряду не стоятъ буквы р, о, с, с, ы, то сего народа здѣсь и не было, а забрелъ онъ откуда-то послѣ. Вотъ и вопросъ: *откуда же пришли?* Сверхъ сего, въ XIV столѣтіи распустили было басню (или безтолковое объясненіе) о распространеніи Славянскихъ племенъ изъ одного гнѣзда. На помощь гѣтописной провидательности изслѣдователей послѣле обстоятельство, что тогда собственное имя бѣдныхъ Итало-Украинцевъ (Словенъ) отнято для употребленія въ общемъ значеніи, имъ же даны нарицательныя имена *Вендоев, Викидоев*, и областныя: *Крамцеов, Жармѣйцеов, Шмѣрѣйцеов*. Говнй изыскательный смѣло приступилъ тогда къ волшебному

му дѣйствию. Они принудили всё Славянскія племена оставить свои жилища и собраться у береговъ Дуная, тамъ сгнаны ихъ такъ, что они принуждены были вскорѣ разойтись во всѣ стороны міра, куда глаза глядятъ! Тогда стояло только ихъ скомадовать отъ Дуная къ себѣ, къ берегамъ *Дальна, Вислы, или Эльбы*. Комментаръ Нестора вызвался быть квартирмейстеромъ Славянъ, приближавшихся чинно съ Дунайскаго Конгресса, и поселилъ ихъ по разнымъ рѣкамъ и областямъ Руси, давъ имъ разные имена. Говорю — Комментаръ, ибо нельзя допустить, чтобы самъ это говорилъ Несторъ, во время коего еще не толковали подобнымъ образомъ о происхожденіи Славянскихъ племенъ.

Вотъ еще другой гениальный вопросъ: Когда же (!) сіи (мнимые) Словене пришли въ Россію? Исторіографъ признается, что не знаетъ; однако, большинство историческихъ умовъ воображаетъ себѣ, что Россія въ Руси не было до VI столѣтія; а это кажется потому только, что бѣдныхъ Итапо-Украинцевъ впервые назвалъ собственнымъ ихъ именемъ Готъ Юрианъ!!! Какое же слѣдствие произвело прибытіе Славянъ въ Россію? Опять волшебное. Всѣ народы обширной Ящеро-глазиі вдругъ вымерли!

Праведный Боже! Сколько переселеній, церемоніальныхъ маршей! Многочисленные Татаро-Монголо-Турецкія племена (*Гулли, Кутриуры, Авары, Козаре, Боларе*) изъ Руси къ Дунаю; Славянскія съ Дуная въ Русь! Сколько исчезаній гѣдыхъ народовъ (*Гулловъ, Кутриуровъ, Аваровъ, Козаръ*) на Дунаѣ; *Ящероглазыхъ, Затвердыхъ, Черторизцевъ, Длиннолазцевъ* на Руси! и проч. Вездѣ круженіе и измѣнчивость человѣческаго рода, которыя могутъ родиться только въ расквашенномъ горячюкомъ воображеніи. О Исторія!

Опираясь на понятія, уже выше (с. 89) заложеныя, о происхожденіи Славянскаго народа отъ корня, общаго прочимъ Европейцамъ, можемъ рѣшительно допустить аксіому, что *Славяне суть старожилы Европы, маршиль съ Греками и Латинами*. Развитие Сла-

ванскаго народа произошло въ одну эпоху съ развитіемъ Греческаго и Латинскаго и т. д. Эпоху развитія Греческаго народа можно отнести ко временамъ Персидской Монархіи, когда стѣспенная морями Греція и ея острова, не будучи въ состояніи пропитывать избыточествующее количество народа, принуждена была уменьшать оное разсадкою въ разныхъ странахъ колоній. То же самое случилось, не задолго послѣ, и съ Латинами въ Италіи. Этого мало: Греческій и Латинскій народы только что размножились, но Славянскій народъ по огромности своей раздѣлился на особенныя почти народы или племена; посему, развитіе Славянскаго народа, какъ *ствола*, естественнымъ образомъ должно было предшествовать даже развитію Грековъ и Латинцовъ, какъ *ветвей*. Итакъ, развитіе Славянъ есть древнѣйшее изъ всѣхъ прочихъ развитій народовъ *Европейскаго слова*, отнесете ли это ко времени Авраама, Моисея, или Кира, все равно. Дѣло въ томъ, что, во время построенія Рима, Славяне уже въ полной мѣрѣ раздѣлены были на племена, тѣмъ болѣе, что уже тогда и Италіянцы были раздѣлены также на свои небольшія отрасли.

Итакъ, свидѣтелемъ развитія или распространенія Славянскихъ племенъ никто (тѣмъ менѣе писатель-Славянинъ) быть не могъ; даже Греки и Латины, какъ древнѣйшіе Европейскіе Историки, не знали почти ничего положительнаго о развитіи своего собственнаго народа. Итакъ, толковать о распространеніи (которое въ семъ случаѣ должно принять за Историческое волшебство, подобное исчезаніямъ и проч.) Славянскихъ племенъ съ VI вѣка, значитъ бредить въ просонкахъ. Кто можетъ приводить здѣсь въ свидѣтели Нестора, или даже Юрнанда, или Прокосія, не-

тому-что они первые стали употреблять собственное имя Италъ-Украицевъ? На это похоже и вопросъ Исторіографа: Откуда и когда пришли въ Россію Россіяне? Никто не знаетъ, откуда и когда, или: изъ откуда и никогда, или: откуда бы то ни было, все равно, но такъ давно, что даже и вообразить трудно, а изыскивать бесполезно. Итакъ, ничего нельзя сказать лучше и пристойнѣе, какъ только, что *сма-рожины Русы—Россіяне*. Далѣе, что *Неизвѣстные* (Скифы), что *Ицеровлазы*, *Чернорызы* и прочіе обитатели Руси были сіи самые *Россіяне*, очевидно показываютъ еще и слѣдующія обстоятельства:

б) Авсіона, что въ древности сіи имена не представляли столько же, Богъ вѣсть какихъ, народовъ, особенныхъ отъ тѣхъ, которыхъ нынѣ представить можетъ Северо-Востокъ Европы и Сѣверъ Азіа. Татарскія племена, безъ сомнѣнія, въ тѣ времена на просторѣ скитались по Азіи (съ Сибирью); Монгольскія оставались всегда по ту сторону Татарскихъ, въ восточной Азіи, у Китая; Финскія племена Римлянамъ были нѣсколько извѣстны, и, по ихъ свидѣтельству, находились въ самомъ отдаленномъ Сѣверъ-нѣбнѣйшей Россіи; Татары же и Монголы ни Грекамъ, ни Римлянамъ не были извѣстны: Географическія ихъ свѣдѣнія не простирались далѣ Волги. Итакъ, на однихъ только Болгаръ, и еще болѣе на Россіянь, пала вся тѣма безтолковыхъ прозвищъ, между тѣмъ какъ племенамъ, обитавшимъ между Вислою и Рейномъ, досталось другое вздорное же общее названіе *Братосцины* (Germania *).

*) «Germani у древнихъ не Нѣмцы.» См. Ист. Крит. Мысли-ція *Вельма* (о Словенскъ), II. стр. 65—73. *Мед.*

7) Славяне, какъ я уже замѣтилъ, болѣе всѣхъ народовъ, послѣ Грековъ и Римлянъ, отличались осѣдлою и земледѣльческою жизнію. Изъ записокъ Приска и изъ Географовъ III и II столѣтій видно, что *Скифы, Ящеролазы*, на Руси были земледѣльцами. Этого качества приписать нельзя не только Татарамъ, но и Финнамъ. Посему, очевидно, что здѣсь подразумеваются два Славянскія племена: Болгаре и Россіане.

8) Непреоборимымъ тому доказательствомъ служить *серты лица*. На всѣхъ изображеніяхъ Скивовъ, или Ящероглазыхъ, находящихся въ памятникахъ Греческаго и Римскаго рисованія, живописи, вазили, медалей, денегъ, видны черты лица, принадлежащія однимъ только Славянамъ или, просто, Россіанамъ, а не полу-закмуреннымъ, широко-и выпуклоскулымъ, остробородымъ, и плосколицымъ племенамъ Азіискіи породы.

Черты и цвѣтъ лица, послѣ языка, суть дѣйствительно важнѣйшіе признаки различія между разными отраслями рода человѣческаго. Вышеупомянутыя качества еще и теперь ощутительно отпечатаны на лицахъ Татарскихъ племенъ (пребывающихъ въ своемъ Азіискѣмъ отечествѣ, а посему и не смѣшивавшихся съ племенами другаго источника). Сія-то черты кажутся уродливыми Европейцу. Этому нѣсколько, скажутъ, противорѣчатъ то, что нѣныя племена, дѣйствительно Азіискаго происхожденія, какъ Венгры, Турки, Татары Россійской Имперіи, имѣютъ черты лица правильныя, Европейскія. Отвѣчаю: Сія племена исправили свою породу на счетъ Европейцевъ, а преимущественно Славянъ. Въ продолженіе 1000 слѣшкомъ лѣтъ Малярская кровь въ Венгріи совершенно смѣшалась съ Европейскою. Болгарское юношество доставляло Портъ гровыхъ Янычаръ, а прекрасный полъ. . . . Кому не извѣстно, что несчастная нѣкогда Грузія и Черкессія долж-

на была платить Турці ежегодно лучшимъ цвѣтомъ своего нѣжнаго пола?—Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что нѣкогда и злополучныя дочери Руси наполнили гаремы великихъ и малыхъ Сатраповъ Тохтмышы или Батыя. Если пустить бѣглый взоръ—свидѣтель по всѣмъ мѣстамъ Руси, стенавшей подъ игомъ, по всѣмъ минутамъ двухвѣковаго времени, кажется, видяшь несчастныя жертвы, увлекаемыя изъ объятій родителей и церкви! Сколько . . . ужасаюсь думать дагѣ . . .

9) Устройство и цвѣтъ глазъ, цвѣтъ волосъ и видъ бороды. Различіе между народами Европейскаго и сѣверо-Азійскаго происхожденія видно не только въ языкѣ, но и въ тѣлесномъ образованіи. Я сказалъ уже о различіи въ чертахъ лица; сюда причислить можно форму и цвѣтъ глазъ. Греки не много оставили намъ тѣлесныхъ примѣтъ Скивовъ; однако, одно мѣсто изъ Арріанова Перипла Чернаго моря, сохраненное Львомъ Діакономъ (lib. 9, cap. 6, p. 93), какъ замѣчаетъ Демуленъ (въ своей *Histoire Naturelle des races humaines. Paris 1816, c. 18*), показываетъ намъ черты Скивовъ времени Гомера и Адриана: «Въ своемъ Периплѣ,» говоритъ Левъ Діаконъ, «Арріанъ повѣствуетъ, что Ахиллъ, сынъ Пелея, былъ родомъ Скивъ, и родился въ Мирмекіонѣ, маломъ городкѣ на берегу Азовскаго моря. Изгнанный Скивами изъ отечества своего, по причинѣ своего властолюбія и жестокости, онъ переселился въ Фессалію. Покрой его одѣянія, *его русые волосы, его голубые глаза* и проч. явно подтверждаютъ сіе его происхожденіе.»

«Сіе происхожденіе Ахилла,» замѣчаетъ Демуленъ, «объясняетъ и происхожденіе названія *Ахиллова острова* у устья Днѣпра, *Ахиллоу пробицу* въ 120,000 шаговъ отъ сего острова, и *Былъ Ахилла* (*dromos Achillis*), названіе берега, простирающагося отъ устья Днѣпра до *Sinus Carcinitis*, т. е. *Черкопскаго залива.*»

Итакъ, русые волосы и голубые глаза Скиновъ показываютъ именно Европейское ихъ происхождение; в оia черта совершенно отдѣляетъ ихъ отъ племенъ Сѣверо-Азійскаго міра, у коихъ глаза маленькіе, черные, тернопидные. Голубые глаза и русые волосы между Европейцами (Греки и Латины отличались черными) есть общая принадлежность, сверхъ Нѣмцевъ, Славянскихъ племенъ. Очевидно, что сей цвѣтъ глазъ и волосъ въ Скивахъ, жителяхъ Руси, явно отбѣгаетъ Русскій или Болгарскій народъ. Сверхъ сего, на всѣхъ изображеніяхъ Скиновъ или Сарматовъ, на медаляхъ, замѣтите полный разрѣзъ выпуклыхъ глазъ, противоположный сжатому и малому разрѣзу впалыхъ глазъ Азіатцевъ. (Впрочемъ, объ исправленныхъ глазахъ Русскихъ-Татаръ и Турокъ то же подразумѣвать должно, что и объ ихъ чертахъ лица.) Между тѣмъ, на сихъ же самыхъ памятникахъ замѣтите у Скиновъ полную, густую, широкую Русскую бороду, а не рѣдкую, малую, острокопечную Калмыцкую, Киргизскую и т. д.

Теперь, кажется, не трудно понять, почему черноглазые Греки назвали сихъ Скиновъ *Ящеровлазыми*. Голубые ихъ глаза дѣйствительно производили въ Грекахъ (привыкшихъ къ чернымъ глазамъ не только у себя, но и у Сирійцевъ, Египтянъ, Аравитянъ, Персовъ, Италианцевъ, т. е. почти у всѣхъ народовъ) некоторое странное ощущеніе, и, въ первомъ движеніи, сихъ *кужезмцевъ* (Скиновъ), сей замѣчательный по глазамъ народъ, назвали *Ящеровлазыми*! по аналогіи цвѣта ихъ глазъ съ глазами ящерицъ! Почему нынѣ у Грековъ встрѣчаются голубые, а у Россіянъ большіе черные Греческіе и малые черные Калмыцкіе, всякъ самъ себя легко объяснить.

10) Сверхъ сего, вникнуть въ одежду сить изображенныхъ Скиновъ, Ящероглазыхъ, узнаете въ ней точь въ точь одежду Русскую или, лучше, Малороссійскую; даже лапти или постолы таинь образомъ навязаны на ноги, какъ темерь; но не увидите тамъ ни Татарскихъ нестрыхъ халатовъ, ни шапокъ, заостренныхъ къ верху, и проч. Вотъ еще что: Сколько мнѣ известно изъ Исторіи *Искусства красива* у древнихъ, Греки, бѣльшю частію, носили цвѣтныя платья, не исключая даже бѣлаго духовенства (чему слѣдуетъ и нынѣ Русское бѣлое духовенство). Мнѣ кажется, что и другіе народы имѣли нѣкоторое пристрастіе къ цвѣтной одеждѣ, какъ можно замѣтить у Римлянъ и, нынѣ, у Татарскихъ племенъ. Что же Россіане? Ихъ любимый *цѣльмъ*, во всѣхъ краяхъ Руси, и на Волгѣ, и на Днѣпрѣ, и на Днѣстрѣ, и на Вислѣ (въ Люблинской губерніи, въ Польшѣ), и въ Галиціи, и въ Карнатахъ, и за Карнатами (въ Венгріи),—*черный*. Столь обширная и общая приверженность къ черному цвѣту показываетъ древность употребленія оного. *Чернымъ*, *чернымъ* отличалось Россіане. Трудно ли теперь понять, почему Скиновъ, Ящероглазыхъ, называли разноцвѣтные Греки *Черноризцами*, *Черноармяниками* (*Μελαν-Χλαῖνοι*, отъ *Χλαῖνα* армякъ). Дѣйствительно, эта черта (чернота) ощутительна была для Греческихъ глазъ, привыкшихъ къ нестротѣ *). Само собою слѣдуетъ, что сіи

*) Правда, что нынѣ цвѣтъ армяковъ не есть самого чернаго цвѣта, но почти коричневаго, что можно принять за полнѣйшій черный. Впрочемъ, Галичане свои армяки, а Карпато-Россы свои Гусарскія гуни, красятъ настоящимъ чернымъ. Впрочемъ, и обыкновенный темный цвѣтъ Русскихъ армяковъ входитъ въ категорію черноты.

имена не означали племень, но касались цѣлаго народа (?).

11) Русскій народъ, уже при самомъ началѣ своей Исторіи (той, которую началъ собственный его Лѣтописецъ), т. е. въ 862 году, занималъ все пространство отъ Новгорода до Чернаго моря,—да еще какъ! постоянно, осѣдло, земледѣльчески, населяя множество построенныхъ имъ городовъ и селеній. Можно ли подумать, что онъ, какимъ-либо волшебствомъ, залетѣлъ на Русь, подобно саранчѣ, или выпалъ дождемъ съ неба только въ предшествующихъ 861 или 860 году, и въ одну зиму такъ раскозайничался, что нагнѣлъ даже многіе города? Всякъ, у коего есть хотя крошка здраваго смысла, скажетъ, что сіи самыя Россіяне на семь самомъ пространствъ находились и въ 850, 840, 820, 780, 740, 700, 680 и т. д. годахъ.—Далѣе: Только съ 865 года Русскій народъ сталъ быть извѣстенъ Грекамъ подъ собственнымъ своимъ названіемъ; а въ 864, 863, 862, 861, 860, 859 и т. д. годахъ подъ какимъ? Подъ именемъ *Скивоовъ*, *Яцеровлазылъ*, *Черноризцевъ* и т. д. По какой же причинѣ сіи самыя имена и въ VIII, VII, VI, V, IV, столѣтіяхъ не должны означать Россіянь же?—Что же Несторъ съ своей стороны? Онъ говоритъ о Россіянахъ съ того времени (862 г.), съ коего простираются его свѣдѣнія; и будьте увѣрены, что онъ началъ бы говорить о Россакъ съ 762 г., если бы родился и писалъ столѣтіемъ ранѣе; описалъ бы намъ навѣрно Россовъ VI вѣка, или даже временъ Аттилы, если бы родился за три столѣтія. Какъ бы то ни было, одна уже хозяйственность и нѣкоторая гражданственность Россіянь 862 года, показываеъ, что они были старожилами сей страны.

12) Въ IV столѣтїи, какъ известно, Русь, или Ящероглазїи или Sarmatia, была раздраема между Гуннами и Готами. Оба сїи народа не были обитателями собственно такъ называемой Руси; первые жили въ странѣ Волжской, а послѣдніе у береговъ Балтїйскаго или за Балтїйскимъ моремъ. Итакъ, Русь имѣла своихъ особыхъ собственныхъ жителей, — это были Сарматы. Готы утвердили было надъ ними свое владычество; и кто знаетъ, куда бы они распростерли свою власть, если бы имъ не воспротивились Гунны. Началась жестокая война, въ коей Готы лишились бѣльшей части Сармаціи, отпадной, такъ сказать, къ Гуннамъ, и удержали за собою только Сѣверо-западную частицу оной. Итакъ, *Ящероглазые* съ IV вѣка подверглись двумъ народамъ.

Что за народъ Гунны, уже знаемъ; и знаемъ, что они называемы были и Козарами. Что за народъ Готы, Варяги, не знаю; первое имя употребляли иностранцы, а послѣднее одинъ Несторъ. По видимому, оба имена означаютъ одинъ и тотъ же народъ.

Итакъ, въ IV и V (только?) столѣтїи Скимы или *Ящероглазые* или *Роксоланы*, подданные Готовъ съ Сѣверо-запада, и Гунновъ съ Юго-Востока, а въ IX, вѣроятно и въ VIII (только?) вѣкѣ Россїяне подданные Варяговъ съ Сѣверо-запада, и Козарь съ Юго-востока. Откуда эта разительная аналогія? Не очевидно ли, что сїи Скимы, сїи Сарматы IV и послѣдующихъ столѣтїй, подданные Готовъ и Гунновъ, суть тотъ же Русскій народъ IX вѣка, какъ, на оборотъ, сїи Варяги и Козаре IX столѣтїа суть тотъ же Готскїй и Гунскїй народъ IV вѣка?

Замѣтъ. Изъ сего видно, что послѣ кровопролитной войны, въ IV вѣкѣ, между Готами и Болгарами политическое отноше-

не снхъ двухъ народовъ остается *in statu quo* до самаго Рурика или, лучше, до правленія Олега, который первый былъ въ силахъ измѣнить оное: это несомнѣнно. (Почему Олегъ несравненно большее историческое лице, нежели какъ воображали себя вообще, я постараюсь впоследствии наложить свои доводы; изъ нихъ увидать, что это былъ настоящій Русскій Цесарь, Карлъ Великій.) Сей *status quo* обладанія Россіею съ 380 или 400 года до правленія Олега, или до начала X вѣка, очевидно опровергаетъ мнимыя частыя появленія съ Волги на Дунай въ V, VI, VII столѣтіяхъ новыхъ народовъ, которые появлялись, какъ мы видѣли, не съ Волги, а изъ педантическаго толкованія. Сей *status quo* именно показываетъ, что въ Россіи, въ продолженіе почти 500 лѣтъ, не было такихъ переворотовъ, которые бы могли измѣнить оный, то есть, показываетъ политическую тишину всей обширной Сармаціи. За это ручалось могущество Болгаріи. Если бы предполагаемые народы появлялись дѣйствительно, то производимое ими полненіе не дозволило бы сему *status quo* съ 400 года остаться въ томъ же видѣ до 862 года.

13) Извѣстно, сколь горько многіе, а преимущественно Шлецеръ, издѣвались надъ писателями среднихъ вѣковъ, старавшимися отыскать своихъ предковъ между именами нарицательными, но громкими въ древности. Наиболѣе презрительныя ихъ приговоры сызвались на Польскихъ писателей (на-прим., *Сармитакаго* и проч.) за то, что тѣ осмѣлились утверждать, будто Сарматы и Геты суть древніе Поляки, будто Александръ Великій древнимъ Полякамъ (какъ Славянамъ) пожаловалъ грамоту и проч. Сколько бы, впрочемъ, ни были смѣшны заблужденія или шибнія писателей среднихъ вѣковъ; однако, приговоръ ихъ позднѣйшихъ (коихъ возвысанія во многомъ еще смѣшнѣе) слишкомъ строгъ, дышетъ педантизмомъ, и имѣлъ дурное вліяніе на успѣхи исторической критики; ибо

съ тѣхъ поръ никто болѣе не осмѣлился думать о своихъ предкахъ выше той строки лѣтописи, на которой въ первый разъ является собственное ихъ названіе; и сия, нѣкоторымъ образомъ, воспрещася было разбирать кутерьму ипожества нарицательныхъ народныхъ названій первыхъ 8-ми или 10-ти вѣковъ.

Вслѣдствіе сего, кажется, прицѣпились, подобно пчеламъ, къ одному мѣсту Нестора и пересажали древнихъ Россомъ въ Скандинавію. Какъ будто Несторъ могъ быть свидѣтелемъ колыбели обширнаго Русскаго народа!

Впрочемъ, приговоръ сей дѣйствіемъ своимъ на умы одолженъ нѣкоторой философско-святотеческой одеждѣ, въ которую облеченъ; но онъ несправедливъ и самъ по себѣ и относительно къ авторамъ, которые обвиняли другихъ въ томъ, въ чемъ сами были виноваты. Вѣдь вѣрять въ свою очередь, будто *Братовщизна* (Germania, Germani) у Цесаря, Тацита и другихъ означаетъ именно древнихъ *Нѣмцевъ*! (Слишкомъ половину Братовщизны населяли Славяне.) Если такъ, то почему и Россіянамъ не быть столько же древнихъ народомъ? Если древность 15-ти милліоннаго пывшинскаго Итальянскаго народа переходитъ за построеніе Рима, то по какой достаточной причинѣ древность 40-милліоннаго Русскаго не должна принадлежать IV, и III, и II, и I столѣтіямъ? Почему нельзя сказать, что въ царствованіе Траяна, или Авреліана, или Константина Великаго, на Дунаѣ, въ Валахія, Венгрія, или Молдавіи, съ Итальянцами дрались *Русскіе* ильсто *Ящеролазы*, *Скиты*, или *Роксоланы* (Россо-Аланы)? Ужели это, по ипѣнію Меллера, противно здравой Исторіи и естественности?

Довольно ли любезный читатель! Я боюсь наскучить тебя, и боюсь оставить тебя суевѣромъ; боюсь, чтобы ты, не прив-

вычлѣ, не продолжая вѣрить въ Скискія и Ящероглазыя привидѣнія. Будь увѣренъ, что, если бы письменность завелась и распространилась въ обширной Сармаціи во время Рождества Христова, т. е., если бы имѣла Сарматскихъ Историковъ, современныхъ Прокопію, Приску, Евнапію, Олимпіодору, Плавію, Тациту, Цесарю, то навѣрно ты прочелъ бы въ нихъ описанія, напримѣръ, Русскихъ кампаній съ Римлянами на Дунаѣ и за Дунаемъ въ правленіе Траяна, точно такъ же, какъ и въ царствованіе Святослава, Екатерины II; и увидѣлъ бы въ Тацитѣ особую статью подъ заглавіемъ: *Ituptio Sarmatarum in Italiam duce Suvorovio; Scythae expellunt Gallos Helvetia Italiaque; Sarmatarum dux augetur honore Patricii Romani.* Другой Римлянинъ, можетъ быть, написалъ бы: *duce Savario, Savare, Savorio,* а Греки, можетъ быть, въ свою очередь: *Σουβαριος, Σουβαρ, Σοβαρος, Σαυορρος;* а Латинскіе переводчики сихъ Греческихъ сочиненій писали бы: *Dux Scytharum Subarius, Princeps Sauromatum Subar dictus;* и такъ, наконецъ, въ Русскихъ историческихъ компиляціяхъ, въ пользу просвѣщенныхъ читателей, появилась бы: *Сарматскій Князь Чубарь, Субарь, Шубарь, Зубарь, Заборь, Суварь.*

14) Замѣчу еще, сколько сильно Греки привязаны были къ слову Скиномъ. Не смотря на то, что имя Росіанъ сдѣлалось имъ извѣстнымъ уже съ 865 года,—не смотря на то, что Русь съ 1000 года принадлежала уже къ кругу Христіанскихъ державъ,—не смотря на то, что жигели Молдавіи и Валахіи, какъ Христіане и какъ близкіе ихъ сосѣди, были имъ довольно извѣстны,—они не усомнились обновить имя Скиномъ и прилагать оно къ странамъ уже въ XI и даже XII столѣтіяхъ! Нападенія на Болгарію (какъ область съ 1018 г. Византійскую) съ сей стороны Дуная совершаемы были, твердятъ они, Скинами и Скинами, да и только! Этого еще мало: Не смотря на то, что Греки, къ своей бѣдѣ, слишкомъ знакомы

Были съ Болгарини,—не смотря на то, что имя сего народа давно имъ было извѣстно,—не смотря на то; что значительная часть сего народа уже со времени Густиниана I сдѣлалась Христіанами, согражданами и сосѣдами (въ Румелии и Македоніи) Грековъ, сѣи послѣдніе ни какъ не могли отучиться совершенно отъ называнія ихъ Скивами. Въ образецъ приведу слова *Ювина Каменіана* (Vid. Mem. Popul. in Slavicis, pag. 95) изъ его Исторіи *Разоренія Фессалоникки*. «Поля (или область) Фессалоникскія», говоритъ онъ, «заключаютъ въ себѣ разные небольшіе города, изъ коихъ нѣкоторые въ зависимости отъ города» (Фессалоникки, т. е. отъ Византіецей), «и платятъ дань, какъ, напримѣръ, *Дрососиги* и *Завудаты* (?) (*Δροσυσιγίται και Ζαυοδατοι*); нѣкоторые же платятъ дань сосѣднему Скискому народу» (Болгарин, тогда владѣвшей Македоніею), «недалеко отсюда находящемуся. Впрочемъ, городки наши довольно населены, и, поелику торговля ихъ въ тѣсной связи съ торговлею Скивовъ» (Болгарин), «то Фессалоникцы нѣнютъ чрезвычайныя выгоды, тѣмъ болѣе, что оба народа» (объ Державы) «давно уже живутъ въ согласіи, давно уже, какъ и нынѣ, поддерживаютъ и поощряютъ обоюдную торговлю; сему по-соблаять еще то, что многія рѣки, и изъ нихъ довольно великія, вытекающія изъ Скивіи» (т. е. изъ Балканскихъ и Албано-Македонскихъ горъ къ югу, въ направленіи къ Салоникъ), «привозятъ городу множество нищи и богатства.» Видите ли, Македонія превратилась въ Скивію потому только, что не принадлежала Грекамъ! Не очевидно ли, что слово Скивы у Грековъ значило *гужіе, не-Греческіе, иностранныя, иноплеменики*, и есть синонимъ Латинскаго *barbarus*. (Слово *Barbaros* перенято въ Греческомъ

отъ Римлянъ.) Итъкъ, если слово *Скиѣе* не восприняло Болгарину въ X вѣкъ быть Болгариноу же, то что могло преемствовывать не-Греку (Скѣю) на Дибирѣ въ V Столѣтїи быть *Русскимъ* *)?

15) Наконецъ, бытность Болгарь, какъ Славянскаго племени, на Волгѣ въ IV, III и прочихъ столѣтїяхъ, такъ ясно отъивляетъ бытіе въ то же время въ собственно такъ-называемой Руси другаго Славянскаго племени (Россїанъ), что надобно быть самымъ законнѣйшимъ педагантомъ, чтобы не повѣрить, что Меланклены, Сарматы, или Скиѣы Дибировскїе, или Ромсоланы, суть *Россы* или *Русскїй* народъ.

А) Подъ какими нарицательными именами искони слылъ Русскїй народъ?

Кажется, это уже довольно ясно изъ предшествующаго, и новыя объясненїя будутъ излишни и скучны. Впрочемъ, пожалуй, сдѣлаемъ, въ родѣ оглавленїя (*rescapitulationis instar*), замѣчанїе. Вообразите себѣ оба Славянскїя племени, Россїанъ и Болгарь, на ихъ мѣстахъ. Греки тогда уже называли ихъ Скиѣами, когда Римляне не были знакомы еще съ Дунаемъ. Только около Рождества Христова стало входить въ употребленїе слово *Сарматы*, Ящероглазые. Въ I и III столѣтїи стало возрастать любопытство Римлянъ и

*) Или, если подъ вѣсѣтіями писателей II вѣка объ Эстахъ и Финвахъ допущены (разумѣется справедливо) нынѣшнїе Чухонцы или Чудь Несторова, то, спрошу, по какой причинѣ не допустить и Русскїй народъ, какъ болѣе многочисленнѣй, подъ нарицательными же названїями?

Грековъ. Появившіеся нѣкоторые отличные Историки и Географы сихъ времени старались болѣе проникнуть въ сію обширную страну. Не смотря на сіе, именъ *Скиновъ* и *Сарматовъ*, утвержденныхъ употребленіемъ, отвергнуть не захотѣли, и Ящероглазіи осталась въ полной мѣрѣ. *Страбонъ* раздѣляетъ ее на Ящероглазію *Боромейскую* или Большую, т. е. Русь, и *Азіатскую*, т. е. Волжскія жилища Болгарь. Посеку, оба племени наравнѣ участвовали въ семъ имени,—однако, кажется, такъ, что дѣла Сарматовъ на Днѣпрѣ или на Дунаѣ принадлежатъ Ростіанамъ, а на Черномъ морѣ, въ Тавридѣ, Кавказѣ, болѣе Болгарамъ.

Замѣтимъ, что имя *Sarmatae* исключительно принадлежитъ, кромѣ Болгарь, Россіанамъ; предѣлъ Русскаго народа къ Юго-Западу была рѣка Висла; это ясно видно изъ первыхъ извѣстій Русской Исторіи; и нынѣ еще Русское племя, въ качествѣ коренныхъ жителей, примыкаетъ къ рѣкѣ Вислѣ. Мнѣ кажется, что Мало-Россовъ въ Царствѣ Польскомъ, преимущественно въ нынѣшней Люблинской губерніи или Хелмской Русской Епархіи, живетъ слишкомъ 600,000 человекъ, которые въ глазахъ Русскихъ ученыхъ потому только не Россы, что, въ несчастію, мало имъ извѣстны, или потому-что, по волѣ Поляковъ, вѣрны въ Папу! Собственная же колыбель Славяно-Польскаго племени находится по ту сторону Вислы. По свидѣтельствамъ всѣхъ почти древнихъ, Висла отдѣляла Братовщину отъ Ящероглазіи. По сему, Поляки имѣютъ полное право на имя *Germanorum*, но не имѣютъ ни какого на *Sarmatarum*, въ чемъ провинились многіе, и даже Русскіе пѣвцы 1812 года, называя корпусъ Понятовскаго Сарматами.

Между тѣмъ, описывавшіе Сарматію ввели много еще другихъ названій, болѣе частныхъ. Здѣсь мы взглянемъ на обстоятельство, подавшее поводъ къ

происхожденію множества мѣлкихъ народныхъ названій. Обыкновенно, при методическомъ описаніи какаго-либо государства, смотрятъ на раздѣленіе оново на большія области, а сяхъ на меньшія части. Разумѣется, что сія области имѣютъ свои собственныя названія, отъ чего бы онѣ вѣданы ни были; и описаніе дѣлается понятно. Древніе землеписцы, не имѣя свѣдѣній о настоящемъ Статистико-политическомъ раздѣленіи Государствъ, не зная названій самыхъ областей, и долженствуя, при описаніи цѣлаго, дѣлать подраздѣленія онаго, стали раздѣлять на части не страну, а самый народъ, и сямъ-то частямъ народа давали особыя названія, ваятыя отъ разныхъ предметовъ или мѣстъ, ими обитаемыхъ. Такое именно раздѣленіе и описаніе Россіи сдѣлалъ и Несторъ; онъ, какъ извѣстно, Россіянъ (Россію) раздѣляетъ на Полянъ, Радимичей, Вятичей, Деревлянъ, Дульбовъ, Бужанъ, Суличей, Тиверцевъ, Хорватовъ, Сѣверянъ, Дреговичей, Кривичей, Полочанъ, Новгородцевъ. Какая куча народцевъ! или, модъ сколько-ни именими одинъ Русскій народъ! Итакъ, сія имена суть просто мѣстныхъ или Географическихъ, и нымъ замѣняются названіями самихъ областей или Губерній. Подобнымъ образомъ описывали Сармацію и Страбонъ, Помпоній Мела, Птолемей, Плиній и другіе, болѣе или менѣе. Разумѣется, что выдуманная ими мѣстныхъ названія столь же странны, какъ и общее имя Скиновъ, или Ящероглазыхъ; такъ, напримеръ: *Тавры, Киммеріане, Дромиты, Амаксовіи, Скирры, Меланхлены, Макрокефалы, Андробазы, Аватирсы, Тиссаветы, Тираветы, Бастарны, Массаветы, Аланы, Инперборей* и проч., конхъ можно насчитать цѣлыя сотни. Большая часть сихъ мѣстныхъ названій составлена изъ Греческихъ

словъ. И въ Русскомъ ихъ переводѣ видно, какія это чудовища, какую обильную пищу могутъ дать нежданакъ-толкователямъ, еслибъ имъ вадумалось принимать сіи богомошья мрозвища за столько же особенныхъ народовъ. Впрочемъ, описаніе Сарматія упомянутыхъ Географовъ такъ коротко и неясно, что едва ли можно въ немъ добиться толку. Ибо трудно угадать, въ какомъ значеніи принимаемы были Меланхлены, Макрокевалы, Сирры, и пр., консутъ не мѣстныя. Главное дѣло въ томъ, что сіи и другія названія суть просто частныя общаго имени Ящероглавыхъ и притомъ нестойчныя. Онѣ не переживаютъ даже столѣтій; ибо на мѣстѣ ихъ у писателей слѣдующаго столѣтія находятся уже совсѣмъ другія, напримеръ, IV, V и VI столѣтій, какъ видно можно у Приспа, Прокопія, Юрианда и проч. Изъ сего явствуетъ, что всякій писаль и чеканаль ноныя названія не собственныхъ понятіймъ. Что же касается до Историковъ, описывавшихъ нападенія на Имперію, то они придерживаются только общаго имени Скивоовъ и Ящероглавыхъ. Замѣнимъ, что Греки имѣли еще одно имя, которое они употребили въ значеніи общаго. Это *Геты*, изъ коихъ сдѣлали нѣсколько, известныхъ уже, мѣстными названій. Такъ въ восточной Венгріи Гетовъ именовали *Тиссыгетами*, Днѣстриковъ *Тыригетами*, а Болгаръ на Волгѣ *Массагетами*, Днѣпрковъ *Вориссентами*, Донцевъ *Танаитами*.

Теперь рождается вопросъ: Между столькими названіями, не попали ли Греки гдѣ-либо и на собственное имя Россійскъ? Кажется, что да. Массагетовъ именовали они нѣче Алаунами или Алаунами, Аланами; Гетовъ же Днѣпровскихъ и Днѣстронскихъ, для общаго отъ Алановъ, называли и Росоаланами (*Росс-ала-*

нами, *Росо-аланами*). Страбонъ говоритъ, что сіи *Росо-аланы* сильный и многочисленный народъ, и нѣкогда велъ жестокою войну съ *Матридатомъ*. Они же дрались чрезвычайно храбро съ *Римлянами* на *Дунаѣ*. Въ *Римскихъ* лѣтописяхъ нѣсколько разъ помянется война *Римлянъ* съ именовъ *Россалановъ*. Впрочемъ, легко можно себѣ вообразить, что сіе имя не могло быть долговѣчнымъ; ибо *Римляне* долго не могли отвыкнуть отъ *Ящероглазыхъ* и, разумеется, что возобновленная *Россаланами* съ *Римлянами* война, по принятому уже обыкновению, опять названа *Сарматскою*, или войною съ *Дакими* (такъ *Римляне* называли *Греческихъ* *Гетовъ*), какова была подъ начальствомъ *Траяна*, или опять *Ящероглазого*, въ которой такъ храбро сражался *Константинъ Великій*. Итакъ, всѣ упомянутыя частныя названія *Сарматіи* падаютъ на *Русскій* и *Болгарскій* народъ, смотря по мѣстоположенію. Изъ числа сихъ частныхъ было и слово *Гунны* или, лучше, *Унны*, принадлежавшее сначала однимъ *Болгарамъ*, и передѣланное изъ *Алауны*, *Алаунны*. Въ *IV* столѣтіи, при распространеніи *Болгарскаго* оружія по всей *Руси*, имя *Унновъ* сдѣлалось гораздо громче, и стало соперничествовать съ именовъ *Гетовъ*. Въ сію самую пору прекратилось имя *Сарматы*. Въ *V* вѣкѣ имя *Гунновъ* сдѣлалось общицею и народныцею, и, по милости *Приска*, вскоринило подъ своими крыльями новыя мѣстныя прозвища. Итакъ, поелику имя *Сарматовъ*, и всѣ почти его мѣстныя, вышли изъ употребленія, и поелику вмѣсто нихъ имя *Гунновъ* получило столь обширное значеніе не только въ *Дакіи*, но и въ *Руси*; то очевидно, что *Русскій* народъ, лишенный прежнихъ своихъ прозвищъ, и составлявшій съ *Болгарами* одно политическое тѣло,

слыть долго подъ названіемъ Гунновъ наравнѣ съ Болгарами. Между тѣмъ, какъ ~~мѣстныя~~ названія Гунновъ стали быть громче и громче, какъ или *Лунны* въ свою очередь, уступая гласности своихъ мѣстныхъ, должно было исчезнуть и исчезло, то Русскій народъ большею частью поступилъ подъ мѣстное его названіе, а именно, павшее на Русь; это *Акаширы*, или *Козаре*, которое прикрывало Россіянъ отъ взора Грековъ до правленія Олега. Наконецъ, происшедшее раздѣленіе между Болгарскимъ и Русскимъ народами, или, отпаденіе Русскихъ отъ Козаръ, или, восстановленіе независимости и собственнаго Государства Руси, было то явленіе, которое заставило Грековъ тотчасъ познакомиться съ собственнымъ именемъ сей новой державы.

Вотъ вкратцѣ о разныхъ именахъ нарицательныхъ, конии покрываемы были попеременно Россы. Надѣюсь, что Историки, при описаніи разныхъ событій, опишутъ это обстоятельство. Впрочемъ, сія статейка, обработанная обстоятельно, можетъ представить весьма важное и обширное Историко-Критическое разсужденіе. Въ заключеніе скажу въ-видѣ Аксиомы: Вообразите себѣ то время, въ которое многочисленныя Болгары, наполняющіе Европейскую Турцію и отчасти Анатолю, находились еще на Волгѣ въ непосредственной связи съ Русскимъ народомъ; вообразите себѣ то обширное пространство, которое должно было заключать въ себѣ сіи два многочисленныя племена, то сами усмотрите, что свѣдѣнія Географовъ первыхъ двухъ столѣтій не переходили за предѣлы сихъ двухъ племенъ, и что вся почти тѣма Скиевскихъ прозвищъ падаетъ исключительно на сіи два племена, если исключать тѣ свѣдѣнія, которыя имѣли Римляне (а не Греки) о Латышахъ и Чухонцахъ.

Б) Отношеніе Болгарь къ Россіянамъ въ строгомъ смыслѣ.

Мы видѣли общее отношеніе между сими двумя племенами. Теперь постараемся проникнуть глубже въ существо сего вопроса, соображая существенныя черты народности: а) *народное названіе*, б) *языкъ*, в) *правы и обыкн.*, г) *жилища или колыбель*.

а) Народное названіе.

Если обратить строгое вниманіе на имя *Россовъ* и *Болгарь*, то первое только есть собственно *народное*, нѣтъ ли объяснимое; послѣднее же, объяснимое, собственно не *народное*, а *мѣстное*, и въ номенклатурѣ народныхъ именъ стоитъ на той же степенн, какъ и *Несторовы Радимичи, Влжичи, Суличи, Поллне, Деревляне* и пр. и только употребляется вмѣсто собственно-народнаго. Какое же было народное имя Болгарь или, все равно, Волжакъ? Безъ всякаго сомнѣнія, *Россы*. Слѣдовательно, мѣстное имя *Болгаре* есть видовое имени *Россовъ*, т. е. Болгаре такой же Русской народъ, какъ и *Поллне, Деревляне, Радимичи* и пр. Итакъ, Болгаре въ отношеніи къ Славянскому роду ни чуть не составляли особеннаго племени, а заключались въ Русскомъ.

Почему сіа Волжская часть Русскаго народа удержала за собою мѣстное названіе, которое стала употреблять въ качествѣ народнаго, весьма легко понять, если вспомнить, что такое явленіе случалось и у другихъ Европейскихъ народовъ. Кто не знаетъ, что часть Латвискаго или Италіанскаго народа приняла мѣстное названіе *Римлянь*, которое впослед-

ства приняла и прочіе Латины. Сіе же самое имя удержали и по нынѣ въ качествѣ народнаго Италіанскіе поселенцы въ Дакии (потомки ихъ въ Трансильваніи, Валахіи, восточной Венгріи), извѣстные намъ подъ нарицательнымъ именемъ *Волоховъ*. Не смотря на то, что Волохи употребляютъ имя Римлянъ въ значеніи собственнаго, часть сего же самаго Латино-Волошскаго племени приняла вмѣсто онаго другое мѣстное (отъ рѣки, а послѣ и страны Молдовы), *Молдовакъ*, и языкъ свой, настоящій Волошскій, именуесть Молдованскимъ. Подобнымъ образомъ Римляне въ Испаніи приняли мѣстное *Испанцевъ*, во Франціи *Французовъ*. (Замѣчательно, что изъ Италійскихъ колоній, выведенныхъ за границу, одни только Волохи удержали названіе Римлянъ.)—То же самое происходило и между Нѣмецкими племенами. Возьмемъ одно изъ нихъ.—*Боссы*, коихъ Исторія открываетъ въ Баваріи, по крайней мѣрѣ, уже около V столѣтія. Это племя съ IX столѣтія развело свои колоніи въ разныя сосѣднія области, какъ въ Швейцарію, Тироль, и *Словенію*. Сіи поселенцы нынѣ не называются собственно народнымъ своимъ именемъ *Бойссы* или *Босарцевъ*, а мѣстными: *Schweitzer*, *Tyroler*, *Oesterrreicher* и пр. Такъ и другое Нѣмецкое племя, *Саксы*, развелось по сѣверной Германіи, и приняло названіе тѣхъ областей, въ которыхъ поселилось; Саксы въ землѣ Прусакъ приняли имя даже сего народа. Вообще, Нѣмцы съ удовольствіемъ принимаютъ мѣстныя названія. *Саксы-Прусскіи* дратья готовы съ Саксонцемъ за честь своего (Прусскаго) имени и т. д. Впрочемъ, такъ они раздѣляются между собою; а если дѣло идетъ съ иноплеменникомъ, то Прусакъ, Саксонецъ, ГанOVERецъ, Баварецъ, Баденецъ, Австріецъ, Русскій и Французскій подданный принимаются за общее обоемъ племенамъ (Бойнямъ и Саксамъ) названіе *Дайчера*. Замѣтимъ однакожъ, что выходцы изъ сихъ племенъ, слишкомъ рано и далеко отъ родины зашедшіе на поселеніе, не признаютъ болѣе ни племеннаго своего имени, ни общаго Дайчеровъ; такъ *Саксы*, переселенные Карломъ Великимъ въ страну, именуемую Нѣмцами *Ном-Ланд* (нынѣ

Holland) и Nieder-Land, т. е. *Низовьями*, нынѣ называютъ себя только Holländer, Niederländer (Низовцами), т. е. *мѣстными* именемъ, замѣнившимъ у нихъ мѣсто народнаго — Очевидно, что часть Русскаго народа, весьма рано отдѣлившаяся отъ собственной Руси, могла удержать за собою мѣстное названіе *Болгаръ* въ качествѣ народнаго.

Замѣть кстатм. Высокая древность мѣстныхъ именъ у Европейцевъ показываетъ, что съ незапамятныхъ временъ они вели уже жизнь осѣдлую, какъ бы приросшіе къ мѣстамъ (которыми только и отличались между собою, на примѣръ, части одного племени). — Посему, несправедливо воображаютъ себѣ, кажется, въ древней Европейской Исторіи какую-то бродящую, Номадическую кутерьму; и еще несправедливѣе принимаютъ просто-военное V столѣтіе за какое-то общее переселеніе народовъ, *Migratio Gentium!* *migratio Gentium!* Или, на оборотъ, *другая черта*: Вѣчно кочевые потомки Азійскаго корня не имѣли и почти до сихъ поръ не имѣютъ мѣстныхъ названій, а отличаются только племенными именами; даромъ, что мы называемъ ихъ, по мѣстамъ, Бухарцами, Хиванцами.

б) Я з ы к ъ.

Казалось, что различіе въ именахъ *Руссы* и *Болгаре* противится понятію о тожествѣ народности обоихъ племенъ; но мы объяснили это мнимое противорѣчіе. Теперь, кажется, что препятствуетъ оному еще различіе въ языкѣ или нарѣчій. Конечно, между нынѣшнимъ Русскимъ и Болгарскимъ языкомъ довольно чувствительная разница; но она необходимо должна была произойти по причинѣ другихъ жилищъ и продолжительной, такъ сказать, разлуки. Совершенно подобное сему произошло и въ другихъ народахъ, у коихъ важнѣннеіе языка еще оцутительнѣе. Саксонцы

едва ли пойметъ языкъ Голландца, или другаго кого-либо изъ своихъ сосѣдей; и даже въ самой Германіи жители одной округи ни какъ не понимаютъ жителей другой, не смотря на то, что оба одного и того же племени, носятъ одно и то же народное имя. Летскій языкъ на небольшомъ пространствѣ раздѣлился на разные нарѣчія въ Лифляндіи, Курляндіи, Литвѣ и Пруссіи *). Подобнымъ образомъ и языкъ Италовъ раздѣлился на нѣсколько нарѣчій, изъ которыхъ одно впоследствии удостоилось быть письменнымъ, высшихъ обществъ, ученыхъ, а посему, и книжнымъ, судебнымъ, и которое называется Латинскимъ, распространеннымъ (разумѣется, въ высшихъ обществахъ) не только въ Италіи, но и по всей Европѣ.

Итакъ, надо было ожидать, что Русскій языкъ распадется на нарѣчія, тѣмъ болѣе, что занималъ огромное пространство, съ береговъ Вислы за берега Волги, отъ предѣловъ Чуди до горъ Карпатскихъ и Серета или Прута. Очень естественно, что Волжанамъ ни чуть не мѣшало быть Россами то, что они не выражались именно такъ, какъ *Бужане* или *Волжанцы*. Еще болѣе: Если ощутительная разница между Болгарскимъ и собственно-Русскимъ нарѣчіями бросается въ глаза, то замѣйте, что и въ самомъ собственно-Русскомъ есть тоже большой разрывъ. Русскій языкъ, извѣстно, распался на Велико-Русскіе и Мало-Русскіе нарѣчія. Теперь взвѣсьте разницу между обими! . . . Она велика, и не меньше той, которую найдете между В-Русскимъ и Болгарскимъ,

*) См. Статью Венелина: «Окружные жители Балтійскаго моря, т. е. Латы и Славяне», въ чтеніяхъ въ М. Ист. Общ. втор. г., 1846—1847, № 17. Изд.

или между **М-Русскихъ** и **Болгарскихъ**. Ся ощу-
 тельная разница, однако, ни **Мало-Россамъ**, ни **Велико-Россамъ** ни чуть не изъясняетъ быть **Россами** же,
 следовательно и **Болгарамъ** **Волго-Россами** же.—**Ма-**
ло-Русское нарѣчіе имѣетъ чрезвычайное сродство съ
Болгарскимъ; почти тотъ же духъ и тѣ же обороты
 (что яснѣе выкажется изъ сравненія ихъ съ другими
 Славянскими нарѣчіями). Въ свою очередь, и **Велико-**
Русское имѣетъ свою особенную связь съ **Болгарскимъ**,
 который **Мало-Русское** уже не имѣетъ. Причина сего
 взаимнаго сродства зависитъ очевидно отъ географиче-
 скаго положенія народа. **Болгары**, вдоль по **Волгѣ**
 и по **Дону**, были въ сопркосиженіи наравнѣ съ **Ве-**
лико-Россами и съ **Мало-Россами**. **В-Русское** въ обшир-
 ной своей окружности уже уклоняется такъ и сямъ
 отъ своего ствола, и показываетъ нѣкоторыя особля-
 ныя черты или зародки, такъ сказать, будущаго
 нарѣчія. Пригвоздь тому: наши нѣмѣннѣе **Велико-Рус-**
скіе Волжане или **Волжары** успѣли уже, въ нѣкото-
 рыхъ своихъ выраженіяхъ и словахъ, сдѣлаться не-
 понятными для **Москвитанъ**. То же должно считать о
Мало-Русскомъ и **Болгарскомъ**. Итакъ, **Русскій** языкъ
 раздѣляется на три главныхъ нарѣчія: **Велико-Русское**,
Мало-Русское и **Волго-Русское**, т. е. **Болгарское**.

Замѣть. 1) Изъ ощутительной разницы между сими на-
 рѣчіями и 2) ихъ обширности вѣствуетъ вообще, что древ-
 ность существованія **Русскаго** народа равна древности имени
Славянъ, если не превышаетъ ее. Въ драгоценномъ памятникѣ
Болгарскаго нарѣчія **IX столѣтія** (**Св. Пасанія**) видно, что оно
 тогда уже въ полной мѣрѣ было нарѣчіемъ; и не удивитель-
 но, что путешествовавшій въ то время на **Волгу** **Арабъ** почи-
 талъ нарѣчія **Козаръ** и **Болгаръ** однимъ и тѣмъ же, но раз-
 личнымъ отъ **Русскаго**. Впрочемъ, прежде вежали **Болгаре**

наполнили Дакію и Вадунайскія страны, въ IV, III, и пр. столѣтіяхъ, разпада Болгарскаго нарѣчія отъ Велико-Россійскаго и Мало-Россійскаго была, вѣроятно, меньше, и тѣмъ глубже въ древность, тѣмъ всѣ онѣ были ближе къ своему корню, къ единству Русскаго языка. Сею продолжительностію времени и можно только объяснить развитіе языка и образованіе его нарѣчій. Языкъ самъ собою измѣняется не легко и не скоро, преимущественно въ такомъ климатѣ (какъ на Руси), гдѣ говорятъ тихо и внятно. Подлюжны столѣтіи пролетить, и едва можно замѣтить что-нибудь достойное замѣчанія. Въ жаркихъ климатахъ, гдѣ говорятъ скоро, измѣненіе происходитъ нѣсколько чувствительнѣе, что именно дѣйствовало съ IV по XIX вѣкъ на Болгарское нарѣчіе. — Мнѣніе нѣкоторыхъ писателей-Историковъ объ измѣненіи языка въ короткое время, происходящемъ, какъ думаютъ, отъ сѣвненія, принадлежитъ къ Историко-волшебнымъ явленіямъ. Вообще, болѣе естественное, наложенное теперь, понятіе о времени развитія Русскаго языка и раздѣленія его на нарѣчія подтверждаетъ вполнѣ Историческое положеніе о Русскомъ народѣ, какъ *старожиломъ* въ Сквіи.

в) *Правы, обыкши и пр.*

Характерическія черты Славянскихъ племенъ, въ какомъ бы то отношеніи ни было, раздѣлить можно 1) на *общія*, принадлежація всѣмъ, 2) на *гасимыя* или свойственныя которому-либо изъ нихъ. Сія послѣдніи служатъ непреоборимымъ доказательствомъ единородства двухъ какихъ-либо отраслей (на-пр., Россовъ и Болгаръ), и суть одного достоинства для извѣстителя съ *и мене же* народнымъ и *языкомъ*.

1) *Религія*. Въ Славянскія племена отличался *многобожіемъ*.

Многобожіе, наравнѣ съ многими другими чертами народными, есть непосредственное и естественное слѣдствіе ослѣ-

лой-хозяйственной жизни. Разнообразие хозяйственных занятий расширяет круг воображения, понятій, а посему и языка, и представляет поводы къ возбужденію страстей гораздо чаще, чѣмъ однообразное занятіе жизни кочевой. Земледѣлецъ домовитый въ кругу своихъ дѣйствій имѣетъ множество цѣлей и множество препятствій въ достиженіи оныхъ. Онъ нрѣдко изнемогаетъ подъ ними тѣломъ или душою, и въ немощи своей первое движеніе его сердца *есть обращеніе къ какой-то невидимой силѣ, превышающей его человеческую*; онъ призываетъ ее на помощь себѣ; даетъ ей названіе. И вотъ начало Боговъ-покровителей! И сіе самое понятіе о благоволеніи высшемъ дало начало и неблаговоленію, т. е. злымъ божествамъ. Вотъ причина многобожія у народа осѣдлаго; между тѣмъ, какъ кочевой, при единствѣ своей цѣли, скудости занятій и нуждѣ, тащась по степи за своей скотиной, *изъ пустодумья, безопасно засыпаетъ*. Это Физиолого-нравственное замѣчаніе о человѣкѣ, кажется, вполне подтверждается *Многобожіемъ* Европейцевъ и *Малобожіемъ* Азіяцевъ-кочевыхъ. Венгерскія Лѣтописи упоминаютъ только объ одномъ божкѣ *Мадлровѣ*, своихъ предковъ, коего не знаютъ и имени. Равнымъ образомъ древность молчитъ о Миеологіи Татаро-Турецкихъ племенъ. Впрочемъ, странно и замѣчательно, что и Миеологія Нѣмецкихъ племенъ довольно скудна. Что сказано Римскими писателями, на пр. Цесаремъ, Тацитомъ и прочими, на счетъ Боговъ Германіи, того нельзя приписывать безусловно Нѣмцамъ, тѣмъ богѣ, что уже въ VIII столѣтіи Исторія открываетъ Славянъ въ Германіи почти до Рейна. Миеологія собственно Нѣмецкихъ племенъ должна была быть описана во время ихъ крещенія въ VIII и IX столѣтіи; но изъ нея извѣстно не много, и едва ли только по одному божку досталось каждому ихъ племени (Саксонцамъ и Бойямъ). Причина тому уже извѣстна. Карлъ Великій засталъ Саксонцевъ въ Ордахъ; ему стоило много труда, какъ говорить Шлецеръ, отучить ихъ отъ кобылиной сыворотки и ковыны. Они дѣйствительно не могли заниматься земледѣліемъ

въ скудной, пещано-болотистой своей древней Саксоніи, находившейся между устьемъ *Элбы* и *Рейна*. Итакъ, *Многобожіемъ*, слѣдственно и земледѣіемъ, отличались Славяне, Латины и Греки.

Замѣть. Многобожіе у Россіянъ, бывшее съ давнѣйшихъ времявъ, служитъ непреоборимымъ доказательствомъ земледѣльской ихъ жизни, предшествовавшей, разумѣется, началу самихъ боговъ. Что за вздоръ воображать какое-то движеніе между племенами Скивіи, которое родилось въ головѣ единственно отъ поверхностнаго взгляда на мелкія мѣстонарицательныя прозвища, мелькавшія надъ оною! Довольно: Геродотъ, жившій давно до Р. Хр., пальцемъ указываетъ на *Скивоу земледѣльцевъ*, на коихъ тѣмъ же пальцемъ мѣтитъ и Многобожіе Русскаго народа, который по всей Скивіи, не смотря на пылкое воображеніе запоздалаго потомства, неподвижно переживалъ вѣки вѣковъ подъ покровительствомъ добрыхъ боговъ своихъ и домовыхъ.

Многобожіе Славянъ было не вездѣ тожественно. Иное племя имѣло иныхъ боговъ, другое другихъ; носему, всякое имѣло свою собственную Мнѣологію. Сія Мнѣологія, по большей части, опущены изъ памяти вмѣстѣ съ древней Исторіей сихъ племенъ; сохранились только отчасти Мнѣологія Россіянъ и Славянъ Германіи, но несходныя между собою. Болгаре имѣли однихъ Русскихъ боговъ и самыя Русскія повѣрья, о чемъ подробнѣе въ другой разъ; ergo . . . Болгаре суть часть Русскаго народа.

2) *Обычаи*. Нѣкоторыя обыкновенія Болгаръ, замѣченныя Прискомъ, на прижърь: а) вышивать рубашки крашениной, или даже носить цвѣтныя, б) остригать волосы въ кружокъ, в) употребленіе предъ обѣдомъ горячихъ напитковъ, г) порядокъ при угощеніи, д) образъ убирать комнаты утварію, е) обыкновеніе встрѣчать Государей съ *хлѣбомъ-солью*, ж)

пиршества послѣ похоронъ, ежегодная *шризна*, з) бани, и) напитокъ изъ муки или отрубей (квась), i) многія собственные имена лицъ, кѣсть и чиновъ, бывшія только у однихъ Болгаръ и Россіянь, суть собственныя черты Русскаго народа, и вполнѣ подтверждаютъ *Россизмъ* Болгаръ, доказанный предшествовавшими доводами.—Упомянутыя черты, если исключить, можетъ быть, одну или двѣ, не принадлежали прочимъ Славянскимъ племенамъ; ergo. . .

г) *Жилища или колыбель.*

Наконецъ, одно изъ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ тождества Россіянь и Болгаръ есть тожество ихъ жилищъ или колыбелю.

В) *Заключеніе.*

Значительной части Славянскаго народа, уже при первомъ его развитіи, слѣдственно, при первомъ заселеніи Европы, т. е. искони, досталась обширная страна между *Вислою*, цѣпью Карпатскихъ горъ, частью Дуная и Волгою, на извѣстное пространство къ Сѣверу. Это былъ Русскій народъ или племя.

Благодѣтельное изобрѣтеніе письменности явилось тогда, когда родъ человѣчскій уже распространился далеко. Письмена медленно переходили отъ народа къ народу, и долго, долго оставались только у малочисленныхъ Грековъ, у коихъ почти и родились. Изъ великой Греціи (Южной Италіи) достались они въ нѣсколько измѣненномъ видѣ *) въ ново-возраставшій

*) См. статью Венелина: «О времени рожденія названій: Греческое, Латинское, Нѣмецкое, Русское или гражданское, Сла-

Римъ. Тамъ остановились на долго опять, и осталось бы навсегда, если бы Римскій штыкъ не проложилъ имъ дороги изъ Италіи въ сосѣднія страны, навѣія во владѣніе властолюбивыхъ Латинцовъ.

Спасительная Христіанская Религія озарила наконецъ Европу, и даровала намъ все, чѣмъ гордится XIX вѣкъ предъ всеми прошедшими. Но какъ поодино! а Исторія явилась еще позже! Всѣ Европейскіе народы, очевидно, для поясненія своей Исторіи до появленія письменъ, принуждены обратиться къ сомнѣніямъ Грековъ и Римлянъ. Къ несчастію, Греки, заключенные въ островахъ, а на твердой землѣ окруженные морями и отдаленными сѣверными (т. е. Балканскими) горами, не могли получить ясныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о всѣхъ странахъ міра. Раздѣленные на множество независимыхъ итатовъ, и составляя собственную политическую систему или міръ, они всегда занимались исключительно собственными дѣлами; впродолженіе столѣтій не заводили ни какихъ важныхъ дѣлъ съ чужими народами, и тѣмъ избѣгали короткаго съ ними знакомства. Съ другой стороны, огражденные природою и искусствомъ, Греки пользовались безопасностію и потому, что современныя Европейскія племенаъ было еще просторно въ ихъ жилищахъ, и онѣ не нуждались въ завоеваніяхъ.

Итакъ, древнія свѣдѣнія Грековъ о другихъ народахъ были довольно скудны, и ограничивались берегами Средиземнаго моря: какъ Анатолією, Сирією, Египтомъ, Караоагеномъ, южною Италією, Сицилією и т. д. Они мало знали даже о Латинскихъ племенахъ, жителяхъ

сѣверной Италіи, пока, впоследствии, Римъ не даль имъ сильно почувствовать о себѣ; Востокъ имъ былъ извѣстенъ въ отношеніи къ Мидійской, а послѣ къ Персидской Державѣ, нѣсколько разъ покушавшейся на ихъ независимость. Свѣдѣнія Грековъ, прямо къ Сѣверу, не простирались далѣ Дуная, и вся страна по сію сторону онаго осталась бы для нихъ неоткрытою, если бы Архипелагъ не ввелъ ихъ въ устье не только Дуная, но Днѣпра и Дона. Черное море было преддверіемъ Греціи, въ которое попасть не стоило труда; ибо съ острововъ Самоэракинъ, Лемноса, Митилена, Хиоса, почти прямо видѣть можно оное чрезъ широкій каналъ. Слѣдственно, Греки имѣли свободный, безопасный путь ко всѣмъ берегамъ Чернаго моря, который испытали они уже за 1,200 лѣтъ до Рождества Христова. По берегамъ-то Чернаго, равно какъ и Средиземнаго моря разсадили они свои колоніи; съ сѣверо-западныхъ-то береговъ *Чернаго* они увидѣли необозримыя страны, лежащія по сію сторону Дуная на неизвѣстное имъ пространство къ Сѣверу; они ее назвали *Скиѳією* (по-Русски *Чудью*), а жителей ея *Скиѳами*, т. е. Чуждыми. Виноваты ли Греки, что съ перваго взгляда не назвали ихъ собственнымъ именемъ? Древніе народы называли взаимно одинъ другаго нарицательными прозвищами. Виноваты ли и Славяне, что Дайчеровъ прозвали *Нѣмцами*; виноваты ли Дайчеры, что Славянъ (не всѣхъ, а только имъ извѣстныхъ, т. е. сосѣдей) называли *Вендами*; виноваты ли Латины, что обширную страну, лежащую отъ Италіи прямо къ Сѣверу, называли *Братовщиной*, а жителей *Братскими*; виноваты ли Россіане, что короткихъ своихъ знакомыхъ, Мадяровъ, прозвали *Урамы*, Римскихъ поселенцевъ въ Дакии

Волохами, Сохалайновъ Чудью, Чулонцами? Удивительно ли, что Греки долго привязаны были къ имени *Скиевъ*, когда мы сами и по нынѣ не отучились отъ употребляемыхъ нами *нарицательныхъ* известнѣйшихъ намъ народовъ! Однако же Греки не столь виноваты. Имена нарицательныя, прилагаемыя ими жителямъ Руси, были шатки, и часто измѣнялись, пока, наконецъ, не замѣнены *собственными*.

Итакъ, вотъ гдѣ начало Исторіи Русскаго народа, до появленія у него письменъ и собственныхъ лѣтописей, по свѣдѣніямъ Грековъ и Римлянъ. Я показалъ выше, только подъ какими именами должно искать подробныхъ свѣдѣній о Руси; надлежитъ собрать оныя и объяснить. (Это не входило въ кругъ моихъ изысканій, касающихся только до главныхъ положеній Историческихъ.) Итакъ, не входя въ подробности, оставленныя разными Греческими и Латинскими писателями (жаль, что затерялась Исторія Скиоин Евнація, изъ коего заимствовалъ кое-что Иорнандъ) о Скиоин и ея мѣстныхъ названіяхъ, вкратцѣ укажемъ на главныя черты Исторіи страны, по Гречески *Скиоин*, а по Скиески *Руси* *).

Между тѣмъ, какъ Греки смотрѣли на Русь упомянутымъ образомъ, Россы уже искони распространились по сей просторной Греческой Чудѣ, и раздѣлялись на три нарѣчія или части, которыя и назовемъ по мѣстоположенію 1) *Сѣверною* (Велико-Россы), 2) *Южною* (Мало-Россы), и 3) *Восточною* или *Волжскою* (Волго-Россы или Болгаре). Народъ не

*) См. статью Венелова: «Мысли объ Исторіи вообще и Русской въ частности», тамъ же, втор. г., 1846—1847, № VIII. Изд.

подвергался, кажется, критическому допознанію. Покушенія первенствовавшей некогда Персидской Монархія, въ царствованіе Кира, Ксеркса и Дарія, на его независимость были безуспѣшны. Быстрыми завоеванія Александра Великаго коснулись было и Скиѳовъ, но дѣло окончилось тѣмъ, что, прибывъ на Донъ, онъ женился на Массагеткѣ *Роксаннѣ* и возвратился съ женой домой.

Примѣчательно. Дунай одожденъ своимъ именемъ жителями, его окружавшимъ, безъ сомнѣнія Славянамъ; Греки, а за ними Римляне, его называли *Истромъ*; впрочемъ, Римляне выучились у Словенъ, своихъ подданныхъ, называть его и Славянскимъ названіемъ, но нѣсколько латинизованнымъ, *Danubius*. Примѣчательно чрезвычайное сродство имени Русскихъ рѣкъ съ именемъ Дуная: *Дильстръ, Дилъръ, Доина* или *Дина, Донецъ, и Донъ*. Кажется, видишь столько же разныхъ Дунаевъ, названныхъ однимъ народомъ. *Tanaïs* есть отеченное *Донъ*; *Tanaïs* извѣстенъ уже въ первыя времена Сиѳовъ, и въ походѣ Александра Великаго.—Это бросаетъ на древность Руси сильный лучъ, довольно отблещившій въ Скиѳскомъ хаосѣ настоящій предметъ (Россовъ), тотъ самый который выше открылся намъ подъ именемъ Скиѳовъ.

Политическій перевѣсъ Римлянъ былъ нѣсколько тяжелѣе для Руси; ни Дунай, ни частыя драки на обоихъ берегахъ оного, не могли воспрепятствовать Италіанцамъ завладѣть Дакіею и взглянуть въ оной до самаго Дильстра и Карпатовъ. Это было въ ту пору, когда Римское могущество достигало высочайшей степеня, съ коей должноствовало спускаться обратно, и дальнѣйшая опасность со стороны оного стала уменьшаться.

Между тѣмъ, возникъ на Северо-западѣ Европы одинъ могущественный народъ, который съ упорствомъ воспрещалъ Римлянамъ переправу чрезъ Ду-

най и Рейнгъ, и даже самъ нападалъ на нихъ чрезъ сія рѣки. Наступательными его дѣйствіями не ограничались Римскою линією; онъ дѣлалъ завоеванія кругомъ себя къ Сѣверу, Западу (III столѣт.) и Востоку.

Уже въ началѣ IV столѣтія сей могущественный народъ обратилъ оружіе свое на Русь, и жители ея, которые не задолго передъ тѣмъ (въ царствованіе Имп. Діоклетіана и Максиміана) пытались выгнать Римлянъ изъ Дакіи, теперь принуждены были сами защищаться; ибо дѣло шло уже о собственной ихъ независимости. Къ несчастію, враги предводительствуемы были ихъ Аннибаломъ, *Ерманарикомъ* *), и Русь, послѣ утомительной борьбы, пала подъ иго могущественнѣйшаго народа. (Онъ слылъ прежде подъ нѣсколькими именами, но съ нѣкотораго времени преимущественно подъ названіемъ Готовъ **). Самъ Юрнандъ утверждаетъ, что его Готы поразили и подчинили себѣ весь *Россолавскій* народъ.

Послѣ столь значительной добычи, завоеватели бросились на Римскую Имперію по всей сѣверной линіи отъ Чернаго моря до Атлантическаго. Римляне не удержали за собою мѣста борьбы и, уступивъ большей силѣ, потеряли навсегда всю Дакію, Британнію, значительную часть Франціи и Испаніи. Первенство и Диктаторство Римлянъ между народами міра оставило такимъ образомъ берега Тибра и переселилось къ Балтійскому морю.

*) Весьма замѣчательна аналогія сего знаменитаго имени съ именами другихъ двухъ особъ, не менѣе же знаменитыхъ, *Ермича*, Князя Аваровъ, Болгарина, осаждавшаго Константинополь въ 626 году (см. выше стр. 88), и *Ермака*, Россіянина, завоевателя Сибири.

**) См. замѣчаніе на стр. 104-ой, *Изд.*

Въ сѣбѣ политическомъ положеніи, Русь не могла ожидать ничего, кромѣ вѣчныхъ цѣпей. Могла ли она оглядываться за помощью тогда, какъ посѣдѣвшія подѣ лаврами побѣдъ отройныя Римскія войска не выдержали борьбы, ослабли, и не дерзали болѣе поднять наступательнаго оружія? Или, развѣ могли чѣмъ-либо обнадѣжить ее внутренне-Азіяскія Татаро-Монгольскія кочевья, пастушескія Орды? Нѣтъ, Провидѣніе оставило ей одну только надежду, надежду на собственныхъ ея сыновей, привыкшихъ искони въ независимости своей отчизны. Да; Волжане, отважные Волжане первыя дали сигналъ къ ея освобожденію, и, держа мечъ въ правой рукѣ, лѣвую подали роднымъ своимъ братьямъ *Сѣвернымъ* и *Южнымъ*, и соединенными силами вырвали окровавленную родину изъ рукъ врага, изцѣлили ея раны. — Посѣдѣвшій Готскій Аннибалъ прекратилъ себѣ жизньъ, подобно Караагескому, собственными руками, чтобы не попасть въ руки праведныхъ истителей.

Уже въ исходѣ IV вѣка почти вся Русь была освобождена; но воинственнымъ порывомъ ея сыновей уже не стало конца; они преслѣдовали Готовъ до самаго Дуная, и принудили ихъ искать убѣжища въ предѣлахъ Имперіи. Итакъ, Дакія, со временъ Траяна отнятая у Руси, теперь ей возвращается. Упрочить свою безопасность, собравшись съ силами, Русь скоро вознеслась на степень могущества и славы, которой можетъ только достигъ многочисленный, первостепенный и хорошо устроенный народъ. Природа даровала ей геніальнаго юношу. *Тьланъ* или *Анттила* въ юныхъ своихъ лѣтахъ, бывъ почти свидѣтелемъ освобожденія, подѣ главнымъ предводительствомъ родителя, а послѣ и дяди своего *Релна* или *Ревана* (*Reas*), своей

родины отъ ига чужеземнаго, — быть свидѣлемъ такихъ событій, которыя болѣе всего могутъ возбуждать въ пылкомъ юномъ любовъ къ отечеству, духъ героическій, предприимчивый и дѣятельный, выросъ на войнѣ и жилъ только для войны.

Итакъ, Гунно-Аваро-Козарская держава собственно была Царство Русскаго народа, всего, а не одной какой-либо части онаго; ибо не возможно, чтобы одни Волжане могли возвыситься на такую степень могущества. Посему, сказанное (выше, стр. 105) о Гунноской державѣ: *Болгарія, Держава между Дунаемъ и Волгою*, должно замѣнить словами: *Россія, Держава между Дунаемъ и Волгою*; ибо имя Гунны, заступившее имени Сарматовъ и Роксоланъ и Скивовъ, означало и Болгаръ и Мало-Россовъ и Великороссовъ. Вообще, Греки покрывали именемъ Гунновъ всю упомянутую политическую массу; ибо они не умѣли и не могли различить ея частей, преимущественно когда Волжане, стремясь къ Западу и Югу, перемѣшались отчасти съ сѣверными, а болѣе съ южными Россами. Ужъ, кто въ сей массѣ говорили Волжскимъ нарѣчьемъ, кто южнымъ, было для нихъ даже и валишино и бесполезно. При соединеніи всей Руси и военныхъ движеніяхъ народа, части онаго, разуживаются, смѣшивались; но, не смотря на то, три нарѣчія не могли сдѣлаться опять однимъ языкомъ; Волжане, въ большинствѣ Велико-Россовъ или Мало-Россовъ, пригнѣвлялись къ ихъ нарѣчю, а сѣ, на оборотъ, у нихъ къ Болгарскому. Вообще, великій Русскій, какой бы части ни былъ, нигдѣ тогда равнымъ Государственнымъ преимуществамъ, точно какъ и нынѣ Велико-Россы и Мало-Россы суть равные члены одной, и той же націи и державы. — Меллерово выраженіе Кіевъ

лике или Черниговцы или Смолене *даже далее Карамль*, не представляет взаимнаго отношенія Мало-Россовъ къ Волжанамъ. Впрочемъ, замѣчательно то, что первенство, имѣющее, если хотите, видъ нѣкотораго господства, принадлежало попеременно всѣмъ тремъ Русскимъ плененамъ. Оно было сперва на самомъ Югѣ, у *Волжанъ*; потомъ, послѣ отпаденія Волжанъ (Дакійскихъ) отъ Руси, находилось въ Кіевѣ (Святославъ хотѣлъ подчинить себѣ Венгрію и всѣ страны до самаго Балкана; но политика Византійцевъ, какъ извѣстно, воспрепятствовала ему въ этомъ); наконецъ, оно нынѣ на Сѣверѣ.

И въ Исторіи письменности были эпохи подобнаго господства. Нѣкогда Мало-Россы, между коими и Несторъ, облакали свои сочиненія въ Болгарскія формы. Въ среднія времена языкъ не только Велико-Русскихъ сочинителей, но и судебный Царства Московскаго, испещренъ Мало-Россиизмами; наконецъ, со времени Ломоносова, Сѣверный языкъ сдѣлался Литературнымъ. Какой Мало-Россъ нынѣ не пишетъ правильно и чисто на семъ сѣверномъ нарѣчій! Нынѣ оба брата, Велико-Россъ и Мало-Россъ, ходятъ вмѣстѣ, рука объ руку, плечо съ плечомъ, на берега Дуная и Евфрата, собираются вмѣстѣ на Балканъ и Кавказъ, вмѣстѣ трудятся на поляхъ Наукъ и Словесности. И не удивительно... все у нихъ свое общее, все родное.... Да благословить ихъ Провидѣніе!!!

Кстати сказать здѣсь нѣчто объ описаніи вышеупомянутыхъ происшествій въ первомъ Томѣ *Исторіи Государства Россійскаго*, соч. Н. М. Карамзиннаго. Внимательный читатель, сравнивъ наши изслѣдованія, увидитъ самъ достоинство 1-й главы у сего писателя. Въ этой безобразной компіляціи безпрерывное

круженіе народовъ изложено столь кратко и неясно, что, кажется, должна закружиться и голова читателя; видишь безпрестанный маршъ разнохарактерныхъ народовъ, *людолюбцевъ*, *песыволовоныхъ*, *гернокафтанниковъ*, *длинноволовыхъ*, *лицероглазыхъ*, *надсыренныхъ* *), *украшенныхъ* **), *волнистыхъ* ***), *неопредѣленныхъ* ****) и проч., которые вдругъ появляются на одноѣ и томъ же мѣстѣ, сталкиваются и проницають другъ друга, проходятъ черезъ сцену, и удаляются... за кулисы? Да, сыгравъ по одному явленію. Уродливые же Гунны сыграли цѣлую даже классическую Трагедію. Наконецъ, на страницѣ 18-ой, «исчезли, какъ грозное привидѣніе» (!), чтобы въ то время Россія могла представлять обширную пустыню,» на театрѣ коей съ другой стороны «выходятъ Славяне», которые на сценѣ имѣли видъ *храбрый* и воинственный потому, говоритъ Карамзинъ, что «вмѣ ихъ можно произвести отъ *славы*.»! и проч. — Разбирать подробно сію главу, дурно-составленную по чужимъ мнѣніямъ, почитаю за излишнее; ибо выше разобрано то ученіе, въ духѣ коего она написана. Съ самимъ Карамзинымъ въ краткомъ отношеніи буду имѣть честь говорить обстоятельнѣе въ слѣдующихъ его главахъ, а именно тамъ, гдѣ опъ появляется, какъ самостоятельный писатель. Продолженіе объясненій по сему направленію (къ чему я осмѣливаюсь приглашать всякаго отечественнаго любителя

*) Иперборен.

***) Каллипиды.

****) Кимеріане, отъ *хима* волна. Такъ названъ Крымскій заливъ (*Восфоросъ*) *Кимерійскимъ*, т. е. волнующимъ.

*****) Аорсы.

Исторіи), со временемъ можетъ довершить то, въ чемъ еще недостаточны наши свидѣнія касательно первобытной Руси или Скиѣи.

Итакъ, начало общей Русской Исторіи теряется во временахъ первобытной Скиѣи. Сильный переворотъ, произведенный Готами, заключаетъ періодъ первобытной Общей Исторіи Россіи, или Вступленіе. Эпоха Гунно-Аваро-Козарской державы, отъ Атиллы до Олега или отпаденія Руси отъ Дакии (отъ Болгаръ), составляетъ первый Томъ *Общей Исторіи Россіи*,—періодъ дѣйствительно блестящій, Диктаторскій. За первымъ Томомъ слѣдуютъ два вторые; ибо общая масса народа раздѣлилась на двѣ независимыя части, и тѣмъ родились изъ одной двѣ Исторіи. Второй Томъ Исторіи собственно такъ называемой Руси, или первый по Карамзину, начинается изгнаніемъ Варяговъ изъ небольшой части сѣверной Руси, бывшей въ ихъ владѣніи, и отпаденіемъ старой Руси отъ Волжанъ Дакийскихъ. Здѣсь же начинается и второй Томъ собственной Исторіи Волжанъ или Болгаръ. Подобнымъ образомъ обоюдно слѣдуютъ и третій и четвертые томы и т. д. Поелику, кромѣ предшествующихъ изысканій, я рѣшился объяснить Исторію Руси послѣ ея отпаденія, т. е. разобрать весь первый Томъ Карамзина; то, для связи Атиллина времени съ правленіемъ Олега, изложу, въ видѣ продолженія, главныя черты сего достославнаго періода, общаго всѣмъ тремъ Русскимъ племенамъ.

IX.

**ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ, КОТОРУЮ ИГРАЛА
РОССІЯ (БОЛГАРО-РОССІЯ) ВЪ ЕВРОПѢ ВЪ ПРА-
ВЛЕНІЕ АТТИЛЫ, И ПЕРВЫЕ ЕЯ НАДѢ ПРОЧИ-
МИ ГОСУДАРСТВАМИ.**

Мы видимъ въ сей эпохѣ Россію первостепенною Державою, Европейскою и Азіатскою имѣсть, и, послѣ раздѣленія Римской Имперіи, первѣйшею въ мірѣ. Не чего сомнѣваться во внутренней ея силѣ; войска ея были всегда готовы къ походу. Но сіе одно качество недовольно для произведенія перевѣса одной державы въ общемъ соотношеніи между народами. Самое выгодное положеніе шашекъ на шахматъ можетъ разстроиться неспособностію игрока, и превосходство переходитъ на сторону опытнаго. Предпріимчивый и искусный интригантъ можетъ поставить домъ вверхъ дномъ, и водить господина (сильнаго) за носъ. Умъ, только умъ бодрый и проникательный лучше всего управляетъ машиною; слабое управленіе ономъ, или, что одно и то же, отсутствіе проникательнаго, вседвижущаго ума поведетъ ее на мѣль, или разобьетъ о скалы въ дребезги.

Россія дождалась, наконецъ, необыкновеннаго ума, отличнаго Политическаго интриганта, искуснаго игрока обстоятельствами; дождалась Аттилы, который привелъ всѣ три соединенныя внутреннія ея силы въ движеніе. Онъ былъ геройемъ и въ кабинетѣ и въ палатѣ

къ; Министры его и Воеводы въ безпрерывномъ движеніи. Римляне очень чувствовали истину сравненія, приведеннаго мною; предвидѣли опасность, которую отвратить можно было только ударомъ сабли. Къ этому-то средству, приступилъ было Византійскій дворъ, коему, какъ камень, лежалъ на сердцѣ новый Болгаро-Русскій лагерь въ малой Валахіи. Неудачная попытка Императора разстроила дѣло, которымъ однако обиженный Монархъ умѣлъ воспользоваться довольно искусно. Одинъ ударъ и Европа спасена, одинъ ударъ, и имя Гунновъ осталось бы въ неизвѣстности; чуть чуть мелькнуло бы оно изрѣдка въ строкахъ Греко-Римскихъ писателей сего времени. Вѣчная тебѣ похвала вѣрный и непоколебимый слуга Государя и сынъ отечества, хвала тебѣ, Едиконъ! Ты стяжалъ себѣ славу неувыдаемую. Вѣрный Царю, ты былъ вѣрнымъ отечеству; спасая твоего Государя, ты обезопасилъ твою родину; спасая главу, спасъ все тѣло. Ты поступилъ какъ чловѣкъ честный, и будешь вѣчно образцомъ преданности къ Государю и отечеству, которую ни краснорѣчіе, ни обещаніе всѣхъ благъ земныхъ поколебать не могутъ.

Послѣ отправленія посольствъ обѣихъ Имперій и другихъ народовъ, Король возвратился къ войску, въ Банатъ и Малую Валахію. Для принятія возвращающагося заговорщика *Визилы*, сдѣланы имъ распоряженія. Переправившись чрезъ Дунай, интригантъ тотчасъ былъ взятъ подъ стражу; всѣ вещи у него отобраны, въ числѣ коихъ на мѣсто 50 фунт. найдено 100 фунт. золота. Король велѣлъ его представить для допроса. Мошенникъ утверждалъ, что деньги назначены на другое. Король велѣлъ выставить сына его,

въ первый разъ туда прибывшаго, и грозилъ разстрѣлять его, если отецъ не признается въ тайномъ покушеніи. Тронутый участіемъ сына, преступный отецъ признался въ своемъ намѣреніи и самъ открылъ казны Византійскаго двора. По совершеніи допроса, Атиллѣ велѣлъ посадить его въ цѣни, и сказать ему, что дотолѣ не отпустить его на волю, пока сынъ его не привезетъ изъ Константинополя другихъ 100 фунт. золота за себя и отца. Итакъ, сынъ отпущенъ обратно; съ нимъ посланы въ Константинополь *Еславъ* и *Орестъ*. Сему послѣднему велѣно явиться на аудіенцію съ мѣшкомъ на шеѣ, въ которомъ отправлена была отъ двора къ Едикону упомянутая сумма денегъ, предстать такимъ образомъ предъ Императора, и спросить его любимца, знакомъ ли ему мѣшокъ? а Императору сказать, что онъ сынъ отца благороднаго, и Атиллѣ также сынъ мужа не менѣе благороднаго и знаменитаго, и поддержалъ и наследовалъ достоинство и благородство своего родителя; а Императоръ, напротивъ, унижился, сдѣлавшись данникомъ и вассаломъ Гунновъ, и, потому, ему, какъ слугѣ подлому и невѣрному, не прилично дѣлать тайный заговоръ и покушеніе на жизнь своего Господина. (Слова Приска.)

Сверхъ сего Король велѣлъ еще требовать выдачи Хрисафія; по крайней мѣрѣ, подъ видомъ сего требованія надѣялся получить значительную сумму денегъ. На непрерывныя войны и походы нужны были чрезмѣрные надержки. Король весьма искусно пользовался благоприятными случаями переливать питательный сокъ (деньги), подкрѣпляющій члены, изъ чужой машины въ свою.

Симъ посольствомъ чрезвычайно пораженъ былъ дворъ Византійскій, который по необходимости сталъ угождать Атиллѣ. По его требованію, отправлены къ

нему два Цера Имперіи, Министръ Финансовъ *Анатолий*, да Генераль отъ Инфантеріи *Номій*, идить изъ богатѣйшихъ Вельможъ, и другъ *Хрисафія*. Императоръ, чтобы укротить оскорбленнаго Короля, и привести къ окончанію переговоры, отправилъ къ нему весьма значительное количество золота. Съ своей стороны не пощадилъ своего кармана и *Хрисафія*, по крайней мѣрѣ, чтобы избѣгнуть бѣды.

«Король, отправившійся къ войску, сначала не хотѣлъ дать аудіенціи Посламъ; но послѣ, узнавъ о количествѣ денегъ, ему привезенныхъ, смягчился и, допустивъ ихъ къ себѣ, принялъ ласково и снисходительно. По полученіи денегъ и прочаго, представленнаго Императоромъ и его любимцемъ, заключенъ между обѣими державами миръ, по коему возвращены Имперіи области, занятыя Гуннами по ту сторону Дуная до восточныхъ береговъ рѣки Моравы; а Византійцы обязались не принимать Русскихъ бѣглецовъ. Выпущенъ изъ оковъ *Вигила*, но только по отсчитаніи выкупныхъ 100 фунт. золота. Отпустивъ Императорскихъ Полномочныхъ, отправилъ вмѣстѣ съ ними своего Статсъ-Секретаря *Констанція*, чтобы Императоръ лично подтвердилъ трактатъ, и исполнилъ свое обещаніе касательно его женитьбы.» Но какъ бѣдная дѣвушка одѣлалась жертвою разныхъ интригъ, то Статсъ-Секретаря женили на молодой, но богатой, вдовѣ *Арматія*.

Межь тѣмъ, не задолго послѣ заключенія мира, *Феодосій II* скончался (28 Іюля 450 г.), оставивъ послѣ себя одну дочь. Сестра его *Шулхерія*, способствовавшая ему мудрыми совѣтами, принуждена была приняться за кормило правленія. До сихъ поръ ни одной женщинѣ не удавалось править Имперіей, и

потому, будучи исключена отъ правленія, рѣшилась набрать себѣ супруга въ Генералитетѣ. Выборъ палъ на *Марціана*, человека низкаго происхожденія, но заслуженнаго. *Аттила*, по полученіи извѣстія о перемиріи въ Византійскомъ правительствѣ, отправилъ въ Константинополь Посла съ требованіемъ, чтобы новый Императоръ подписалъ условія трактата съ его предшественникомъ, въ силу коего Имперія должна была платить Россіи значительную ежегодную дань. (*Гонорія*, сестра Западнаго Императора Валентиціана III, дѣвушка влюбчивая, что-то напроказничала. Она была принуждена оставить свой Дворъ, и отправиться къ Византійскому, гдѣ принята была довольно хорошо снисходительнымъ *Оеодосіемъ*. Впослѣдствіи, возвратясь въ *Италію*, какъ-то вошла въ любовныя сношенія съ *Аттилою*, коему, обѣщая руку свою, прислала нѣжное писмецо съ обручальнымъ кольцомъ.) Король, въ то самое время, когда отправлялъ посольство къ *Марціану*, отпустилъ другое, вмѣстѣ съ кольцомъ къ *Валентиціану*, съ требованіемъ приданого, по его мнѣнію, состоящаго въ какихъ-либо областяхъ. Императоръ весьма естественно отвѣчалъ, что *Княжна* не можетъ выходить за него за мужъ, ибо имѣетъ уже супруга; сверхъ сего, она не имѣетъ ни какого права на наслѣдство Имперскихъ владѣній, отъ коего, по Государственному постановленію, женщины исключаются. Сей отказъ предуготовлялъ разрывъ и съ Западною Имперією. Впрочемъ, посольство *Аттилы*, по видимому, было только политической диверсіей, клонящейся къ разрыву, котораго причиною было другое, по видимому, обстоятельство.

Франція, въ это время, была раздѣлена между тремя господами; *Юво-Восточная* принадлежала Римля-

нахъ; *Юго-Западная Готы*, которые, для отличія отъ зашедшихъ въ Мизію и Иллирикъ, называемы были у писателей *Westrogothi*, *Wisigothi*, Западные Готы,—столицей ихъ былъ Тулузъ; *Сѣверо-Западная* же, или, вообще, Сѣверная была во владѣніи Ванда-ловъ, по рѣкѣ *Лоартъ* до *Сенъ*.

Колыбель и древнія жилища сего воинственнаго народа есть *Старая* или *Великая Вандалия*, т. е. обширная Балтійская Славонія, т. е. Германская Украина, или жилища Славянъ въ Германіи, (т. е. нынѣшнее Саксонское Королевство, прилежащія къ нему съ Запада Герцогства, всѣ Прусскія владѣнія, большею частью Ганноверское Королевство, Голштейнъ, и Мекленбургскія Вел. Герцогства). Сей народъ, слышій у Римлянъ подъ общимъ нарицательнымъ именемъ сперва *Веледовъ*, а послѣ *Вандаловъ*, по единогласному свидѣтельству всѣхъ писателей, начиная съ Юлія Цесаря до Авентина, т. е. до Карла Великаго, или даже до X столѣтія, былъ могущественнѣйшимъ и' первенствующимъ народомъ Германіи. Исторія его темна. Впрочемъ, изъ сохраненныхъ о немъ свидѣтельствъ чужестранныхъ, слишкомъ ясно видно, что онъ былъ Финикіянами или Карагенянами древней Европы, и былъ, такъ сказать, классическимъ народомъ варварскаго Сѣвера.

Итакъ, Вандавы владѣнія свои распространяли не только сухимъ путемъ, но еще и моремъ. Всѣ почти берега сѣверной Европы имъ принадлежали. Римляне, подъ предводительствомъ Юлія Цесаря, вступивъ въ страну, которой собственнаго названія не знали, и которую прозвали Галліею, т. е. *Пѣтушьею* *страною*, застали большую часть ея, особенно примыкающую къ сѣверному морю, во владѣніи сихъ Вандаловъ. Она была отчасти заселена Вандалскими колоніями, Богъ вѣсть, съ коихъ поръ туда переселенными. Извѣстно, что Цесарю ничто не могло противостать, и сія Пѣтушья страна слѣдалась почти вся Римскою областью. Впослѣдствіи, Римскіе Императоры посылали въ сію страну, верховными военными

и гражданскими Генералъ-Губернаторами первѣйшихъ своихъ Ермоловыхъ и Паскевичей. Чиновникамъ, туда отправляющимся, и всѣмъ другимъ лицамъ даны были особыя привилегіи. За ними послѣдовали многія колоніи.

Итакъ, сія *Плутулья страна*, кромѣ неизвѣстныхъ намъ коренныхъ ея жителей, населена была и Вандальскими и Италіанскими колоніями. Первые сдѣлались подвластными снѣмъ послѣднимъ. Между тѣмъ какъ всѣ окружные народы уступали Римскому оружію, и покорялись господству Италіи, Вандалы сдѣлались непримиримыми ея врагами. Между тѣмъ какъ гнѣвные народы малой Азіи, Востока, Египта, Африки, безпечно покоились подъ Римскими орлами до позднѣйшихъ временъ, жители Руси и Вандали не переставали покушаться на разстроеніе могущества Рима. Сочувствіе между ними двумя сродными народами пробѣгало подобно искрѣ электрической, и Римляне безпрестанно видѣли въ войнѣ *сум Scythis, Sarmatis, Dacis, Quadis, Marcomanis*, или *Magahannis* (Моравитянами и Чехами), а тамъ *сум Germaniae populis*. Вандалы, дѣйствительно, не переставали покушаться на возвращеніе своихъ владѣній въ *Плутульей странѣ*. Они непрерывно подстрекали свои поселенія къ возмущенію; эскадры ихъ весьма часто появлялись у береговъ Галліи, а сухопутныя нападенія чрезъ Рейнъ. Римляне принуждены были удвоить свои гарнизоны въ сей странѣ. На силу провладѣли они ея два, три столѣтія, при непрерывномъ караульничаніи и кровопролитномъ защищеніи.

Въ IV столѣтіи ожесточеніе нападеній по всей Римской землѣ возвысилось до высочайшей степени, и тогда загремѣло страшное общее имя *Готтовъ*, которое Римляне прилагали упомянутому сильному народу Германіи вмѣсто старинныхъ прозвищъ. Тогда большая часть Плутульей страны возвращена власти Великой Вандали. Сія страна, вѣчная ненавистница и соперница Рима, валагъяла, подобно Кароагену, многихъ Аннебаловъ. Воеводы и Адмиралы ея въ то же время бросились на Испанію, коею южною половиною завладѣли, и до

тѣхъ поръ владѣли, пока не принуждены были уступить, единicomъ 300 лѣтъ спустя, Арабамъ. Сія страна еще и нынѣ называется *Малюю Вандалію*, *Vandalicia*, или, по нынѣшнему произношенію, *Andalusia*. Отсюда-то флотъ Вандавскій перевезъ своихъ героев и на берега Африки, подъ предводительствомъ бессмертнаго Генсерика, основавшаго, какъ говорится престо, Карагенское или Африканское Королевство Вандавъ (а въ самомъ дѣлѣ такое, какое имѣютъ нынѣ Англичане въ Гвиней и Конго, у западныхъ береговъ Африки, т. е., просто, Африканскія владѣнія *Вандаліи*).

Вотъ тѣ могущественные Готы, которымъ удалось было поработить и Россію, какъ мы уже видѣли выше. Это была высочайшая степень ихъ могущества. Возвращенная Волжанами самостоятельность обширной Россіи нѣсколько унизила оное; Алариковъ, Радогостей, Ермавариковъ Вандалинъ болѣе не стало, и сія держава, съ восшествія Аттилы на престолъ Россіи, принуждена была сдѣлать нѣсколько шаговъ назадъ. Одинъ только еще блисталъ въ Африкѣ Генсерикъ, отважный солдатъ, искусный морякъ, политикъ провицательный. Генсерика-то и почиталъ Аттила болѣе всѣхъ тогдашнихъ Государей; съ нимъ-то онъ и имѣлъ тѣсныя сношенія и личноебръную пріязнь. Кажется, что Русскій Царь въ знакъ своего къ нему уваженія, одного изъ своихъ сыновей наименовалъ Генсерикомъ по его имени. *Δις Γερικος* пишутъ Греки, а ошибочно, и *Διγγιδικ*.

Вообще, внутренняя исторія Вандальской, или Готской державы весьма темна. Сей народъ мелькаетъ въ Лѣтописяхъ, писанныхъ Италианцами, только во внѣшнемъ своемъ отношеніи. Мы еще не имѣемъ яснаго понятія о взаимномъ политическомъ отношеніи между собою всѣхъ граничныхъ владѣній Вандалинъ, и гдѣ было именно кормило ихъ верховнаго правленія; были ли правители сихъ большихъ частей настоящими Королями, какъ воображали себя, или именовали ихъ Италианцы *Reges* (отъ *rego* правлю), или просто Феодальными правителями, *Feudales*, или престо чиновными верховными На-

чадьянками, Намбсъянками, *Ysuntperotes Reges*? Когда сіи страны отпали отъ старой Вандаміи? Подобно ли Сѣверо-Американскимъ Штатамъ, Мексикѣ, или подобно Бразиліи?

Вотъ величайшіе и важнѣйшіе вопросы и обстоятельства изъ древней Исторіи Сѣверной Европы; вопросы, на которые ученая Историческая публика смотрѣла сквозь пальцы и зажмуренные глаза. Чрезмѣрное пристрастіе Германскихъ изыскателей къ своему племени ослѣпило ихъ до того, что сего Вандаальскаго великана, царствовавшаго въ Германіи со времени Юлія Цесаря до X столѣтія, они совершенно не видятъ; всадѣ, на каждомъ шагу, грезятся имъ одни ихъ предки; о Славянахъ, своихъ сосѣдахъ, они ничего не знаютъ, или, лучше, не хотятъ знать. Самъ Шлецеръ, желавшій казаться провѣнцательнѣе и правдолюбивѣе всѣхъ, въ своихъ понятіяхъ о Сѣверной Исторіи, выразѣ очертилъ обширную Германскую Славонію въ такомъ видѣ, въ какомъ она находилась въ IX и X столѣтіяхъ и уже приближалась къ своему паденію, луча же на древность сей упалающей Державы огнь не бросилъ, какъ провѣнцательный умъ, ни какого.

Впрочемъ, хотя прямо и публично никто (изъ лучшихъ писателей) не осмѣлился утверждать, что Вандамы въ Германіи были Нѣмцы; однако всѣ единогласно, и самъ Шлецеръ, утверждаютъ, что Вандамы въ *Нѣмцѣй странѣ*, конкъ въ послѣдствіи стали именовать *Франками*, были настоящіе Дайчеры! То же и о Готахъ! Я далекъ отъ того, чтобы подобно симъ ученымъ, на оборотъ, приписывать все Славянамъ (какъ Историкъ), я не принадлежу ни къ одному племени земнаго шара. Признаюсь, что въ сей Готской, или общей Германской кутерьмѣ скрывается и значительная часть Дайчерскихъ племенъ; надобно только попогѣть въ изысканіяхъ, чтобы опредѣлить имъ надлежащее мѣсто и въ Исторіи, и въ Германіи. Я здѣсь изложилъ только общія черты, или главное основаніе; прочія же подробности объяснитъ дальнѣйшее изслѣдованіе.

Въ то время (448 году) скончался верховный пра-

итель Вандальскихъ владѣній во Франціи, или, можетъ быть, настоящій Монархъ Вандалинъ, *Кладовой* или *Кладовой* (Cladoveus), оставя двухъ сыновей *Мировоа* (Meroveus) и *Кладовлада* (Cladovaldus, Klodobaldus пишутъ Латинцы). Римскими же владѣніями къ Галліи управлялъ храбрый *Аетій*.

Аетій родился въ Доростогѣ, т. е. Силистріи. Отецъ его былъ правителемъ сей области; послѣ, возвышенъ на степень Генерала отъ Кавалеріи (Magister Equitum), и былъ, наконецъ, Губернаторомъ Африки. *Аетій* въ дѣтствѣ посланъ былъ, въ числѣ Римскихъ аманатовъ, къ Аларіку, Королю Готовъ. Не задолго, возвратясь оттуда, отправленъ былъ тѣмъ же въ Россію ко двору отца Аттилы, съ которымъ вмѣстѣ и воспитывался. По созвращеніи на родину, служилъ отечеству съ похвалою. Онъ былъ провицателемъ, предприимчивъ, дѣятеленъ, и, вообще, игралъ великую роль въ бурныхъ обстоятельствахъ сего времени. Онъ зналъ лучше всѣхъ характеръ Аттилы и образъ его мыслей; живучи посреди державы, враждебной съ Имперією, онъ успѣлъ познакомиться съ ея силами и выгодами; словомъ, онъ былъ одинъ изъ полезнѣйшихъ для Имперіи людей. Императоръ предоставилъ ему мѣсто самое важное и требующее отъѣнной дѣятельности и бдительности; это было управленіе и защищеніе владѣній въ Галліи.

Аетій удержалъ успѣхи оружія Вандаловъ или Алановъ въ Сѣверной Галліи, и, послѣ борьбы, заключилъ наконецъ съ симъ народомъ довольно прочный для Имперіи миръ. Настала нѣкоторая тишина. Изгнаніе Готовъ изъ Россіи сблизило Вандаловъ на Западъ съ Римлянами. Успѣхи Аттилы на Дунаѣ обратили на себя взоры всей Европы, и дружба между Вандалами и Римлянами сдѣлалась еще тверже; молодой Князь *Мировой* посѣщалъ *Аетія*, и даже похажъ было въ Римъ.

Между тѣмъ, Римскій военачальникъ обращалъ большое вниманіе на Россію; онъ не забывалъ Аттилу, и, какъ видно изъ Записокъ Приска, велъ съ нимъ переписку. Впрочемъ, онъ старался воскресить и поддержать въ Римскомъ дворѣ древній духъ диктаторскій, дѣятельный. Вдругъ скончался *Кладосой*. Аетій раздѣлъ между его сыновьями раадоръ (это старинная Римская политика) и, вопреки правамъ наследства *Кладосада*, помогъ взойти на престолъ младшему его брату *Миросолу*, истинному приверженцу Римлянъ. Междуусобіе продолжалось не долго, и кончилось тѣмъ, что Претендентъ принужденъ былъ бѣжать. Это происшествіе крайне тронуло Генсерика Африканскаго, врага Римлянъ. Кладовладъ прибылъ ко двору Аттилы.

Тогда-то началась дѣятельная посольская и курьерская бѣготня между дворами Константинопольскимъ, Римскимъ, Карагенскимъ, Русскимъ, Тулузскимъ, Орлеанскимъ. Главная квартира Аетія была въ Арлатъ или Арль (Arles) въ южной Франціи. Мы видѣли изъ Приска, что въ то самое время, когда посольства обѣихъ Имперій сѣдѣли ко двору Аттилы, тамъ уже находились послы, какъ говорятъ Прискъ, другихъ варварскихъ народовъ; но это было два или три года тому назадъ. (Вотъ опроверженіе тѣхъ историческихъ граматѣевъ, которые воображаютъ себя, что Гунны, какъ дикій народъ, напали внезапно и безъ всякаго объявленія. Вотъ причина, почему Аттила не веселился на дипломатическомъ обѣдѣ, какъ замѣчаетъ Прискъ. Вотъ причина, почему онъ, оставивъ войско въ малой Валахіи, сѣдѣлъ въ столицу. Въ то время, какъ распоряджалъ онъ кампанією Задунайкою, не только въ его головѣ, но и на самомъ Западѣ политическія

длаа приходили въ брожене.) Теперь онъ еще уси-
 лись, а иначе по поводу переживъ Правительства
 въ Константинополѣ, и Вандалскихъ безпокойствъ.
 Римскій дворъ могъ опасаться Аттилы, а Мирной могъ
 предвидѣть, какое слѣдствіе можетъ имѣть ходатай-
 ство Кладовлада; слѣдственно, обѣ стороны успѣшили
 заключить оборонительный союзъ, къ коему тотчасъ же
 приступилъ и дворъ Тулузскій (Король Теодорикъ).

Къ сему-то союзу соединился и Императоръ Визан-
 тійскій, и, ободрившись, тѣмъ рѣшился отказать Аттилѣ
 въ подписаніи постыднаго для Имперіи Теодосіева
 трактата. Стеченіе обстоятельствъ было такое, что
 Аттила отнюдь не могъ предупредить сего страшнаго
 всеобщаго союза. Ни одна изъ дипломатическихъ
 его диверсій не могла разстроить онаго. Прибывшіе
 къ нему въ послѣдній разъ чрезвычайные посланники,
Аполлоній, Перъ Имперіи, отъ Византійскаго, и *Касси-
 одоръ*, Государственный Канцлеръ, въ сопровожденіи
Карпаліона, сына Аетіева, отъ Римскаго Императора,
 принесли ему пустой церемональный, а въ самоѣ
 дѣлѣ, отказный отвѣтъ. Это произвело непріятное впе-
 чатлніе на душу сего необыкновеннаго человека;
 его лице помрачилось и, по всеобщему сочувствію,
 стало помрачаться и весь политическій горизонтъ
 Европы; во всѣхъ углахъ ея бросились острить губа-
 тельное оружіе.

Всѣ три обширныя Русскія племена, по мановенію
 своего грознаго Царя, немедленно выставили подъ
 его знамена весь лучшій цвѣтъ своего юношества. Кли-
 ентъ его, князь *Кладославъ*, долженъ былъ собрать
 своихъ приверженцевъ въ Балтійской Славоніи, и по-
 слѣдовать за своимъ покровителемъ.

Орденъ, Епископъ Арвернскій въ Галліи, и современникъ Аттилы, говоритъ, что, сверхъ численныхъ племенъ Русъ, за Аттилою послѣдовали и Рутійцы, Геломы, Бьломомы, Герулы, т. е. Балтійскіе, или Померанскіе Славяне, иначе жители старой Вандаліи. Это сочувствіе сей страны съ Аттилою не иначе можно объяснить, какъ только тѣмъ, что сіи племена приняли сторону Кладовлада, и, на оборотъ, присутствіе сего Претендента при дворѣ Аттилы объясняетъ причину присоединенія Балтійцевъ къ его войскамъ.

Ударилъ кровавый часъ, и Аттила съ отборнымъ войскомъ, подобно всеразрушающей грозѣ, понесся къ предѣламъ Галліи, оставивъ обсерваціонные корпусы въ малой Валахіи и Панноніи для прикрытія тыла походной арміи. Между тѣмъ, въ Сѣверной Италіи, Пиемонтѣ, Савойѣ, Римскія войска постепенно собирались въ корпусы, и проходили въ Южную Галлію.

Король, дорогою, взялъ приступомъ знаменитые города *Разраціи* (Raugacium), *Виндониссу* и *Аренто-сарію*. На ихъ развалинахъ построены впоследствии Базель, Виндишъ и Колмаръ. Отсюда по Рейну обратился къ Сѣверу въ Алзасъ. Ничто не могло ему противиться; *Страсбургъ*, *Спейеръ*, *Вормсъ*, приняли его въ свои стѣны какъ грознаго побѣдителя; за нимъ, взявъ *Майнцъ* (Maintz, Mayence), *Туль*, *Діезъ*, а 7-го Апрѣля, въ день Свѣтлаго Воскресенія, и *Мецъ*, въ коемъ побито много жителей.

Не возможно слѣдовать, продолжаетъ *Лебо* (Hist. de Bas Empire, XXXIII), за всѣми движеніями Аттилинскихъ войскъ. Знаемъ только, что обширныя области между рѣками Рейномъ, Мозелемъ, Марною и Сеною, были театромъ войны, на которомъ защищался храбрый *Мировой*, но нигдѣ не могъ устоять; *Тонгръ* (Tongres), *Реймсъ*, *Аррасъ*, ваяты приступомъ, *Тревъ* (Trèves)

иногда самый цѣлѣушій городъ Галліи, опустошенъ въ пятый разъ. Здѣсь между прочимъ, одинъ изъ развѣданныхъ отрядовъ схватилъ въ плѣнъ супругу Мироваго и сына его *Хилдерика*, коихъ однако Вандамы освободили, папавши на ихъ копвой.

Послѣ сихъ первыхъ успѣховъ своего оружія, Аттіла направилъ свои военныя дѣйствія на Сѣверо-Западную часть нынѣшней Франціи, къ рѣкѣ Лоаръ. Жители Парижа, при приближеніи непріятеля, разбѣжались бы, еслибъ не удержала ихъ Св. Женевіева, обѣщая имъ, что непріятель отнюдь не коснется ихъ города (тогда только что уѣзднаго). И дѣйствительно, Аттіла главный корпусъ своихъ войскъ, прошедшій мимо сего городка, подвинулъ къ осадѣ, тогда столичнаго, Орлеана (*Colonia Aurelia, Aureliana, Augustianum*). Опасность уже угрожала Готамъ. Мировой убѣждалъ съ остатками своихъ воиновъ къ Союзникамъ. Воинскія соображенія и движенія Аттілы столь были быстры и рѣшительны, что Союзники поражаемые внезапными ударами, не могли опомниться. Теодорикъ, повелитель Готовъ, испугалъ и, въ то самое время, когда надлежало ему двинуться впередъ для пріостановленія дальнѣйшихъ движеній непріятеля, и поддержанія ослабѣвавшаго *Мироваго*, отправилъ нарочнаго въ главную квартиру Аттілы съ просьбою о перемиріи. Король принялъ оную; ибо надѣялся заключить миръ по своему желанію, и разстроить союзъ непріятелей. Но, межъ тѣмъ, не дремалъ Аетій; онъ далъ повелѣніе Римскимъ войскамъ, шедшимъ изъ Савоіи, Пьемонта и Милана, усиленнымъ маршемъ послѣдовать въ южную Францію и соединиться съ сосредоточиваемыми въ оной корпусами. Медленность въ движеніяхъ Готовъ и нерѣшительность Тулузскаго

Двора заставили Аетія отправить къ своему, съ убѣдительными представленіями, Генерала *Аомата*, для возбужденія его къ дѣятельности; Мировой также возбуждалъ своихъ къ общему возстанію для изгнанія изъ своихъ владѣній врага (итакъ, Аттила не могъ воспользоваться благоприятнымъ случаемъ); всѣ жители Франціи и отчасти Нидерландовъ вооружились, всѣ стремились въ одну огромную массу.

Вообще, силы Союзниковъ превосходили числомъ войско Аттилы, отчасти пострадавшее въ предшествовавшихъ сраженіяхъ, а отчасти уменьшенное опредѣленіемъ изъ своего въ разныхъ мѣста гарнизоновъ. Главное цѣлю движенія Союзниковъ было освобожденіе Орлеана, столицы *Мироваго*, отъ осады. Но уже было поздно; ибо городъ сей, не смотря на его укрѣпленія, вѣсть былъ приступомъ и слабѣе непріятельскихъ гарнизоновъ. По соединеніи силъ своихъ, Союзники рѣшились дѣйствовать наступательно. Одинъ изъ лучшихъ ихъ поддѣловъ было обратное взятіе Орлеана; передовой ихъ корпусъ, коему жители открыли тайно ворота, вошелъ въ городъ, и истребилъ почти весь Русскій гарнизонъ. Съ сего времени, стали происходить частныя небольшія перепалки. Между тѣмъ, обѣ стороны, соединяя свои войска въ одну массу, предвидѣли необходимость молного и рѣшительнаго сраженія. Наконецъ, Аетій рѣшился дать генеральное сраженіе. Обѣ стороны сблизились на поляхъ *Шалонскихъ* (около города Шалона). Предъ сраженіемъ, Аттила, собравъ офицеровъ своихъ войскъ, пронесся къ нимъ сильную рѣчь; онъ предоставилъ себѣ лично командовать центромъ; правое крыло поручилъ *Ардарику*, а лѣвое *Валамиру* (Валадиміру). Между Союзниками лѣвымъ правилъ самъ Аетій, правымъ

Короля Теодориха, а центромъ *Синтвалла*, найвостаннѣ Мироваго, съ своимъ Вандаманъ (Альманъ). Нѣкогда Европа не видала, говорить одинъ историкъ, двухъ войскъ столь огромныхъ, готовящихся къ взаимному пораженію; адѣсь-то сосредоточился Северо-Востокъ, чтобы сразиться съ Юго-Западомъ; вѣстолюбію одного человѣка приносилась въ жертву цѣлыя народы.

Исторія не оставила намъ подробностей о семъ великомъ и кровопролитномъ сраженіи; частныя обстоятельства и общій ходъ его, въ такомъ замѣчательствѣ, должны были остаться въ неизвестности и для самихъ участниковъ въ ономъ.—Въ числѣ многочисленнаго убитыхъ, со стороны Союзниковъ находился и крабрий Король Визиготовъ, *Теодорихъ*; сынъ его Торсмендъ, раненый въ голову, упалъ было съ лошади; не спасенъ былъ отважностію своею дружины; Аспій чуть не попался въ плѣнъ.—Сѣча прекратилась уже поздно въ ночи.

Римскіе (Латинскіе) и Готскіе современныя писатели не признаются, на чьей сторонѣ осталась побѣда. Вообще думаютъ они, что сраженіе кончилось *sub Marte*, т. е. безъ побѣды съ той или другой стороны. Нѣкоторые только прогвариваютъ сквозь зубы, что побѣда осталась на сторонѣ Союзниковъ, замечая изъ того, что Атила, послѣ сраженія, поскакалъ домогаться въ станъ, и, слѣдовательно, будто пераи оставилъ мѣсто сраженія. Чтѣ совершенно не справедливо; ибо 1) такъ говорятъ враги его. Безпристрастный судья потребуетъ свидѣтельствъ отъ обѣихъ сторонъ. Съ нашей стороны нѣтъ ни одного писателя; Латинско-Готскимъ же волюю было говорить чтѣ нѣтъ хотѣлось. 2) Послѣ сего сраженія сыны Руса не

только что не отступали, но преслѣдовали Аетія и его Римляне до самаго Рима. Здѣсь, слѣдствіе сраженія, а не пристрастное вранье непріятельскихъ историковъ есть истинное свидѣтельство, что Аттіла былъ въ полной мѣрѣ грознымъ Шалонскимъ побѣдителемъ.

Что было слѣдствіемъ сего сраженія? — Западный союзъ разстроился, чего именно и добивался властолюбивый Монархъ обширной Руси, желавшій къ себѣ лишить Римлянъ водноразъ. Старикъ Французъ *Le Veau*, въ своей Исторіи Византійской, говоритъ, будто самъ Аетій разстроилъ союзъ послѣ сраженія, отпустивъ Готовъ и Вандаловъ во своаки, безъ опасенія, говорить онъ, чтобы они не восстали противъ Римлянъ и не уничтожили ихъ владычества въ Галліи. Но это нѣчто есть сущій вздоръ; ибо послѣ сего сраженія Аттіла не думалъ о перемиріи съ Римлянами, и наступала самая критическая минута для Имперіи, которая теперь болѣе всего, чѣмъ когда либо, нуждалась въ помощи своихъ Союзниковъ.

Смерть Теодорика, управлявшаго своимъ народомъ со славою въ продолженіе 32 лѣтъ, лишила Готовъ бодрости и охоты продолжать борьбу, склонившуюся на сторону непріятеля. Возникло замѣшательство между ними и на счетъ наследства престола. Несчастный Король оставилъ дома четырехъ сыновей: *Фридерика*, *Еврика* (Юрика, Ерика, Еврика? *Euricus* называли его Латинцы), *Ротемира* (не лучшели ли Радимира? *Rotemig*) и *Иммерика*. Двое же *Торисмондъ* и *Теодорикъ* соупутствовали Королю отцу.

Торисмондъ сталъ думать, по видимому, болѣе о наследствѣ, чѣмъ о продолженіи войны. Аттіла воспользовался симъ случаемъ; съ его согласія Торисмондъ провозглашенъ Королемъ Готовъ; за то онъ

долженъ былъ подписать мирныя условія, предписанныя грознымъ побѣдителемъ и, отказавшись отъ союза съ Римлянами, обратиться во свояси. То же самое случилось въ политическомъ отношеніи и съ Вандалами.—Не извѣстно, куда дѣвался Претендентъ Вандальскаго престола во Франціи, *Кладосладе*; убитъ ли на сраженіи, умеръ ли, или, можетъ быть, пренебреженъ Аттилою, или вознагражденъ чѣмъ либо; подробности Вандальской современной Исторіи для насъ не сохранены. Извѣстно, по крайней мѣрѣ, что *Мировой* (*Miroveus, Méroveus*), согласившись на требованія Атталы, и перешедъ отъ Римлянъ на сторону Россіи, остался на престолѣ, на коемъ царствовалъ довольно хорошо еще 10 лѣтъ. Потомки его, ноуъ именемъ *Мировисей*, царствовали съ 458 по 754 г. годъ. Черноволосые писатели, Италіанскаго происхожденія или ученія, называли сей доуъ какъ могли; Вандальское *Мировисей* они писали въ единств. *Merovic*, род. *Merovigis*, множ. *Méroviges*; но, по своей породѣ, они любили говорить въ носъ, для этого именно нужна буква *z*, которую они и всунули въ это слово, и такъ произошло *Merovinges, Merovingi*. Забудьте, что во время Атталы сей народъ называли *Вандалами* и *Алалами*; сей же самый Царственный доуъ и народъ впоследствии переименовали во *Франковъ*. Но обратимся къ Атталѣ.

Послѣ Шалонскаго сраженія и пораженія, Римляне, лишеныя Союзниковъ, послѣдственно отступили къ Югу и къ предѣламъ Италіи; союзныя Россы понесли за ними по пятамъ. Кажется, что не было лучшаго способа и случая воспользоуаться вполне Шалонскою побѣдою и разстроеннымъ союзомъ державъ. Шалонское сраженіе произвело весьма непри-

лжное ощущение въ Римскомъ дворѣ и Сенатѣ. Астїи на плечахъ велъ врага во внутренность Имперїи, чрезъ Савойю и Пиемонтъ. Быстрыя движенія Аттилы не давали и духу Римлянамъ собрать новыя силы. Императоръ Валентиніанъ немедленно отправилъ въ Царградъ для испрошенія немедленной помощи. Въ слѣдствіе чего пѣхота и конница Византійская, расположенная въ Македонїи, Фессалїи, Албанїи, Сербїи, усиленнымъ маршемъ поспѣшила, чрезъ Кроацію, для соединенія съ арміею Астїи въ Краинѣ и около Милана. Въ южной же Италїи даже и ветераны, дожившіе свои лѣта въ гарнизонахъ, не пощажены.

Между тѣмъ, Аттила не допустилъ Римлянамъ собраться въ большія массы. Онъ далъ повелѣніе Дунайской своей арміи занять Паннонію и дѣйствовать на Кроацію и Иллирикъ для удержанія войскъ Византійскихъ; другому корпусу препоручилъ выгнать Римлянъ изъ земли Словенской или Адриатической Украины (Австріи, Штирїи, Каринтіи, Карниолы, Краины), самъ же, на пути отъ Шалона, взялъ многія укрѣпленныя мѣста, между коими достойнѣе всѣхъ замѣчанія *Augusta Vindelicorum*, что нынѣ Аугсбургъ въ Баварїи. Перешедъ чрезъ Юліевы Альпы въ Италїю, обложилъ великій, знаменитый, торговой, укрѣпленный городъ *Аквилено*, которую, послѣ трудной осады, взялъ штурмомъ, ограбилъ и разорилъ, и которой прежде (52 года тому назадъ) ни знаменитый *Аларикъ*, ни *Радость* взять не могли. Въ слѣдъ за сѣмъ взять приступомъ же и второпрестольный градъ Имперїи *Миланъ* (*Mediolanum*); за сѣмъ города: *Конкордія*, *Алтинъ*, *Падуа*, *Виенца*, *Верона*, *Брешиа*, *Бергамъ*, *Павїа*; словомъ, отнята вся сѣверная И-

талія, послѣ совершеннаго покоренія востъ война Аттилы направилъ свое дѣйствіе на Римъ.

Императоръ налъ въ совершенное уныніе, когда ему донесли о приближеніи передовыхъ непріятельскихъ отрядовъ. Предположено было защищаться до крайности; все двинулось, и старъ и младъ, къ защитѣ столицы. Между тѣмъ, Императоръ отправлялъ въ придвигаемую главную квартиру Аттилы чрезвычайныхъ пословъ изъ первыхъ чиновъ Имперіи: *Асіена*, бывшаго два года тому назадъ Консуломъ Государства, *Триестія*, бывшаго Генераль-Губернаторомъ въ Африкѣ, а тогда Правителемъ дѣлъ Италіи (*Præfectus Prætorio Italiae*), и *Льва* Епископа Римскаго, для испрошенія перемирія и для заключенія мира. Инструкція дана была имъ очень горькая для Римлянъ; ибо надлежало не переговаривать, а умолять о прекращеніи кровопролитія, и соглашаться почти на все, предписываемое побѣдителемъ. Аттила принялъ чрезвычайныхъ пословъ довольно благосклонно и согласился на перемиріе. Не смотря на сіе, его армія подошла подъ самыя стѣны Рима, въ нахѣрени, если нужда потребуеть, обложить оный, и расположилась лагеремъ въ виду *Носелительницы мѣра*, которая, съ тѣхъ поръ, какъ гуси освободили ее отъ Бренновыхъ пролазовъ, своевольно и самовластно рѣшала судьбу народовъ стараго мѣра. Но теперь, какая унижательная, для чести *Senatus Populique Romani*, картина показалась взорамъ любопытныхъ съ городскихъ стѣнъ! Обширные станы *Россовъ* Донскихъ, *Дигировскихъ* и *Дунайскихъ*! Отчаяніе Императора достигло своей вѣры; онъ согласился на всѣ требованія побѣдителя, между тѣмъ, какъ граждане, съ ускореннымъ біеніемъ сердца, со стѣнъ ожидали ро-

ковой минуты. Вдруг зажѣтили они движеніе непріятеля, несущагося по большой битой дорогѣ прямо къ воротамъ столицы. Это былъ Русскій Царь, сопровождаемый Воеводами своими и кавалерійскимъ отрядомъ. По приближеніи его, открылись врата Рима, изъ коихъ вышелъ ему на встрѣчу *Левъ* Епископъ, въ сопровожденіи всего Римскаго духовенства, и . . . въ-сто ключей города, поднесъ побѣдителю *Скипетръ* *обладанія міромъ* (*Orbis dominatus*), завитый въ мирный трактатъ, постыдный для имени потомковъ *Цесарей* и *Сципіоновъ*.

Замѣчательно, что Лѣтописцы Монахи-Западные, представляюще себя Аттилу какъ простаго набѣдника, сей процессіи Льва Римскаго Епископа и его Латинской рѣчи приписываютъ прекращеніе войны съ Италіей и снятіе осады Рима. Но еще замѣчательнѣе, что этотъ вздоръ повторяется и по нынѣ во всѣхъ почти Историческихъ сочиненіяхъ, да и нерѣдко учеными людьми.

До насъ не дошли всѣ условія сего мира. Главнѣйшія изъ нихъ были: Римляне уступили Руси всю Паннонію (Адриатическую Украину), Словенскую землю и Кроацію. Итакъ, сіи бѣдные *Словене*, стоившіе подъ игомъ Италианцевъ со времени Августа, наконецъ, освобождены; Аттила сдѣлался ихъ не владыкою, а покровителемъ и благодѣтелемъ; какъ Славянской Патріотъ, онъ учредилъ между ними народное правленіе и законы; всякая ихъ область стала имѣть своего природнаго *Словенскаго* Князя, который однако княжилъ въ нѣкоторой зависимости отъ Болгаро-Русскаго Монарха, и былъ обязанъ быть вѣчнымъ другомъ и союзникомъ Россіи. — Итакъ, 1) Итали, съ Сѣвера, назначены естественные древніе ея предѣлы; только остались за нею Савойя и южная

часть Франціи. 2) Имперія обязалась платить Російскому Двору ежегодную подать.

Словене, со времени Аттилы, въ отношеніи ихъ гражданственнаго бытія, начавъ существовать политически, оживаютъ и для Исторіи, которая прекращается вновь съ ихъ политическою смертію, нанесенною имъ Карломъ Великимъ, 780 — 800 года. Сія исторія для насъ большею частію затерана, и находится только въ отрывкахъ у разныхъ иностранныхъ писателей. *Прокопій*, *Йормандъ*, и *Меландръ* первые стали именовать сей освобожденный и, нѣкоторымъ образомъ, оживленный народъ собственнымъ его именемъ: *Словенами* (*Slavini*, *Sclavini* и проч.). Военныя дѣянія Словенъ, преимущественно въ сообществѣ съ Болгарами, противъ Византійцевъ, были причиною, что ихъ имя стало быть почаще повторяемо и, наконецъ, вошло въ общее употребленіе. Всѣ писатели, до Карла Великаго, имя Словенъ понимали правильно и определенно, т. е. мѣтили онымъ на жителей Адриатической Украины. Такъ, на примѣръ, если читаете гдѣ-либо, что въ войнѣ Аваровъ, т. е. Болгаръ, около 580—600 году съ Византійцами, находилось въ Аварской арміи столько и столько тысячъ *Slavinorum*, *Sthlavorum*, *Sclaviniorum* (*Σθλαβοι*), то не думайте Богъ вѣсть о какихъ Славянахъ, но объ упомянутыхъ *Словенахъ*, которые, со времени присоединенія своего къ Русь, обязаны были выставять ей вспомогательный корпусъ. Итакъ, и *Авары*, и *Словене* были Славяне, однако между собою нѣсколько различныя. Вотъ настоящее и единственное значеніе имени Славянъ въ Византійскихъ лѣтописяхъ.

Итакъ, война сія произвела значительный переломъ въ политическомъ относительномъ положеніи Европейскихъ Государствъ. Западная Имперія попала въ критическое положеніе, изъ коего не могла выйти и посредствомъ сильныхъ оборонительныхъ союзовъ съ сосѣдами; политика Аттилы и Шалонское сраженіе лишили ее сего средства; Торисмондъ и Ми-

ровой пристали къ сторонѣ тѣхъ владѣтелей, которые плясали по волѣ Аттилы; Италіанская кампанія присоединила къ нимъ и Императора Валентиніана.

Условія *Шалонскаго мира* съ Дворами Тулузскимъ и Вандальскимъ не замѣчены лѣтописцами; пріобрѣтеніе Словенской земли было только со стороны Римлянъ. Здѣсь же за достовѣрное можно принять, что Аттила подобнымъ образомъ воспользовался и Шалонскимъ миромъ. Ему уступлена, по силѣ онаго, Моравія, Богемія, и большая часть Сорабіи (нынѣ Саксонія). Неоспоримое сему доказательство есть въ томъ, что Авары впоследствии дѣйствительно собирали подати съ сихъ странъ; явнаго же ихъ завоеванія сихъ земель, кромѣ похода Аттилы, не видимъ. Походы же Аваровъ въ Германію, о коихъ упоминаютъ Западныя лѣтописи, были не для завоеванія упомянутыхъ странъ, а для защиты ихъ противъ Франковъ и Балтійцевъ, старавшихся отнять оныя обратно.

Тогда, вся тяжесть Руси сдѣлалась въ полной мѣрѣ ощутительною для Византійскаго двора; оборонительныя его мѣры не ручались вполне за его безопасность; онъ почелъ за необходимость подкрѣпиться дружелобіемъ съ Персією. Но Богъ вѣсть, чѣмъ бы дѣло еще кончилось, если бы не прекратилась внезапно жизнь грознаго завоевателя (454 год.), послѣ возвращенія изъ Италіи. Празднуя свадьбу съ новою красавицею, и слишкомъ хлебнувъ (по Славянски) горячаго напитку, ночью въ крикомъ сна, задохся онъ отъ сильнаго кровотеченія носомъ. Такъ скончался Великанъ, стоявшій одной ногою на Волгѣ, а другою на Рейнѣ; державшій одной рукою вершину Кавказа, а другой Сен-Готарда; ужасный для Азии и для Европы. О Парки! почему вы не дозволили ему поработать весь родъ человѣческій? Онъ похороненъ съ великою военною церемонією. Похороны кончились великолѣпнымъ пиршествомъ, на коемъ пили и ѣли

до нелзя брѣше; «то было обыкновеніе народное у Гунновъ, говорить старикъ Le Beau, похороны и негальную процессію заключать пиришествомъ».)»

Между народными пириствами, у Карпато-Россовъ, первое мѣсто занимають похороны. Всякъ имѣеть право явиться на пириство. Обыкновенно, усопшихъ провожаютъ въ обѣтованную землю по утру; провожатые, возвратившись съ кладбища, находящагося большею частію въ погостѣ, начинаютъ пиръ, продолжающійся до самой ночи. И послѣ стола не престають пить, пока достааетъ силы и чувствъ. Сей похоронный пиръ называется у нихъ *Комашней*. Для комашней, хозяинъ дома обыкновенно закалаетъ какое-либо животное, болѣе же всего *барана* или *быка*.—Очевидно, что это обыкновеніе осталось у нихъ отъ язычества; слѣдовательно, изъ самой древности. Сей пиръ, *въ красочисломъ* отношеніи, есть то же, что пириство при похоровахъ Аттилы.

Не стану повторять о душевныхъ и тѣлесныхъ мачествахъ, сего Монарха. Послѣднія изображены разными писателями; мервыя же подразумѣваются сами собою. Великія дѣянія могутъ быть производимы только великимъ умомъ и великою душою. Здѣсь прибавлю только три о немъ анекдота.

Наѣреваясь обложить одинъ укрѣпленный городъ (кажется Троя, *Troyes*) во Франціи, лично отправилъ онъ, въ сопровожденіи конной команды, для осмотра укрѣпленій. На одномъ изъ бастионовъ замѣтилъ человѣка, показавшагося ему непростымъ и несоддатомъ; это былъ Единсконъ города. Прискакавъ поближе, онъ спросилъ его, кто онъ таковъ? Незнакомый отвѣчалъ: *Я слуша Божій*. Король тотчасъ

*) Гробъ Аттилы былъ тройной; *внѣшній* изъ свинца, *средній* изъ серебра, а *внутренній*, въ косякъ заключалось тѣло, изъ золота,

подхватывалъ: *а Я былъ Божій, посланный для наказанія злымъ слугъ.* Епископъ, преклонивши главу свою, отвѣчалъ: *«Твори же какъ тебѣ ослыно, и накажи землѣ.»* Сей отвѣтъ такъ понравился Королю, что тотчасъ велѣлъ оставить городъ съ тѣмъ, чтобы горожане обѣщались услужить кое-чѣмъ проходящей его арміи.

Послѣ взятія Милана, на одной изъ лучшихъ улицъ онаго выставлена была карриатура, на коей Римскіе Императоры представлены были на тронѣ, предъ ними же на колѣнахъ иноплеменные Короли, высыпавшіе изъ кѣшиковъ золото къ ногамъ Императоровъ. Атилда велѣлъ снять картину и перерисовать на оборотъ, себя на тронѣ, а обоихъ Императоровъ на колѣнахъ съ золотомъ, высыпавшимъ къ его ногамъ.

Въ одномъ изъ Италіанскихъ городовъ какой-то поэтъ поднесъ ему стихотвореніе, въ коемъ величалъ его Божествомъ. Король столь сильно разсердился, что осудилъ его на сожженіе за то, что осмѣлился сравнивать его съ Богомъ. Когда несчастнаго привели къ роковому костру, и уже ставили на оный, *отступите его, вскричалъ Атилда, чтобы, по крайней мѣрѣ, не перепугать и хорошихъ поэтовъ.* Слова золотыя!

Изъ сихъ и другихъ замѣчаній видно, что Атилда былъ grand и bel esprit, не смотря на то, что болязненные внуки и чада побѣжденныхъ имъ Италіанцевъ прозвали его ужаснымъ Тираномъ, и *Бичемъ Вселенной*, и что за ними и по сію пору повторяютъ Историческіе крикуны. Такъ ворчали про него Латинцы или Готы. Почему же никто не спрашиваетъ, какъ отзывались о немъ Болгаре, Россіяне и прочія Славянскія племена? Атилда любилъ свой народъ душевно; всякій его подданный имѣлъ къ нему доступъ; правый

нигѣль въ немъ покровителя. Народъ, въ косякъ и юпоши возвращающемуся спѣшили на встрѣчу, какъ къ общему отцу великаго семейства, обожалъ его. Онъ любилъ народный отечественный языкъ, любилъ народныя пѣсни; былъ снисходителенъ ко всякому, если того позволяли обстоятельства; старался о народной промышленности и торговлѣ; служилъ примѣромъ воздержности, укрѣпленности и простоты; словомъ, Атилла былъ великъ во всякомъ отношеніи, и едва ли кто по сію пору наполнилъ собою всю сферу его величія.— О Историки! О Атилла, почему ты не велѣлъ сжечь хотя одного худаго Историка?



Х.

Дополненія.

Еще нѣчто о состояннн нынѣшнихъ Болгаръ въ Турецкихъ владѣніяхъ.

(Съ сожагѣніемъ признаюсь, что, не бывъ въ Турецкихъ владѣніяхъ за Дунаемъ, я не могъ изобразить сего народа въ нынѣшнемъ его положеніи вѣрно и подробно. Во *Введеніи*, я предложилъ только главныя черты, которыя должно распространить, объяснить. Кстати прилагаю здѣсь нѣсколько словъ изъ примѣчательнаго *Путешествія* г. Вальша изъ *Константинополя въ Анлію*, только-что вышедшаго въ свѣтъ на дняхъ.)

«Нынѣшніе Болгаре, говоритъ Вальшъ, совершенно утратили тотъ воинственный духъ, который нѣкогда отличалъ ихъ

предковъ; всѣ они обратились въ земледѣльцевъ и пастуховъ (лучше было сказать скотоводовъ), «живущихъ въ деревняхъ, которыя составлены изъ неправильно-выстроенныхъ хижинъ (это значить: правильно-выстроенныхъ хижинъ, но не расположенныхъ по плану, разбросанныхъ), «и не заслуживаютъ названія городовъ. У нихъ есть, однако же, нѣсколько городовъ, гдѣ она производятъ торговлю, и имѣютъ заводы. Городъ *Солмма*, къ Югу отъ Балканскихъ горъ» (въ Румелии), «имѣетъ около 20,000 жителей, которые почти всѣ Болгаре. Они производятъ изъ семъ городъ разныя надѣяя, весьма уважаемыя въ Турціи, какъ то; толстыя сукна, граневыя ружейныя стволы, и проч., но главное ихъ надѣяе, болѣе сообразное съ ихъ пастушескими нравами, есть приготовленіе *розоваго масла*. Большое пространство вокругъ *Солммы* занято на этотъ предметъ садами, и растущее въ оныхъ множество розовыхъ кустовъ увеличиваетъ еще красоту мѣстоположенія. Розовое масло въ большомъ количествѣ отправляется въ Европу, и мы простымъ досеянамъ обязаны за изысканнѣйшее и пріятнѣйшее благоуханіе природы.»

Мнѣніе Г. Вальша, будто Болгаре совершенно утратили тотъ воинственный духъ, который нѣкогда отличалъ ихъ предковъ, мнѣ кажется, не справедливо; ибо сей народъ не имѣетъ ни малѣйшаго случая, въ которомъ бы могъ выказать свою храбрость; *со-перемъ*, потому-что солдаты въ Турціи одни Турки; *со-сторемъ*, гдѣтъ тому съ 35 назадъ, Порты запретили имъ носить оружіе; *со-стремъ*, жилища ихъ усѣяны неприступными крѣпостями и множествомъ Турецкаго гарнизона, и, *макомецъ*, бдительный надзоръ Порты дѣлаетъ почти невозможнымъ возстаніе Болгаръ, въ которомъ они могли бы только и отличиться. Итакъ, народу остается только наблюдать тишину и терпѣніе. Вообще же, воинственный духъ какого бы то ни было народа никогда не выводитъ совершенно

нѣз его сердца *)); обстоятельства только утѣляютъ или возбуждаютъ оный.— Впрочемъ, высокой ростъ и атлетическій видъ Болгаръ совершенно ручается, что они могутъ быть и отличнѣйшими солдатами.

«Изъ всѣхъ», продолжаетъ Г. Вальшъ, «видѣнныхъ мною когда-либо деревенскихъ жителей, Болгаре суть самые простые, самые ласковые и самые услужливые.» Это и я самъ могу подтвердить собственнымъ своимъ небольшимъ опытомъ. «Они представляютъ разительную противоположность съ грубыми и невѣжествующими Турками, которые замѣшались между ними и отличаются отъ нихъ самыми рѣзкими отгѣнками.

«Болгаре отличаются своими черными шапками изъ бараньяго мѣха; они носятъ короткія суконныя полукафтаны изъ некрашеной шерсти, которую придають и ткутъ ихъ жены, бѣлыя широкія шаровары и кожаную обувь, привязанную за подъемъ ноги ремнями; они не имѣютъ при себѣ ни пистолетовъ, ни пожей, ни какого другаго оружія.» Я сказалъ, что отняли у нихъ, между тѣмъ какъ Сербы и Албанцы и нынѣ еще носятъ оное. «Въ особенности же обращаютъ они вниманіе своимъ искреннимъ, ласковымъ, обхожденіемъ и любовью къ ближнему. Всѣ Болгаре, нами встрѣчаемые, казалось, принимали насъ не иначе, какъ друзей своихъ. Когда буйволы ихъ или арбы загромождали намъ дорогу, то они спѣшили сворачивать въ сторону; если же надѣли насъ въ какой-нибудь бѣдѣ, то сей часъ спѣшили къ намъ на помощь. Дома ихъ для насъ открывались, и прїѣздъ нашъ былъ радостью для всего семейства. Платимыя нами имъ за гостепрїимство деньги были совершенно ничтожны, и я точно увѣренъ, что, если бы мы ничего не дали, то сами они конечно не потребовали бы. Турецкихъ женщинъ никогда не увидишь; Болгар-

*) Это отважно доказалъ даже 13-ти лѣтній Болгаринъ Райчо Николовъ, въ Іюнь сего года. (См. Моск. Вѣдом. 1854, № 130, стр. 1607.) Изд.

скія же, напротивъ того, исправляютъ всѣ домашнія работы. Онѣ обходятся съ нами такъ дружелюбно, какъ съ родными. Одежда ихъ весьма опрятна и ловко сдѣлана; она состоитъ изъ исподницы и кофты темносиняго цвѣта, сшитыхъ свѣтлою каймою, и изъ бѣлой рубахи, спущенной ниже юбки, и убранный складками около шеи и рукъ съ уборкою, похожею на кружева. Замужнія женщины повязываютъ голову платкомъ, котораго одинъ конецъ виситъ у нихъ на плечахъ; дѣвушки ходятъ съ открытою головою, убрывая себя волосы различными монетами. Всѣ онѣ носятъ серьги, запястья и кольца даже съ трехъ или четырехлѣтняго возраста. Ноги у нихъ босыя. Онѣ очень трудолюбивы, и никогда не покидаютъ своего веретена. Часто онѣ просили у насъ иглоу; и я очень жалѣлъ, что не взялъ съ собою ножницъ и другихъ женскихъ принадлежностей, которыя для нихъ были бы драгоценны.

«Болгарскія деревни обыкновенно состояются изъ 30 или 40 домиковъ, раскиданныхъ безъ всякаго порядка и правильности. Дома сѣи, выстроенные изъ плетня, который въ промежуткахъ набитъ землею, во внутренности своей чисты и удобны; въ нихъ не беспокоятъ васъ ни мошки, ни дымъ, ни неприятный запахъ. Въ одномъ углу жилища всегда лежатъ мѣшки, набитые шерстью, или ковры, для сна.»

«Языкъ, который говорятъ Болгаре, не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ языкомъ Турокъ, Жидовъ и Армянъ, съ которыми они безпрестанно находятся; они принесли его съ собою изъ Сарматинъ (т. е. изъ Руси; помяну вадоричать въ XIX вѣкѣ старинными прозвищами), «и онъ есть Славянское нарѣчье, подходящее болѣе всѣхъ прочимъ на Русскій языкъ. Поселившись въ сихъ странахъ, они приняли Христіанскую вѣру, и, пребывая съ тѣхъ поръ вѣрными членами Греческой церкви, они подчинены Греческому Патріарху въ Константинополѣ, который назначаетъ у нихъ Епископовъ. Сѣи послѣдніе всегда бываютъ изъ Грековъ, и, по естественному предпочтенію, они ввели языкъ свой при Богослуженіи по обѣ-

сторонъ Болгаровъ. Въ случаѣ же, если Богослуженіе отправляется не по-Гречески, то его читаютъ на древнемъ Еврейскомъ языкѣ» (изъ какой-то кстанціи, этого не понимаю), «и какъ Болгаре не понимаютъ ни того, ни другаго, то Богослуженіе отправляется у нихъ на языкѣ, для нихъ неизвѣстномъ. Даже въ цемныхъ школахъ, заводскихъ въ городахъ, всѣ учебныя книги Греческія, хотя языкъ сей ни сколько не употребителенъ въ народѣ; оттого происходитъ, что Болгаре до сихъ поръ находятся въ невіжествѣ».

Итакъ, Г. Вальдъ подтверждаетъ сказанное мною на счетъ угнетенной Болгарской Иерархіи. Дѣло въ томъ, что Порта старается *отурчать* Болгаръ, а Греки *оречать*. Недостатокъ въ церковныхъ книгахъ между Болгарами происходитъ отъ-того, что Порта воспрещаетъ народу вводить у себя Славянскія типографіи и высшія училища. Греческое же духовенство ни нуть не заботится о доставленіи въ церкви своихъ прихожанъ книгъ Славянскихъ. Прежде, когда въ Валахія и Молдавіи Богослуженіе отправлялось на Славянскомъ языкѣ, кангамъ, печатаемымъ тогда въ Букарестѣ, запасались и за-Дунайскіе и Румельскіе Болгаре; но нынѣшніи Воюющіи для нихъ не годятся; по-сему, нужда въ церковныхъ книгахъ у нихъ со дня на день увеличивается. Величайшимъ благодѣяніемъ для сего народа было бы, если испросить отъ Парты позволеніе заводитъ собственныя типографіи и высшія училища; попеченіе о благосостояніи училищъ поставить въ обязанность всѣмъ епархіальнымъ начальствамъ, и проч. Такимъ только образомъ народъ и можетъ приобрести собственную письменность; тѣмъ только и можно сдѣлать его что счастливѣе; что въ самомъ дѣлѣ и для Парты имѣло бы благотворныя слѣдствія. — Не стану разсуждать, удобисполнимо ли оное желаніе; это не мое дѣло. Впрочемъ, я далосилъ оное подобно всякому другому, который не рѣдко страдаетъ изъ невозможнымъ, говоря если бы . . . если бы . . . и такъ скажи: *Serisati sat!*

«Дары, которые говорятъ Болгаре, и предостанавъ наши»

путешественникъ, «никогда еще не былъ приведенъ въ Грамматическія правила.» Не справедливо. Сей языкъ, подобно другимъ, подвергался своимъ перворотамъ; его можно вообще раздѣлить на древній и новый, т. е. нѣсколько измѣнившійся. Итакъ, сей языкъ въ древнемъ своемъ періодѣ былъ приведенъ въ грамматическія и славянскія правила; литература его, какъ и нынѣ еще имѣетъ много памятниковъ, въ томъ числѣ и Св. Писаніе и Богослуженіе наше, была весьма обширна. Только нынѣшній не былъ приведенъ въ грамматическія правила. Недавно, однако, объявили было о подпискѣ на нѣсколько Болгарскихъ книгъ, и между прочимъ на Грамматику. См. выше стр. 15. «Мнѣ сказывали, что недавно на ономъ издано нѣсколько печатныхъ книгъ, но мнѣ онѣ не попадались, а всѣ, которыя видѣлъ я въ школахъ, были Греческія, а въ церквахъ — Славянскія. При двухъ или трехъ деревняхъ есть Священникъ; но, за исключеніемъ нѣсколькихъ мѣстъ, у Болгаръ не было ни церквей, ни училищъ, ни книгъ, и, кромѣ торговцевъ, содержащихъ лавки, которые обыкновенно бываютъ Греки, вѣроятно, что никто изъ жителей деревень, чрезъ которыя мнѣ случилось проѣзжать, не умѣлъ ни читать, ни писать. Подобно какъ у народовъ золотого вѣка, знобініе между ими не извѣстно, и путешественникъ, проѣзжающій чрезъ страну ихъ, не только безопасенъ отъ слѣдствій порочныхъ наклонностей, но всадѣ обрѣтаетъ приязнь, пронтекающую отъ самыхъ похвальныхъ добродѣтелей.» Это бѣдныя чада Руси!

Объ именахъ лицъ.

Сказанное мною выше (стр. 22 — 24) объ именахъ у разныхъ народовъ, относится къ именамъ собственно народнымъ, принадлежащимъ народному языку. Между тѣмъ, замѣтимъ, что большая часть сѣхъ народныхъ именъ нынѣ: означаютъ не одно лице, а цѣлыя семьи. — До введенія Христіанской религіи, у многихъ народовъ не было родовыхъ прозвищъ, т. е. фамильныхъ именъ. Со времени крещенія вслѣдствіи, кромѣ сво-

ого языческаго имени, получалъ изъ Святцевъ еще новое, иностранное, и, такимъ образомъ, у всякаго сдѣлялось по два имени; и какъ сѣ послѣднія сдѣлялись личными въ Христіанствѣ, то прежнія личныя (языческія) превратились въ фамильныя. Итакъ, сказанное мною прежде объ именахъ вообще, разумѣть должно о *народныхъ*, станутъ ли ихъ принимать за имена (въ язычествѣ) или *названія* (въ Христіанствѣ), все равно. Имена, даваемые при крещеніи, или *церковныя*, какъ иностранныя, туда не относятся.

Объ измѣненіи именъ Гунны, Авары.

На страницѣ 72-ой, я сказалъ, что имя *Гунны* прекращается, т. е. замѣнено другимъ уже около 587 года. Это я сказалъ, говоря о Византійскихъ, или Греческихъ Лѣтописяхъ; но о Западныхъ, или Латинскихъ этого сказать нельзя рѣшительно. Различіе между ними и тѣми состоитъ не только въ духѣ, языкѣ, но и въ успѣхахъ въ народописии. Такъ, напримеръ, переворотъ въ *народописной номенклатурѣ* въ Западныхъ, или Латинскихъ Лѣтописяхъ происходилъ гораздо медленнѣе и позже, чѣмъ въ Греческихъ. Мы видѣли (стр. 73), что Греки, съ 626 года, Аваровъ переименовали въ *Болгары*; а Западные только съ 800 года. Подобнымъ образомъ происходило и переименованіе Гунновъ въ *Аваровъ*. Греки отреклись отъ имени Гунновъ уже въ концѣ VI столѣтія, между тѣмъ, какъ Западные придерживались онаго въ полной мѣрѣ еще и въ VII, отчасти въ VIII вѣкѣ. — У Западныхъ писателей, имя Гунновъ вдругъ не могло прекратиться совершенно; оно долго боролось съ именемъ Аваровъ; и весьма замѣчательно, что обладателей Молдавіи, Валахій, Кроаціи, Венгріи, которыхъ Греки съ 626 года постоянно именуютъ *Болгарами*, иные изъ Западныхъ писателей называютъ, до самаго почти начала IX вѣка, *Гуннами*; иные только *Аварами*; а иные наконецъ обоими, говоря, *Avari, gens Hunnica, или Hunni Avarum dicti*.

КОНЕЦЪ.

НѢКОТОРЫЯ ПОПРАВКИ.

Стр. Строк.

2	5	Читай:	никѣмъ
—	6	—	здѣсь — понятие о
9	3	снизу	не смѣлѣ.
13	4	(и видѣ)	ни же
15	5	—	не чего
31	5	(и видѣ)	одно и то же
32	29	—	ни какой
34	19	—	<i>Szétsényi</i>
35	2	—	Также
36	22	(и видѣ)	то же, что
—	23	—	<i>осв. Воинъ — Воинск</i>
55	3	снизу	новость
62	1	—	Волошскаго народа
88	11	—	которыя
90	31	—	Латышская
91	7	—	Саксовъ
92	10	—	по всей Европѣ
93	23	—	Чунгарин
94	19	(и видѣ)	столь
143	17	—	называемому
159	12	—	дасть

- 414



3 2044 019 366 392

A FINE IS INCURRED IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.

Handwritten notes:
4
7/27/76
JAN
15-05/76

WIDENER
BOOK-ONE
OCT 1 1984
~~7302592~~
WIDENER
42814997
FILED

Calicut
WIDENER
7302592



8 032919 90020